

ISSN 2072-8522
ISSN (online) 2310-7278

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

СЛОВЕСНОЕ УДАРЕНИЕ В ЮРИДИЧЕСКОЙ РЕЧИ:
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ЖАРГОН ИЛИ ОШИБКА? .

ЭВФЕМИЗМЫ И ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ: УСТОЙЧИВЫЕ
СТРУКТУРЫ В АСПЕКТЕ ЭВФЕМИЗАЦИИ

КОШМАР КОШМАРОВА: СЕКТА И КРИМИНАЛ
В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

ТИПОЛОГИЯ ГЕРОЯ В РОМАНАХ
О ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1789 Г.

2019 / № 4

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8522 (print)

2019 / № 4

ISSN 2310-7278 (online)

серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 10.01.01 – Русская литература; 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья; 10.02.01 – Русский язык.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Philological Sciences: 10.01.01 – Russian literature; 10.01.03 – Literature of the peoples of foreign countries; 10.02.01 – Russian language.

ISSN 2072-8522 (print)

2019 / № 4

ISSN 2310-7278 (online)

series

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

**Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета.
Серия: Русская филология»**

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор серии:

Шаповалова Т.Е. — д.филол.н., проф., МГОУ

Заместитель главного редактора серии:

Герасименко Н.А. — д.филол.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Самсонов Н.Б. — к.филол.н., доц., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В.Н. — доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Болгария);

Алексеева Л.Ф. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Аношкина В.Н. — д.филол.н., проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Воропаев В.А. — д.филол.н., проф., МГУ имени М.В. Ломоносова;

Гусман Т.Р. — д.филол.н., проф., Гранадский университет (Испания);

Киселёва И.А. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Колларова Э. — д. философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словакия);

Копосов Л.Ф. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Моторин А.В. — д.филол.н., проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого;

Нагорный И.А. — д.филол.н., проф., Цзилиньский университет (Китайская Народная Республика);

Норман Б.Ю. — д.филол.н., проф., Белорусский государственный университет (Беларусь);

Петров А.В. — д.филол.н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск);

Рацибурская Л.В. — д.филол.н., проф., Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского;

Супрун В.И. — д.филол.н., проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Титаренко Е.Я. — д.филол.н., доц., Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского;

Шаталова О.В. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Шеншина В.А. — д.филол.н., науч. сотр., Хельсинкский университет (Финляндия);

Щедрина Н.М. — д.филол.н., проф., МГОУ

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» — печатное издание, публикующее статьи по языкознанию (лексико-грамматический строй русского языка, язык художественной литературы); литературоведению (исследование творчества русских и зарубежных писателей, сопоставительный анализ их произведений).

Журнал адресован учёным, преподавателям, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется достижениями филологической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73348.

Индекс серии «Русская филология»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40718

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2019. — № 4. — 152 с.

© МГОУ, 2019.

© ИИУ МГОУ, 2019.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University.
Series: Russian Philology»
Moscow Region State University**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

T.Ye. Shapovalova – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

N.A. Gerasimenko – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

N.B. Samsonov – Ph.D. in Philological sciences Sciences, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

V.N. Avramova – Doctor of Philological sciences, Professor, University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria);

L.F. Alekseyeva – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

V.N. Anoshkina – Doctor of Philological sciences, Professor, honored science worker of the Russian Federation;

V.A. Voropayev – Doctor of Philological sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University;

R. Guzmán Tirado – Doctor of Philological sciences, Professor, University of Granada (Spain);

I.A. Kiseleva – Doctor of Philological sciences, Associate Professor, MRSU;

E. Kollarova – Doctor of Philosophy, Professor, Catholic University in Ruzomberok (Slovakia);

L.F. Koposov – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

A.V. Motorin – Doctor of Philological sciences, Professor, Yaroslavl-the-Wise Novgorod State University;

I.A. Nagorny – Doctor of Philological sciences, Professor, Jilin University (China);

B.Yu. Norman – Doctor of Philological sciences, Professor, Belorussian State University (Belarus);

A.V. Petrov – Doctor of Philological sciences, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk);

L.V. Ratsiburskaya – Doctor of Philological sciences, Professor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

V.I. Suprun – Doctor of Philological sciences, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University;

E.Y. Titarenko – Doctor of Philological sciences, Associate Professor, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky;

O.V. Shatalova – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

V.A. Shenshina – Doctor of Philological sciences, Helsinki University (Finland);

N.M. Shchedrina – doctor of Philological Sciences, Professor, MRSU

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology" is a printed edition that publishes articles on linguistics (lexicogrammar system of the Russian language, the language of literature); literature study (study of the works of Russian and foreign writers, a comparative analysis of their works).

The journal is addressed to scientists, teachers, doctoral students, PhD students and all those interested in the achievements of philological science.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФЦ 77 - 73348.

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 40718

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology. – 2019. – № 4. – 152 p.

© MRSU, 2019.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2019.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Брадецкая И. Г., Соловьева Н. Ю.** СЛОВЕСНОЕ УДАРЕНИЕ
В ЮРИДИЧЕСКОЙ РЕЧИ: ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ЖАРГОН
ИЛИ ОШИБКА? 8
- Волкова Е. П.** БЕЗЛИЧНЫЕ КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ
НЕОБДУМАННОСТИ И НЕВОЛЬНОСТИ ДЕЙСТВИЯ 15
- Го Лицзюнь.** «ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СМЕЁТСЯ»: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
ОБРАЗА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ. 22
- Ковшова М. Л.** ЭВФЕМИЗМЫ И ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ: УСТОЙЧИВЫЕ
СТРУКТУРЫ В АСПЕКТЕ ЭВФЕМИЗАЦИИ. 35
- Колесникова С. М.** СУБЪЕКТИВНАЯ ГРАДУАЛЬНАЯ ОЦЕНКА
ДЕЙСТВИЯ И ТЕОРИЯ «СТЕПЕНЕЙ СОВЕРШАЕМОСТЕЙ»
РУССКОГО ГЛАГОЛА. 49
- Учайкина Е. В.** ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВЫРАЖЕНИЯ ПРОФЕССОРСКО-
ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИЙ СОСТАВ 59
- Цынк С. В.** МЕТАФОРЫ ИЗ ИСТОЧНИКОВОЙ СФЕРЫ «НЕЖИВАЯ
ПРИРОДА» В ИДИОСТИЛЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА (НА МАТЕРИАЛЕ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ) 67
- Щекочихина М. А.** РАЦИОНАЛИЗМ И ГУМАНИТАРНОЕ
ЗНАНИЕ В XVII ВЕКЕ. КРИТИЧЕСКИЙ МЕТОД В ТРУДАХ
ЖАНА МАБИЛЬОНА. 82

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Александрова-Осокина О. Н.** ПОЭТИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ
ПРИАМУРЬЯ В ПОЭЗИИ ПЕТРА КОМАРОВА 90
- Карпачева Т. С.** КОШМАР КОШМАРОВА: СЕКТА И КРИМИНАЛ
В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО 99
- Литвиненко Н. А.** ТИПОЛОГИЯ ГЕРОЯ В РОМАНАХ
О ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1789 Г. 113

Макартецкая Ю. А. ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ У. ПЕЙТЕРА. 121

Плющ В. Н. СВОЕОБРАЗИЕ ВОПЛОЩЕНИЯ «ДЕТСКОЙ» ТЕМЫ
В РАССКАЗАХ «МАЛЕНЬКИЙ ГЕРОЙ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
И «РОМАН» М. ГОРЬКОГО 129

РЕЦЕНЗИИ

Аманжолова К. Б. ХРОЛЕНКО А. Т. ВВЕДЕНИЕ В ЭКОФИЛОЛОГИЮ:
УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ. МОСКВА: ФЛИНТА: НАУКА, 2017. 264 с. 137

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Никитин О. В. НАЦИОНАЛЬНАЯ (С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ)
НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКАЯ РОМАНТИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ:
К 220-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. ПУШКИНА (1799–1837)
И 210-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. В. КОЛЬЦОВА (1809–1842)» 142

Батунова Т. К. ДЕНЬ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ
И КУЛЬТУРЫ – 2019. СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ. 146

CONTENTS

SECTION I. LINGUISTICS

I. Bradetskaya, N. Soloveva. WORD STRESS IN RUSSIAN LANGUAGE: PROFESSIONAL JARGON OR WRONG?.....	8
E. Volkova. IMPERSONAL CONSTRUCTIONS WITH THE MEANING OF RASHNESS AND INVOLUNTARY OF ACTION	15
Guo Lijun. “PERSON THAT LAUGHS”: REPRESENTATION OF THE NOTIONS IN THE RUSSIAN LANGUAGE	22
M. Kovshova. EUPHEMISMS AND PHRASEOLOGICAL UNITS: FROZEN STRUCTURES FROM THE STANDPOINT OF EUPHEMISATION	35
S. Kolesnikova. SUBJECTIVE GRADUAL EVALUATION OF ACTION AND THEORY OF THE “DEGREES OBTAINED” OF THE RUSSIAN VERB	49
E. Uchaikina. HISTORY OF ORIGIN AND USAGE OF THE EXPRESSION ACADEMIC STAFF	59
S. Tsynk. METAPHORS FROM THE “UNANIMATE NATURE” RESOURCE SPHERE IN A. Solzhenitsyn’S IDIOSTYLE (AS EXEMPLIFIED IN HIS SOCIAL AND POLITICAL WRITINGS)	67
M. Shchekochikhina. RATIONALISM AND HUMANITIES IN THE 17TH CENTURY: THE CRITICAL METHOD OF JEAN MABILLON	82

SECTION II. LITERARY STUDIES

O. Alexandrova-Osokina. THE POETIC TOPOGRAPHY OF THE AMUR REGION IN THE POETRY OF PETER KOMAROV	90
T. Karpacheva. HORROR OF KOSHMAROV: CULT AND CRIMINAL IN EARLY CREATIVITY OF F. M. DOSTOYEVSKY	99
N. Litvinenko. TYPOLOGY OF THE CHARACTER (HERO) IN THE NOVELS ABOUT THE FRENCH REVOLUTION OF 1789	113

Yu. Makartetskaya. AESTHETIC VIEWS OF W. PATER 121

V. Plyushch. SPECIFIC OF THE 'CHILD THEME' EVOCATION
IN THE STORIES OF F. DOSTOEVSKY ('THE LITTLE HERO')
AND M. GORKY ('LOVE AFFAIR') 129

REVIEW

C. Amanzholova. KHROLENKO A. T. INTRODUCTION
TO ECOPHILOLOGY: A TEACHING UNIT. MOSCOW: FLINTA:
NAUKA, 2017. 264 P. 137

SCIENTIFIC LIFE

O. Nikitin. NATIONAL (WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION)
SCIENTIFIC CONFERENCE "RUSSIAN ROMANTIC POETRY:
ON THE 220th ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF A. S. PUSHKIN
(1799–1837) AND 210th ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF A. V. KOLTSOV
(1809–1842)" 142

T. Baturova. THE DAY OF SLAVIC WRITING AND CULTURE – 2019.
A WORD ABOUT THE TEACHER 146

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'1/4

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-8-14

СЛОВЕСНОЕ УДАРЕНИЕ В ЮРИДИЧЕСКОЙ РЕЧИ: ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ЖАРГОН ИЛИ ОШИБКА?

Брадецкая И. Г., Соловьева Н. Ю.

Российский государственный университет правосудия

117418, г. Москва, ул. Новочерёмушкинская, д. 69, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье рассматриваются актуальные проблемы орфоэпической точности и правильности профессиональной юридической речи. В качестве предмета исследования предложены языковые явления, иллюстрирующие как нормативные, так и профессиональные аспекты русского языка, поэтому цель статьи – показать взаимосвязь профессиональной речи и литературной нормы, которой должны следовать юристы. Авторы, используя эмпирические методы исследования, рассматривают историю возникновения языковой нормы и механизмы современной кодификации языка. В статье делается вывод о том, что отношение к языковой норме в профессии юриста должно быть таким же строгим и принципиальным, как и к норме права.

Ключевые слова: юридическая речь, профессиональный язык, механизмы современной кодификации языка, языковые ошибки, нарушение орфоэпических норм

WORD STRESS IN THE LEGAL SPEECH: PROFESSIONAL JARGON OR A MISTAKE?

I. Bradetskaya, N. Soloveva

Russian State University of Justice

69 Novocheremushkinskaya ul., Moscow 117418, Russian Federation

Abstract. This article discusses the current problems of the orthoepic accuracy of professional legal speech. The subject of the research is the linguistic phenomena that illustrate both normative and professional aspects of the Russian language. Therefore, the purpose of the article is to show the relationship of professional speech and literary norms, which must be followed by lawyers. Authors, using empirical research methods, consider the history of the language norm and the mechanisms of modern language codification. The article concludes

that the attitude to the language norm in the legal profession should be as strict and principled as to the rule of law.

Keywords: legal speech, professional language, the mechanisms of modern codification of the language, linguistic mistakes, violation of orthoepic norms

Введение

Проблема правильности и точности юридической речи стоит сегодня не только перед студентами, начинающими свой профессиональный путь, но и перед опытными, заслуженными, известными специалистами права. Не теряют актуальности следующие вопросы: как юристу говорить правильно – *осужденный* или *осуждѣнный*, *ходатайство* или *ходатайство*, *обеспечение* или *обеспечѣние*; как ставить ударение в формах множественного числа – *сироты* или *сироты*, *договоры* или *договора* [4, с. 5]; смягчать ли [д] в слове *юриспруденция* или произносить его твёрдо?

Эти вопросы не праздные. Соблюдение акцентологических норм, связанных с постановкой ударения в слове, для юриста зачастую является камнем преткновения. И дело не в банальной неграмотности. Просто многие юристы ставят под сомнение обязательность следования правилам современного русского литературного языка и выделяют юридическую речь в отдельную область, в которой действуют отличные от других функциональных стилей закономерности. При этом специалисты судебной системы выбирают недопустимую языковую форму: ставят неверное ударение, образуют неправильную грамматическую форму (*договора* вместо *договоры*), нарушают синтаксическую норму на уровне построения словосочетания (*согласно приказу* вместо *согласно приказу*) или предложения (*Приходя домой,*

мне нужно подготовиться к судебному заседанию вместо *Прийдя домой, я буду готовиться к судебному заседанию*). Это они называют «профессиональным языком», предпочитая его нормативному, кодифицированному. Между тем, по мнению А. А. Ушакова, высказанному ещё в середине прошлого века, «термины “язык законов” или “законодательный язык” не обозначают особого языка, противостоящего литературному языку, а связываются с особым функциональным стилем современного русского литературного языка (законодательным стилем), который объединяет совокупность языковых средств, употребляемых для выражения мысли законодателя и законодательных категорий» [5, с. 142].

Однако проблема «профессионализм или языковая ошибка» не разрешена до сих пор. Чтобы разобраться в ней, обратимся к истории возникновения языковой нормы и к механизмам современной кодификации языка.

Литературный обзор

Со времени своего возникновения русский язык был представлен множеством диалектов, которые на основе целого комплекса общих признаков объединились в два основных наречия: северорусское и южнорусское, и только к XIV в. складывается среднерусское наречие. Именно в это время центром Руси становится Москва, здесь формируются основы русского литературного произношения, оно и становится образцом для подражания.

Московские произносительные нормы были закреплены в «Русской грамматике» М. В. Ломоносова, а окончательно сложились к концу XIX в.

Впрочем, уже в начале XX в. старомосковское произношение стало считаться архаичным. Возникает понятие «старшей» и «младшей» нормы. Ю. Н. Здорикова отмечает: «Старшая» норма сохраняет особенности старомосковского произношения отдельных звуков, звукосочетаний, слов и их форм. «Младшая» норма отражает особенности современного литературного произношения» [2, с. 29]. При этом «старшая» норма всегда была основной для официальной речи, а «младшая» – для разговорной.

Норма как понятие характеризуется относительной устойчивостью, распространённостью, общеупотребительностью, соответствием обычаю и возможностям данной языковой системы. Норма консервативна и в то же время подвижна. Это «совокупность наиболее устойчивых реализаций языковой системы, отобранных и закреплённых в процессе коммуникации» [3, с. 9].

Для закрепления акцентологической нормы существуют орфоэпические словари. Прежде всего, это вышедший в 1955 г. словарь-справочник «Русское литературное произношение и ударение» под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова, включавший около 50000 слов, и вышедший в 1983 г. на основе второго издания справочника «Орфоэпический словарь русского языка» под редакцией Р. И. Аванесова, содержащий около 63500 слов. Большую нормализаторскую роль в упорядочении русского произношения (а также написания, образования грамматических форм и

толкования слов) сыграл «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова.

Сегодня статус официальных авторитетов имеют всего четыре словаря. Приказ Минобрнауки РФ № 195 от 08 июня 2009 г. утвердил список грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка¹.

Для орфоэпии – это «Словарь ударений русского языка» И. Л. Резниченко². Но это «общеупотребительный» словарь, и в нём не отражена «юридическая» специфика.

Орфоэпия юридической речи – область мало изученная, поэтому зачастую не ясно: что перед нами – жаргонизм или ошибка. Между тем отступление от орфоэпических норм, то есть норм произношения и ударения, – не мелочь, от которой можно отмахнуться, а серьёзное препятствие на пути речи юриста к сознанию аудитории.

Обсуждение проблемы

Существует мнение, что юридический язык – один из самых трудных и самых интересных профессиональных языков. Действительно, он имеет свою специфику, причём как в письменном, так и в устном варианте. Акцентологические нормы при этом становятся для юристов спорными:

¹ См.: Приказ Минобрнауки РФ от 8 июня 2009 г. №195 «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» // Российская газета. Федеральный выпуск № 156, от 21.08.2009.

² Резниченко И. Л. Словарь ударений русского языка. М.: АСТ-Пресс, 2019. 944 с.

они считают, что особый «юридический» язык не нуждается в их соблюдении. Пренебрегая акцентологическими нормами, юристы настаивают на том, что их ненормативная речь – профессиональный жаргон и поэтому имеет право на существование.

Однако нельзя не согласиться со многими филологами, считающими, что «профессиональный жаргон уместен только в узкопрофессиональной сфере в условиях неофициального общения» [3, с. 60]. В связи с этим важно отделять профессиональную речь, имеющую своё место в некодифицированной системе языка, от литературной речи, являющейся обязательной в официальном и публичном общении. Литературный язык как эталон, как критерий уровня культуры, как показатель образованности является тем фундаментом, на котором строится языковая компетентность любой профессии.

Сам по себе признак распространённости речевого явления не может служить надёжным показателем его

нормативности, и аргумент «все юристы так говорят» для нас несостоятелен. Массовой, часто повторяющейся в профессиональной сфере может быть и языковая ошибка. И очень часто, к сожалению, в юридической речи мы встречаем подобное. В целом эти слова с ошибками мы можем разделить на две группы: слова с ненормативным ударением в начальной форме слова и слова с акцентологической ошибкой при изменении формы. Основываясь на справочнике «Правильность русской речи» Л. И. Новиковой³, мы выбрали наиболее частотные для юридической сферы случаи употребления слов с ошибкой в ударении (см. табл. 1, 2).

Конститутивная функция словесного ударения является обязательным элементом звукового облика слова, так как она связана с опознаванием слова, с правильным восприятием и быстрым осмыслением юридического термина.

³ См.: Новикова Л. И. Правильность русской речи: Справочник по культуре речи. Часть I. М.: РГУП, 2016. С. 14–24.

Таблица 1.

Слова юридической лексики с возможной акцентологической ошибкой

Как произносят юристы (акцентологическая ошибка)	Нормативное произношение
Агент	аГЕнт
Арест	арЕст
брачАщиеся	брАчащиеся
вАловый	валовОй
вероисповедАние	вероисповЕдание
генЕзис	гЕнезис
дОбытые (доказательства)	добЫтые (доказательства)
докуМент	докумЕнт
долженствовАние	долженствовАние
домовАя (книга)	домОвая (книга)
намерЕние	намЕерение
незаконнорОжденный,	незаконнорождЁнный,
новорожденный	новорождЁнный

Как произносят юристы (акцентологическая ошибка)	Нормативное произношение
нефтепрОвод, газопрОвод, путепрОвод обеспечЕние облЕгчить олигархИя опломбИровать Оптовый прИвод прИзыв приобрЕтение страховщИк тАможня углУбить факсимилЕ ходатАйство черпАть Эксперт	нефтепрОвОд, газопровОд, путепровОд обеспЕчение облегчИть олигАрхия опломбирОвАть оптОвый привОд призЫв приобретЕние страховщик тамОжня углубИть факсИмиле ходАтайство чЕрпать экспЕрт

Таблица 2.

Слова юридической лексики с возможной акцентологической ошибкой
при изменении формы

Как произносят юристы	Нормативное произношение
бухгалтерА (мн. ч.), бухгалтерОв ведомостЕй вЕксели вклЮчишь, вклЮчит, вклЮчат взятЫй, взята, взятыИ, взяла, взялиИ возбужденный, возбуждено (дело) выборОв, выговорОв дОговор, договорА, договорОв местностЕй, мощностЕй осУжденный, осУждено отраслЕй, прибылЕй понЯл, понЯла, понЯлиИ сИроты (мн. ч.) складЫ (мн. ч.), складОв средства (мн. ч.) хозяевА (мн. ч.), хозяевАм	бухгАлтеры (мн. ч.), бухгАлтеров вЕдомостей векселЯ включИшь, включИт, включАт взятЫй, взята, взяты, взяла, взялиИ возбуждЕнный, возбуждено (дело) выБоров, выГоворов договОр, договОры, договОров мЕстностей, мОщностей осуждЕнный, осуждено Отраслей, приБылей понЯл, понЯла, понЯли сирОты (мн. ч.) складЫ (мн. ч.), складОв срЕдства (мн. ч.) хозяева (мн. ч.), хозяевам

Старшая, императивная (строго обязательная), устоявшаяся орфоэпическая норма является результатом кодификации (нормализации, закрепления в словарях и справочниках).

Отметим, что механизмы кодификации современного русского литературного языка не должны вызывать сомнений у профессиональных юристов. Фиксация нормы – это сложный про-

цесс, в котором задействованы самые авторитетные учёные. К источникам кодификации сегодня относят произведения писателей-классиков; произведения современных писателей, продолжающих классические традиции; публикации средств массовой информации; общепринятое современное употребление; данные лингвистических исследований (например, данные лингвистической прогностики); данные опросов носителей языка (в том числе и в узкопрофессиональных сферах) [1, с. 43].

Безусловно, современные орфоэпические нормы в юридической сфере способны к развитию, они нуждаются в совершенствовании, упорядочении, укреплении, но этот процесс должен происходить не только и не столько в соответствии с запросами профессионального сообщества, но и в соответствии с законами языка.

Результаты

Профессиональным правоведам необходимо обратить внимание на предложенный нами список слов из юридической сферы, содержащий самые частотные акцентологические ошибки. Мы осознанно не включили в этот перечень слова с императивной (вари-

ативной) равноправной или неравноправной нормой, чтобы не усложнять процесса выбора нужного ударения среди нескольких возможных.

Как произносятся слова, предложенные нами, не подлежит обсуждению у профессиональных лингвистов, норма зафиксирована однозначно.

Заключение

Таким образом, позиция профессионального юриста в области использования современного русского литературного языка должна быть такой же строгой, принципиально жёсткой, как по отношению к норме права. Деловой (юридический) стиль – это функциональный подстиль кодифицированного (нормированного, обработанного, образцового) современного русского литературного языка, поэтому в случаях расхождения теории и практики необходимо обращаться к словарям.

Слово закона, донесённое до граждан, будет убедительным и непререкаемым авторитетом только тогда, когда само слово не будет выходить за рамки кодифицированной системы языка.

*Статья поступила
в редакцию 24.07.2019 г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Брадецкая И. Г. Русский язык и культура речи: учебное пособие. М.: РГУП, 2018. 116 с.
2. Здорикина Ю. Н. Вариативность современной орфоэпической системы русского языка и кодификация // Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета. 2014. № 6. С. 27–30.
3. Культура профессиональной речи: учебное пособие для студентов юридических вузов / под ред. Н. Ю. Тяпугиной. М.: Флинта-Наука, 2014. 463 с.
4. Розенталь Д. Э. Говорите и пишите по-русски правильно. М.: АЙРИС-пресс, 2016. 256 с.
5. Ушаков А. А. Очерки советской законодательной стилистики: в 2 частях. Ч. 1. Пермь: Пермский государственный университет, 1967. 206 с.

REFERENCES

1. Bradetskaya I. G. *Russkii yazyk i kul'tura rechi* [Russian language and speech culture]. Moscow, The Russian State University of Justice Publ., 2018. 116 p.
2. Zdorikova Yu. N. [The variability of the modern orthoepic system of the Russian language and codification]. In: *Vestnik gumanitarnogo fakul'teta Ivanovskogo gosudarstvennogo khimiko-tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the Humanities Faculty of Ivanovo State University of Chemical Technology], 2014, iss. 6, pp. 27–30.
3. Tyapugina N. Yu., ed. *Kul'tura professional'noi rechi* [Culture of professional speech]. Moscow, Flinta-Nauka Publ., 2014. 463 p.
4. Rozental' D. E. *Govorite i pishite po-russki pravil'no* [Speak and write in Russian correctly]. Moscow, AIRIS-press Publ., 2016. 256 p.
5. Ushakov A. A. *Ocherki sovetskoi zakonodatel'noi stilistiki: v 2 chastyakh. Ch. 1* [Essays on the Soviet Legislative Style: in 2 parts. Part 1]. Perm, State University Publ., 1967. 206 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Брадецкая Ирина Геннадьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Российского государственного университета правосудия;
e-mail: bradetskaya@bk.ru

Соловьева Наталья Юрьевна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры русского языка и культуры речи Российского государственного университета правосудия;
e-mail: nayusol@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina G. Bradetskaya – PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of the Russian language and Speech Culture, The Russian State University of Justice;
e-mail: bradetskaya@bk.ru

Natalia Yu. Soloveva – PhD in Art Criticism, Associate professor of the Department of the Russian Language and Speech Culture, The Russian State University of Justice;
e-mail: nayusol@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Брадецкая И. Г., Соловьева Н. Ю. Словесное ударение в юридической речи: профессиональный жаргон или ошибка? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 4. С. 8–14.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-8-14

FOR CITATION

Bradetskaya I. G., Soloveva N. Yu. Word stress in the legal speech: professional jargon or a mistake?. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 4. pp. 8–14.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-8-14

УДК 81-114

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-15-21

БЕЗЛИЧНЫЕ КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ НЕОБДУМАННОСТИ И НЕВОЛЬНОСТИ ДЕЙСТВИЯ

Волкова Е. П.*Московский государственный технологический университет «СТАНКИН»
127055, г. Москва, Вадковский пер., д. 3А, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена описанию безличных конструкций, выражающих модальное значение необдуманности и невольности действия. Выделяются безлично-модальные глаголы в конструкциях с указанной семантикой. Приводится описание структурных особенностей. Выявляются средства усиления и конкретизации необдуманного и невольного действия в безличных конструкциях. Делается вывод о высокой активности употребления таких конструкций в русском языке. Теоретическая значимость статьи заключается в том, что проанализированы безличные конструкции с малоисследованной семантикой необдуманности и невольности действия. Практическая значимость работы состоит в анализе текстов классической и современной литературы, реализующих употребление безличных конструкций с модальным значением необдуманного и невольного действия. Статья адресована филологам, занимающимся изучением современного состояния русского языка.

Ключевые слова: безличные конструкции, модальные глаголы, необдуманность и невольность действия, субъект и объект, субъектный инфинитив, контекст, нежелательные последствия

IMPERSONAL CONSTRUCTIONS WITH THE MEANING OF THOUGHTLESSNESS AND INVOLUNTARINESS OF ACTION

E. Volkova*Moscow State University of Technology "STANKIN"
3A Vadkovskij pereulok, Moscow 127055, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the description of impersonal constructions which express the modal meaning of thoughtlessness and involuntariness of action. Impersonal modal verbs are distinguished in constructions with the specified semantics. The description of structural features is given. Means of strengthening and specification of the meaning of thoughtlessness and involuntariness of action in impersonal constructions are revealed. The conclusion is made about the high activity of the use of such constructions in the Russian language. The theoretical significance of the article lies in the fact that the little-researched impersonal constructions with the modal meaning of the thoughtlessness and involuntariness of the action are analyzed. The practical significance of the work lies in the textual analysis of the classical and the literature that realize the use of impersonal constructions with a modal meaning of the rashness and

involuntariness of action. The article is addressed to philologists who research the current state of the Russian language.

Keywords: impersonal constructions, modal verbs, thoughtlessness and involuntary of action, subject and object, subjective infinitive, context, undesirable consequences

Безличные конструкции являются наиболее употребительными в современном русском языке. Они передают действие или состояние, которые не зависят от производителя действия или носителя признака [1, с. 169].

Безлично-модальные предложения – семантико-грамматическая разновидность безличных конструкций, совмещающих семантику безличности с модальной семантикой [8].

В рамках темы данной статьи описываются такие конструкции со значением необдуманности и невольности действия.

Модальное значение необдуманности выражает нецелесообразность действия, приводящего к нежелательному или печальному результату [3, с. 16].

Невольное действие осуществляет субъектом «без сознательного намерения с его стороны» [10, с. 14].

Семантика необдуманности и невольности действия в безличных предложениях с глагольным главным членом передаётся при помощи безлично-модальных глаголов и субъектного инфинитива, которые представляют «модальность, включённую в форму предиката» [2, с. 67].

Проанализированный языковой материал даёт нам основание выделить безлично-модальные глаголы *угораздить* и *вздуматься* с указанным модальным значением.

Этот семантический тип имеет свои структурные особенности.

Модальный глагол *угораздить* + винительный субъекта действия + субъектный инфинитив

– <...> *Мне не повезло в жизни! Угораздило же меня так вляпаться! Одной, конечно, быть плохо, но такой... с позволения сказать, муж – это тоже не вариант!* (Д. Калинина)

Модальный глагол *угораздить* употребляется, чтобы показать отношение к 'ненужному, нелепому, необдуманному действию или неудачному для кого-нибудь стечению обстоятельств'¹.

Форма *угораздило* указывает на то, что необдуманное действие было совершено в прошлом и привело автора высказывания, который является субъектом действия, к печальным последствиям: *не повезло в жизни*.

Частица *же* употребляется после модального глагола и усиливает значение необдуманности [12, с. 224].

К глаголу *угораздить* примыкает субъектный инфинитив *вляпаться*, который имеет значение: 'оказаться в неприятном, затруднительном положении'².

Степень необдуманного и невольного действия передана посредством обстоятельства образа действия *так*, которое распространяет инфинитив.

¹ См.: Угораздить // Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Иллюстрированный толковый словарь современного русского языка. М.: Эксмо, 2007. С. 825.

² См.: Вляпаться // Словарь синонимов русского языка: В 2-х тт. Т. 2 / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Астрель, АСТ, 2001. С. 193.

Винительный субъекта указывает на воздействие неведомой силы, которая заставила его совершить действие, неожиданное для самого себя. Таким образом субъект хочет снять с себя ответственность за необдуманный поступок, который представлен в третьем предложении контекста.

Модальный глагол *угораздить* + субъектный инфинитив + винительный прямого объекта

В годовищину коронации угораздило забыть мундир парадный, ... и вылетел, как ошпаренный, из государева кабинета (Ю. Давыдов).

В представленном контексте неназванный субъект совершил невольное действие, которое передано при помощи глагола *забыть*. Этот глагол выступает в роли субъектного инфинитива и имеет значение 'перестать помнить, утратить из памяти'³.

Отсутствие объекта в нужное время привело к нежелательным последствиям: *вылетел, как ошпаренный, из государева кабинета*.

Модальный глагол *угораздить* + субъектный инфинитив + творительный объекта действия

Угораздило же связаться с больной семьёй (Д. Донцова).

В данном примере субъектный инфинитив *связаться* содержит негативную коннотацию. Словарь синонимов русского языка даёт такое толкование этого глагола: 'войти в тесные отношения, завести с кем-нибудь общие, обычно неблагоприятные, предосудительные дела'⁴.

Для автора высказывания не имеет значения, кто является субъектом, а важен объект, из-за которого действие кажется необдуманным.

Дательный субъекта действия + модальный глагол *вздуматься* + субъектный инфинитив + творительный объекта действия

<...> Вам <...> вздумалось стать кадровым офицером, а потом раздумалось (В. Корнилов).

В дативно-безличной конструкции субъект не проявляет активности, им управляют неведомые силы, которые формируют его состояние «как вне самого субъекта, так и внутри его» [9, с. 36].

На «произвольность, стихийность действия» [7, с. 4] указывает форма безличного глагола *вздуматься*. Этот модальный глагол имеет значение 'неожиданно захотеться'⁵.

Субъектный инфинитив и объект действия не содержат отрицательной оценки в своей семантике, поэтому нужны дополнительные показатели необдуманности.

Глагол *раздуматься* выражает значение 'неожиданно расхотеться' и является антонимичным глаголу *вздуматься*. Употребление этих глаголов в одном контексте передаёт необдуманность и ошибочность действий субъекта.

Модальный глагол *вздуматься* + дательный субъекта действия + дательный объекта действия + субъектный инфинитив

³ См.: Забыть // Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Иллюстрированный толковый словарь современного русского языка. М.: Эксмо, 2007. С. 177.

⁴ См.: Связаться // Словарь синонимов русского языка: В 2-х тт. Т. 2 / под ред.

А. П. Евгеньевой. М.: Астрель, АСТ, 2001. С. 404.

⁵ См.: Вздуматься // Ширшов И. А. Толковый словообразовательный словарь русского языка. М.: АСТ: Астрель: Русские словари: Ермак, 2004. С. 297.

– <...> *Неужели я мог вас обидеть тем, что невольно **вздумалось мне к вам подойти?***.. (Ф. Достоевский)

В данном риторическом высказывании говорящий является семантическим субъектом сомнения [6, с. 11–12]. Частица *неужели* употребляется в риторическом вопросе и «выражает сомнение, недоверие, удивление»⁶.

Необдуманное действие направлено на собеседника говорящего, выступающего в роли объекта.

Случайное приближение автора высказывания к другому лицу передаётся лексемой *невольно*, а также дательным субъекта и безличным глаголом.

Модальный глагол *вздуматься* + имплицитно-эксплицитный субъект речи + субъектный инфинитив + винительный прямого объекта

<...> *Вздумалось этому болвану <...> **выразить** мне вдруг свои дурацкие соболезнования* (А. Кошко).

В данном предложении субъект не назван, а его негативная характеристика передана при помощи лексемы *болван*. Это слово содержит отрицательную коннотацию в семантической структуре. Оно указывает на 'отсутствие ума, ограниченность, грубость и тупость'⁷. Автор высказывания подчёркивает категоричность выражаемой оценки [5, с. 16] при помощи этой лексемы.

Неодобрительная оценка действий субъекта выражена при помощи лексе-

мы *дурацкие*, которая передаёт значение нелепости.

Дательный субъекта действия + модальный глагол *вздуматься* + субъектный инфинитив + винительный объекта действия

<...> *Нам **вздумалось устроить пикник** в лесу. Целую неделю шли дожди, и в тот день погода с утра стояла дурная, но мы всё равно поехали, загадав, что к полудню проведётся. В лесу было сыро, и с деревьев нас шумно осыпало крупным дождём* (М. Шишкин).

В данном примере субъект надеется, что сможет избежать нежелательных последствий, однако ему это не удаётся. Состояние окружающей среды является причиной невольного ошибочного действия субъекта [4, с. 196].

*Ему **вздумалось прыгнуть на соседний дом**, <...> чтобы убежать от постылой жены. <...> Он разбежался, оттолкнулся и <...> ударился о стену <...> и упал на землю уже мёртвым* (А. Слаповский).

Субъект теряет контроль над собой и совершает импульсивное действие [4, с. 201–204], которое приводит к трагическим последствиям: *ударился о стену, упал на землю мёртвым*.

Модальный глагол *вздуматься* + дательный субъекта восприятия + субъектный инфинитив + винительный прямого объекта

*Это была дама-конфетка и более ничего. Посему совершенно не понимаю, зачем **вздумалось <...> Ивану Матвеечу вообразить** в своей супруге нашу русскую Евгению Тур?* (Ф. Достоевский)

В первом предложении контекста дана характеристика лица, которая показывает, что поведение субъекта является необдуманным. Во втором

⁶ См.: Неужели // Меликян В. Ю. Словарь экспрессивных устойчивых фраз русского языка. Фразеосхемы и устойчивые модели. М.: Флинта: Наука, 2017. С. 262.

⁷ См.: Болван // Словарь синонимов русского языка: В 2-х тт. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Астрель, АСТ, 2001. С. 313.

предложении представлено необдуманное невольное действие. Это объяснительно-объектное сложноподчинённое предложение, в главной предикативной единице в роли опорного слова выступает глагол со значением мыслительной деятельности [11, с. 142]. Неверное мнение субъекта о своей супруге и отождествление её с известным писателем заставляет автора высказывания размышлять об этом.

Таким образом, безличные конструкции со значением необдуманности и невольности действия активно функционируют в русском языке. В этих конструкциях субъект проявляет пассивность и подчиняется обстоятельствам или чувствам, он может быть не назван, а только дана его негативная характеристика.

Глаголы, выступающие в роли субъектного инфинитива, могут выражать отрицательную или нейтральную оценку, поэтому в контекстах с безоценочными глаголами обязательно наличие маркёров с негативной оценкой ситуации или нежелательными последствиями.

В конструкциях с указанным значением, как правило, присутствует объект, который называет одно или несколько лиц, предметы, события и может содержать отрицательную оценку в семантической структуре.

Частицы усиливают значение необдуманности и невольности действия и вносят в предложения оттенки сомнения, удивления.

*Статья поступила в редакцию
25.06.2019 г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В. В. Система односоставных предложений в современном русском языке. М.: Дрофа, 2004. 512 с.
2. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 53–87.
3. Волкова Е. П. Лексические средства выражения модального значения необдуманности действия в конструкциях с инфинитивом: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010. 169 с.
4. Всеволодова М. В., Ященко Т. А. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. М.: ЛИБРОКОМ, 2015. 210 с.
5. Герасименко Н. А. Отражение человека в языке: связочно-субстантивное сказуемое // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 1. С. 14–20.
6. Канафьева А. В. Грамматическое и семантическое я в риторическом высказывании // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2014. № 6. С. 8–13.
7. Лекант П. А. Предикативные аналитические формы инфинитива в современном русском языке // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: субъективность, экспрессивность, эмоциональность. М.: МГОУ, 2009. С. 3–7.
8. Петров А. В. Безлично-модальные предложения в современном русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Архангельск, 1999. 22 с.
9. Петров А. В. Система безличных предложений в современном русском языке. М.: Флинта, 2014. 162 с.
10. Стекова Т. И. 'Невольность осуществления' как скрытая семантическая категория и её проявление. Новосибирск: НГПУ, 1998. 81 с.

11. Шаповалова Т. Е. Синтаксическое воплощение времени в изъяснительно-объектном типе сложноподчинённых предложений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 139–146.
12. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Азбуковник, 2003. 378 с.

REFERENCES

1. Babaitseva V. V. *Sistema odnosostavnykh predlozhenii v sovremennom russkom yazyke* [System of the single-member sentences in the modern Russian language]. Moscow, Drofa Publ., 2004. 512 p.
2. Vinogradov V. V. [On the category of modality and modal words in the Russian language]. In: *Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoi grammatike* [Selected works. Studies on Russian grammar]. Moscow, Nauka Publ., 1975. pp. 53–87.
3. Volkova E. P. *Leksicheskie sredstva vyrazheniya modal'nogo znacheniya neobdumannosti deistviya v konstruktsiyakh s infinitivom: diss. ... kand. filol. nauk* [Lexical means of expression of modal meaning of thoughtlessness of actions in constructions with the infinitive: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2010. 169 p.
4. Vsevolodova M. V., Yashchenko T. A. *Prichinno-sledstvennye otnosheniya v sovremennom russkom yazyke* [Causal relations in the modern Russian language]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2015. 210 p.
5. Gerasimenko N. A. [The reflection of a person in a language: copula-substantive predicate]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2017, no. 1, pp. 14–20.
6. Kanaf'eva A. V. [Grammatical and semantic “self” in the rhetorical statement]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2014, no. 6, pp. 8–13.
7. Lekant P. A. [Predicative analytical forms of the infinitive in the modern Russian language]. In: *Ratsional'noe i emotsional'noe v yazyke i rechi: sub'ektivnost', ekspressivnost', emotsional'nost'* [The rational and emotional in language and speech: subjectivity, expressiveness, emotionality]. Moscow, MRSU Publ., 2009. pp. 3–7.
8. Petrov A. V. *Bezlichno-modal'nye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Impersonal-modal sentences in the modern Russian language: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Arkhangelsk, 1999. 22 p.
9. Petrov A. V. *Sistema bezlichnykh predlozhenii v sovremennom russkom yazyke* [The system of impersonal sentences in the modern Russian language]. Moscow, Flinta Publ., 2014. 162 p.
10. Steksova T. I. *'Nevol'nost' osushchestvleniya' kak skrytaya semanticheskaya kategoriya i ee proyavlenie* ['Involuntary implementation' as hidden semantic category and its manifestation]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 1998. 81 p.
11. Shapovalova T. E. [Syntax the embodiment of time in verbs of the object type of complex sentences]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2018, no. 5, pp. 139–146.
12. Shvedova N. Yu. *Ocherki po sintaksisu russkoi razgovornoj rechi* [Essays on the syntax of the Russian colloquial speech]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2003. 378 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Волкова Елена Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Московского государственного технологического университета «СТАНКИН»;
e-mail: helen8357@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena P. Volkova – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Moscow State Technological University «Stankin»;
e-mail: helen8357@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Волкова Е. П. Безличные конструкции со значением необдуманности и невольности действия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 4. С. 15–21.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-15-21

FOR CITATION

Volkova E. P. Impersonal constructions with the meaning of thoughtlessness and involuntariness of action. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 4. pp. 15–21.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-15-21

УДК 811.161.1'42:070+81'373.218"20"

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-22-34

«ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СМЕЁТСЯ»: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Го Лицзюнь

*Институт международных исследований,
Университет имени Сунь Ятсена,
519082, Провинция Гуандун, город Чжухай, район Сянчжоу, Университетский
проспект, № 2, Китайская Народная Республика*

Аннотация. Цель статьи – проанализировать репрезентацию образа «смеющегося» человека, воплощаемого в значениях слов синонимического ряда с доминантной лексемой *шут*. Исследование выполнено в русле интегрального описания языка, использованы методы семасиологического и дискурсивного анализа. Отмечается, что результаты семантических исследований российских учёных в китайской лингвистике приобретают всё большую популярность и получают воплощение в процессе преподавания русского языка как иностранного для будущих китайских преподавателей русского языка и переводчиков.

Ключевые слова: семантика, интегральное описание языка, компонентный анализ, дискурсивный анализ, динамический подход к лексической семантике

“PERSON THAT LAUGHS”: REPRESENTATION OF THE NOTIONS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Guo Lijun

School of International Studies, Sun Yat-sen University

*No. 2, University Road, Xiangzhou District, Zhuhai City 519082, Guangdong Province, P.
R. China*

Abstract. The purpose of the article is to analyze the representation of the pattern of a “laughing” person, exemplified in the meanings of the words that belong to the synonymic group with a dominant member of a joker. The study was conducted within the framework of the integral description of the language, with the usage of the methods of semasiological and discursive analysis. It is noted that the results of semantic studies of the Russian scientists, which are becoming increasingly popular in the Chinese linguistics, can be embodied into the process of teaching Russian as a foreign language to the future Chinese teachers and interpreters of the Russian language.

Keywords: semantics, integral description of the language, component analysis, discursive analysis, dynamic approach to lexical semantics

Прецедентный языковой феномен, вынесенный в название статьи, отсылает к одноимённому роману В. Гюго, и в настоящем исследовании он интересует нас с точки зрения амбивалентности образа главного героя, называемого

автором «человек, который смеётся»: с одной стороны, герой, имеющий низкий социальный статус, вынужден смешить других своим уродством, с другой – в определённый период жизни он занимает высокое социальное положение, не переставая при этом, хотя и ненамеренно, смешить людей. Данная языковая единица используется в русской речи в разных значениях. Так, в Национальном корпусе русского языка (далее – НКРЯ) находим контексты, в которых это прецедентное выражение отсылает к характеристике героя романа: *Отношение к цензуре, к цензурным комитетам, Главным Управлениям, Особым присутствиям, и прочим достижениям шефа жандармов Бенкендорфа и великого инквизитора Победоносцева, было по преимуществу сугубо-ироническим, не без намеренного верхоглядства – ты меня за бока, а я тебя свысока!.. И во всех этих кличках, прозвищах, псевдонимах была, конечно, какая-то непочтительная, инстинктивная ужимка, поза, гримаса. Гримаса «человека, который смеётся», и смехом этим защищается* (Дон Аминадо. Поезд на третьем пути)¹; в то же время есть контексты, в которых выражение употребляется в прямом значении, хотя используется, на наш взгляд, как идиоматическая единица с целью привлечения внимания: **Человек, который смеётся**. Сколько людей сделали карьеру благодаря хорошо подвешенному языку и чувству юмора! Скучный же человек часто обречен на прозябание. Впрочем, многое зависит от вашей специальности (О. Казанская. Человек, который

смеётся...)². Изучение контекстного употребления слов и выражений с целью выявить дополнительные значения для полного описания языковой единицы, в том числе репрезентирующей какой-либо лингвокультурный образ – один из современных методов исследования как в русской, так и в китайской лингвистике [1–6; 9 и др.], позволяющих описать представления носителей языка о том или ином фрагменте их картины мира. Результаты исследования могут быть использованы, например, при интегральном описании языка³, описании продуктивных моделей семантической деривации, выявлении смысловых компонентов, объединяющих слова в классы языковых единиц [8; 10] и др. Кроме того, дискурсивный анализ, нацеленный на осмысление особенностей употребления слова, можно использовать в качестве исследовательского метода в практике изучения русского языка как иностранного студентами, чья специальность связана с преподаванием и / или переводческой деятельностью, с целью развития познавательной способности, языкового чутья, лингвокультурологических представлений будущего специалиста о стране изучаемого языка.

В данной работе мы хотели бы обратиться к анализу особенностей лексической репрезентации образа «смеющегося человека» на основе анализа семантики слов синонимического ряда с доминантой *шут*. Материалом для

¹ Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.05.2019).

² НКРЯ.

³ См.: Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд. испр. и доп. М., Вена: Языки славянской культуры, Венский славистический альманах, 2004. 1488 с. (Studia philologica).

исследования послужили дефиниции из толковых словарей русского языка к словам *шут, клоун, скоморох, фигляр, балясник, буффон, гаер, паяц*⁴, которые образуют синонимический ряд, и контексты, извлечённые из НКРЯ, в которых эти слова характеризуют человека. Выбор данной лексики обусловлен неутоляющим интересом человека к человеку вообще, а для иностранного исследователя ещё и необходимостью понять особенности людей иной культуры.

Настоящее исследование обусловлено также желанием представить один из подходов к изучению русской лексики, который может быть предложен китайским студентам-филологам на продвинутом этапе обучения русскому языку. Поскольку одной из составляющих обучения является осуществление студентами научной работы, лексикографический и дискурсивный анализ может использоваться не только в процессе подготовки отдельных научных работ (статей, докладов, курсовых работ), но и в ходе аудиторной и самостоятельной подготовки студентов при изучении текстов лексических тем.

В качестве единицы анализа нами выбрана лексема, которой в словаре соответствует отдельное словарное определение. Анализ дефиниций слов синонимического ряда *шут, клоун, скоморох, фигляр, балясник, буффон, гаер, паяц*, зафиксированных в толковых словарях русского языка⁵, показал,

что на основе анализа значений лексем их условно можно объединить в несколько подгрупп.

Первая подгруппа объединяет лексем, в значениях которых выявляются общие ядерные семы, обозначающие профессиональную принадлежность 'артист' (*клоун, скоморох, буффон, фигляр, паяц, гаер*). На периферии выявляются семы 'цирк', 'балаган' 'исполняющий комические и сатирические номера', 'играющий комические роли в оперетках и водевилях'. Однако, как отмечает Е. А. Маклакова, «при объяснении иностранным учащимся ключевых понятий национальной культуры не следует полагаться только на словарные дефиниции значений, которые вербализуют такие глобальные концепты, толкование слова в данном случае – это лишь вершина айсберга» [7, с. 13]. Поэтому обращение к контекстам, в которых употребляются данные слова, позволяет уточнить и в ряде случаев дополнить значения, представленные в словарях. Об этом же говорит и Е. В. Падучева: «... чтобы значение слова во всех допустимых для него контекстах было представлено с достаточной полнотой, нужны максимально дробные лексем (если уж принято, что контекстно обусловленные значения отражаются в словаре). Сама по себе дробность членения слова на лексем не является недостатком» [8, с. 148]. Поэтому обратимся к контекстуальному анализу слов исследуемого синонимического ряда.

⁴ См.: Шут // Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. Т. 2 М.: Русский язык, 2001. С. 558.

⁵ См., например: Большой толковый словарь русского языка / Ин-т лингвист. исслед.; авт., сост., глав. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: НОРИНТ, 1998. 1534 с.; Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. 2-е изд.,

доп. М.: Русский язык, 2000; Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999; Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950–1965.

Так, в НКРЯ мы выявили фрагменты текстов, в которых лексема *клоун* употребляется в не зафиксированном в словарях значении. Если обобщить значения лексем исследуемого синонимического ряда, то можно остановиться на определении, данном в «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой: 'цирковой артист, исполняющий комические и сатирические номера'⁶, где сема 'цирковой' фиксирует место работы клоуна. Однако, судя по речевому употреблению, в последние годы клоун не обязательно цирковой артист, он может быть клоуном-аниматором: *Во вторник днем клоун-аниматор 20-летний голландец Сирино Схрейвер украл из их номера ноутбук, планшетный компьютер и сотовый телефон* (М. Горелова. Суд Крита дал 11,5 лет аниматору, искалечившему московского школьника // Комсомольская правда, 2014.05.03)⁷; а также больничным клоуном (*Профессия больничного клоуна, существующая в мире почти тридцать лет, становится все более распространенной и в России* (Е. Антощенко. Как вылечить смехом // РБК Дейли, 2013.09.06)⁸ или уличным клоуном (*Там выставляли свои картины художники-футуристы, распевали под гармошку веселые чистушки самодельные эстрадники, смешили прохожих уличные клоуны и фокусники* (В. Бережков. Рядом со Сталиным)⁹). Таким образом, в этих и подобных контекстах происходит

утрата одного из семантических компонентов, ограничивающих профессиональную деятельность конкретным местом работы. В связи с выявлением в контекстах новой лексемы полагаем возможным сформулировать ещё одно значение, связанное с профессиональной принадлежностью клоуна, либо расширить уже имеющееся: *клоун* 'человек, профессионально занимающийся развлечением людей'.

Кроме того, клоун может наделяться характеристиками, совершенно для него нетипичными, но получившими широкое распространение в связи с репрезентацией его нового образа в западном кинематографе. Так, в отличие от представления о профессиональном клоуне в русской культуре как о человеке, веселящем, заставляющем людей смеяться: *Цирк без клоуна – не цирк. 10 декабря, в день рождения легендарного Карандаша, вспомним о семи самых ярких представителях солнечной профессии, своим мастерством создававших эмоции и настроение* (7 главных русских клоунов // Русская Семерка russian7.ru); *Русские любят лирику и шутки со смыслом, считает он. Именно такой юмор отличает российских клоунов. «В Европе нет какой-то школы, их учит улица. Там вышел клоун и начал делать гэгги. А у нас обязательна история какая-то, так нас учили», – сказал он* (Клоун Жигалов нашел разницу в юморе русских и европейцев // РИА Новости, 2010.08.19)¹⁰, в западной, в частности американской культуре, широко распространён образ пугающего клоуна, клоуна-монстра: *Вспомните чудовище-клоуна Пеннивайз из «Оно», благодаря которому приступы коулрофобии (паническая*

⁶ См.: Клоун // Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 2 / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. С. 60.

⁷ НКРЯ.

⁸ НКРЯ.

⁹ НКРЯ.

¹⁰ НКРЯ.

боязнь клоунов) *накрывают даже стойких взрослых, и подобные кинговские фокусы, как бы намекающие, что прекрасное и ужасное где-то рядом* (А. Певчев. Как Стивен Кинг за бумажным змеем следил // Известия, 2014.02.06); *Исследователь Фрэнсис Макэндрю провел исследование, объясняя различные раздражители, которые представляют собой «жуткость»... Когда Макэндрю опросил людей, что они думают о каждой профессии, которая существует, клоуны считались самыми жуткими – даже больше, чем управляющий похоронами и таксидермист* (Pendelson // <http://pendelson.ru/cognition/articles/person/163-afraid-of-clowns.html>)¹¹.

Некоторые контекстные значения могут не включаться в словарную статью в силу условности отдельных характеристик (*солнечный, чудовище*), однако китайцам, изучающим русский язык профессионально, мы бы рекомендовали практиковать анализ контекстной реализации значений с целью выявления новых смыслов слов, которые, как следствие, создают и более полное представление о том или ином факте действительности.

Вторую группу составляют слова, обозначающие род занятий человека: *шут* ‘лицо при дворце или барском доме, в обязанности которого входило развлекать своих господ и их гостей забавными выходками, остротами, шутками’¹², *гаер* ‘шут в барском доме’¹³, при этом обе семемы включают в себя временную сему

‘в старину’. Эти же значения выявляются в контекстах, например: *За графом стояли два гайдука с карликом. Шут забавлял публику своими дурачествами. Толпы рабов разных наций в пестрых костюмах расхаживали по длинному ряду комнат и разносили гостям лакомства и напитки* (В. В. Огарков. Екатерина Дашкова. Ее жизнь и общественная деятельность); *Происходил он от старинного дома, некогда богатого; деды его жили пышно, по-степенному, то есть принимали званых и незваных, кормили их на убой, отпускали по четверти овса чужим кучерам на тройку, держали музыкантов, песельников, гаеров и собак, в торжественные дни поили народ вином и брагой...* (И. С. Тургенев. Чертопханов и Недопюскин)¹⁴. Отметим, что *гаер* в указанном значении редко встречается в контекстах НКРЯ, чаще это слово употребляется в значении, зафиксированном в словаре под редакцией Л. П. Крысина, ‘в старину: балаганный шут’¹⁵: *В письме своем к Шаню она сравнивала себя с актрисой, сходящей со сцены; сравнение верное, но не за кулисы удалилась она, а сменила театр на площадный балаган и из актрисы первоклассной сделалась чем-то вроде странствующего ярмарочного гаера, начав это новое поприще смешным и жалким переодеванием в мужское платье* (К. Биркин (П. П. Каратыгин). Временщики и фаворитки XVI, XVII и XVIII столетий)¹⁶ и др.

Слово *балаган* не входит ни в одну из групп, поскольку только характеризует человека с точки зрения его лич-

¹¹ НКРЯ.

¹² См.: Шут // Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 4 / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. С. 737.

¹³ См.: Гаер // Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. С. 296.

¹⁴ НКРЯ.

¹⁵ См. Гаер // Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. 2-е изд., доп. М.: Русский язык, 2000. С. 63

¹⁶ НКРЯ.

ностных качеств, безотносительно к профессиональной роли 'прост. шутник, весёлый рассказчик'¹⁷.

Заметим, что только два слова синонимического ряда (клоун и шут) выступают производящими основами при образовании названий лиц женского пола по профессии и / или роду занятий (клоунесса, шутовка, шутиха), например: *Добродушный медведь демонстрирует не только трюки, но и «актерское» мастерство: пижонски закидывает «лапу на лапу», в ужасе хватается за голову, с удовольствием вальсирует, явно пародируя клоунессу-балерину Наталью Мезенцеву* (Е. Губайдуллина. Крокодилы и женское счастье. Цирк Никулина представил молодежную программу // Известия, 2003.02.14); *Внимание мое исключительно было посвящено маленькому низенькому столику в одном из углов залы; за этим столом сидели шут и шутовка в желтых халатах и колпаках, с нашитыми на них из красного сукна изображениями зверей* (Д. В. Григорович. Литературные воспоминания); *Шутиха Екимовна на вопрос, где она была, отвечает, что «наряжалась для божия праздника, по царскому наказу, на смех всему миру, по немецкому маниру»* (С. Клишина. Мода как ристалище // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.05.12)¹⁸ и др.

Надо заметить, что статистически в контекстах примерно в той же пропорции, что и номинации профессий, представлено переосмысленное значение слов синонимического ряда с до-

минантой *шут*. Так, можно составить ряд из языковых единиц *шут, шут гороховый, клоун, скоморох, фигляр, гаер, паяц* с общим значением 'человек, который кривляется, паясничает на потеху другим, является посмешищем'. Большая часть лексем (*шут, клоун, скоморох, фигляр, балясник*) стилистически маркированы как разговорные или просторечные, три лексемы (*шут, клоун, гаер*) имеют пометы 'неодобрительное', 'пренебрежительное', свидетельствующие о негативном отношении к такому поведению человека. Эти семантические дериваты предстают как производные от первого значения полисеманта, которое называет человека по роду занятий или профессии. Интегрирующие семы в этих семемах ('развлекать своих господ и их гостей забавными выходками, остротами, шутками', 'исполняющий комические и сатирические номера') становятся семантическим источником для появления значения, в котором отражается характеристика человека с точки зрения его поведения в обществе безотносительно к его роду занятий.

Для того чтобы очертить контуры представлений о «человеке, который смеётся» в российской лингвокультуре, важно проанализировать, как репрезентированы образ такого человека и его оценка окружающими в речевой практике. Поэтому далее мы обратимся к анализу контекстов, чтобы проиллюстрировать употребление тех лексем, которые уже зафиксированы в толковых словарях, и уточнить их значения и смысловые оттенки, которые отражают представления носителей языка о «смеющемся» человеке. В НКРЯ представлено в совокупности более тысячи контекстов, в которых

¹⁷ См. Балясник // Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. С. 56.

¹⁸ НКРЯ.

используются слова исследуемого синонимического ряда. В результате анализа мы выделили ряд семем, уточняющих и дополняющих представленные словарные толкования.

‘Тот, кто играет социальную роль человека, который смешит окружающих’, при этом оценка окружающими поведения человека может быть:

– негативной (в соответствии со словарными пометами ‘неодобрительное’, ‘пренебрежительное’): *Сверстники не хотят с ними общаться, играть, поэтому нередко непоседы дружат с младшими или социально неблагополучными детьми, а порой оказываются изгоями в классе или во дворе, выбирают роль «штатного» шути* (Т. Батенева. Ужасный ребенок); *Реликт эпохи крушения СССР, выживший в новой политической реальности, как плезиозавр в озере Лох-Несс, в очередной раз удержался на позиции главного клоуна власти. Об этом свидетельствует последний «перформанс» Жириновского на заседании Госсовета, когда он заявил, что обнаружил у себя гены Наполеона и Эйнштейна. И это очень, очень плохо для политической системы, которая позволяет себе только такую, «потешную», оппозицию* (К. Бенедиктов. Один из невежливых людей); *О его жизни и характере сохранились краткие, отрывочные сведения; часто биографы отождествляют его с героями его произведений и изображают как гуляку, пьяницу, вечно веселого буффона, для которого нет ничего святого; о нем рассказывают массу анекдотов, неправдоподобность которых бросается в глаза с первого взгляда* (А. Н. Анненская. Франсуа Рабле); *Это может себе позволить только зелёный юнец или пожизненный паяц, вжив-*

шийся в свою роль настолько, что уже забыл, какая она, собственно, жизнь (Т. Соломатина. Большая собака, или «Эклектичная живописная вавилонская повесть о зарытом»)¹⁹;

– позитивной: *Мы живём у профессора. Один раз у них вечером собиралась молодёжь. И был там один клоун. Это невозможно описать, как он выдвигивался. С Нюрой чуть плохо не стало от смеха* (В. Шукшин. Печки-лавочки); *Розыгрыши набирают силу. На пляже писательского дома творчества царил Божидар Божилов – долговязый болгарский поэт и гаер. Он забавлял публику новеньким немецким шумовым пистолетом. «Болгарская рулетка», – объявил он и приставил дуло к твоему обнаженному животу. «Ну, розыгрыш», – восхитились вокруг* (А. Вознесенский. На виртуальном ветру); *Он был отчаянно веселым человеком, ощущал себя шутком, скоморохом, поэтому почтить память мастера устроители «Кинотавра» решили не на арене цирка* (А. Колобовский. Улыбайтесь, господа!)²⁰.

‘Человек, идеи которого, с точки зрения окружающих, неадекватны реальности, вызывают насмешку’, причём чаще всего речь идёт о политических исторических или ныне живущих деятелях: *Удивительно, но похоже было, что революция за один год полностью удалась. Ожидать этого было нельзя – а удалась! Этот клоун, Троцкий, ещё и в мировую революцию верил, Брестского мира не хотел, да и Ленин верил, ах, книжные фантазёры! Это ослом надо быть – верить в европейскую революцию, сколько там сами жили – ничего не*

¹⁹ НКРЯ.

²⁰ НКРЯ.

поняли, Сталин один раз проехал – всё понял (А. Солженицын. В круге первом); «Интересно получается, – лениво размышляла Ольга, – безмозглый **фигляр** всерьез толкует о национальной идее, а депутаты прямо в Думе ломают бесконечную комедию с бросанием стаканов и элементами сценической драки (Е. Романова, Н. Романов. Дамы-козыри)²¹.

‘Человек, для которого характерно поведение, осуждаемое людьми как вызывающее насмешку’, в первую очередь здесь речь идёт о поведении в институциональной среде: При этом, насколько я представляю, Берия был человеком работоспособным, он нес на своих плечах большой груз, в отличие от Хрущева, больше похожего на **шута** (А. Смирнов. Кремлевские битвы); «Мы категорически против увековечивания памяти Ельцина-Герострата, Ельцина-разрушителя», – говорила Журавлева. В мегафон ей вторил второй секретарь обкома Николай Алянич: «Ельцин – это **скоморох**, низкокультурный человек» (С. Булгарин. Участники «антиельцинского» марша...); Его сослали, а наставник и предатель его Полторацкий, который совсем не умен, а только изворотливый и смелый **буффон**, остался прав, как после того неоднократно из пакостей своих, как из грязи, всегда выходил он чист и сух. Горчаков лицом и взглядом походил на ястреба. Шубин – на овцу. Ссылка связала их дружбой, любовь их поссорила (Ф. Ф. Вигель. Записки); Когда же Хрущев говорил «мы» («мы покажем «кузькину мать»»), народ смеялся: **паяц** («Futurum», или О разделении России на «мы» и «они»); А этот

25-летний **фигляр** из сервисного центра так по-хамски доказывает мне свое превосходство. Наконец сжалился. Предложил «левую» схему – через какое-то время сделать бумажку, что ноутбук они отремонтировать не могут. Но гарантия-то к тому времени истечет! (А. Пономарёва. Умереть молодым)²²

‘Человек, из которого делают пошлости’, в данном случае речь идёт о том, что человека ставят в ситуацию, в которой он выглядит смешно, чаще всего в негативном свете, причём это значение в первую очередь характерно для спортивного дискурса: Из Никиты Чичерина за три тайма сделали просто **клоуна** – искренне, кстати, рад, что его выгнали с поля, потому что парень просто мог получить моральную травму. А проходной двор на его фланге мог продолжаться дальше. Испанцы и голландцы указали Чичерину на полную футбольную несостоятельность. После таких вещей можно вообще закончить играть в футбол (А. Петухов. Деннис Лахтер: Из Чичерина на молодежном Евро сделали клоуна – так можно закончить карьеру); Но тот сделал из нашего защитника **шута**, о чем мы потом вспоминали с юмором. Уже на первой же минуте бразилец неспеша приблизился к Кузнецову. Тот, как загипнотизированный, стал пятиться к своей штрафной. Гарринча неожиданно, чуть ли не до травы, наклонил корпус влево, и Борис попался на эту уловку, сделав шаг в ту же сторону (Г. Ларчиков. Бразильцев уважали, но не боялись...); И где давно все теплые местечки поделены между легионерскими полчищами. Включая

²¹ НКРЯ.

²² НКРЯ.

*тренерские штатные единицы. Россиянам остается функция **скоморохов** на подхвате. К слову, точно такая участь наших ребят ждет – и это никто не скрывает! – в новообразованном клубе КХЛ «Адмирале» (В. Славин. Легионеры угрожают российский спорт); Interpipe: Из Есенина сделали **шута го-рохового**. Он ведет себя как-то дико и неестественно, возникает ощущение балагана, а не серьезного рассказа о жизни поэта (В. Львова. Сергей Есенин на Первом канале: Пальцы в рот – и веселый свист?)²³.*

Итак, если в словарных дефинициях зафиксирована характеристика человека преимущественно через его действия, которые оцениваются негативно ('кривляется', 'паясничает', поэтому он 'кривляка' и 'позёр'), то в речевом употреблении могут появляться иные коннотации, например, позитивные, когда шутовское поведение человека вызывает доброжелательное веселье («*чуть плохо не стало от смеха*», «*забавлял публику*»). Кроме того, в контекстах могут выявляться и причины негативного отношения к поведению человека, среди которых его образ мыслей (*клоун, Троцкий, ещё и в мировую революцию верил*), шутовское поведение человека как выбранная им социальная роль (*на позиции главного **клоуна** власти, роль «штатного» **шута***), неправильное с точки зрения традиции поведение в обществе (*фигляр из сервисного центра так по-хамски доказывает*), а также ситуации, в которых окружение ставит человека в положение «шута» (*сделал из нашего защитника **шута**, Россиянам остается функция **скоморохов** на под-*

хвате). Интересно, что характеристиками клоуна, шута, фигляра и др. могут наделяться люди, имеющие разный социальный статус, что соотносится в целом с амбивалентностью образа «человека, который смеётся» из французского романа (Гуимпен вызывал «злой» смех будучи и ярмарочным актёром, и пэром Англии) и маркирует характеристику как внестатусную.

Анализ лексической репрезентации образа «человека-шута» в речевом употреблении позволяет дополнить синонимический ряд и другими полисемичными словами (в отношении данного синонимического ряда они являются контекстными синонимами), например, *артист, комик, комедиант, юморист*, в толкованиях которых второе значение, характеризующее человека в аспекте его личностных качеств, предстаёт как семантический дериват первого, указывающего на профессию или род занятий человека. Приведём несколько примеров:

– *артист* 'тот, кто занимается публичным исполнением произведений искусства (об актёре, певце, музыканте и т. п.)'²⁴ → 'разг. человек, обладающий способностью развлекать окружающих, притворяться кем-то' (здесь и далее второе значение при отсутствии ссылки сформулировано нами на основе контекстного употребления): *Он был не просто великолепный певец и артист – он был изумительный партнёр, что очень важно при совместных выступлениях в спектакле* (И. К. Архипова. Музыка жизни); *Денис поднимает на меня обезоруживающе ясный взор: – Так это же*

²³ НКРЯ.

²⁴ См.: Артист // Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. С. 46.

не моё пальто... Ну и **артист!** Есть у детей такой приём педагогического воздействия на взрослых (С. Рябцева. Дети восьмидесятых)²⁵;

– комик ‘актёр, играющий комические роли’ → ‘разг. человек, обладающий способностью смешить окружающих’²⁶. В увеселительной программе ночных клубов всегда участвовал **комик** (В. Никифорова, В. Бродский. Стоическая комедия); – О! Гляди, это Юрка из Тамбова, духарной мужик, мы с ним в учебке вместе были в Псковской дивизии. А вот я в Рязани, с Гришкой из Воронежа, тоже был **комик!** (А. Моторов. Преступление доктора Паровозова)²⁷;

– комедиант ‘устар. актёр’²⁸ → ‘человек, идеи и поведение которого с точки зрения окружающих неадекватны реальности, вызывают насмешку’: Известный **комедиант** предстал там в гриме героя «Дублера», которого зовут Михаил Стасов (М. Ремизова. Стас Михайлов подал в суд на свою пародию); По словам Попкова, получалось так, что я попал в самую счастливую пору его шоферской жизни. Вот **комедиант!** Меня это стало раздражать (Б. Можаяев. Лесная дорога)²⁹;

– юморист ‘автор или исполнитель юмористических произведений’ → ‘разг. человек, склонный к юмору’³⁰: От при-

вычного амплуа самый популярный российский **юморист** собирается постепенно отходить и уже сделал маленький шагжок в новом направлении в «Подарке с характером» (Н. Корнацкий. Михаил Галустян смеется и плачет в «Подарке с характером»); Нужно развивать в себе юмор, но не превращать его в простое зубоскальство. Это опасно. В жизни есть чудесные **юмористы**. Держатся просто, серьезно. Действует их юмор безотказно. Но стоит выпустить такого **юмориста** на сцену, он становится неузнаваем – юмор исчезает, хотя человек говорит те же шутки (Г. Бурков. Хроника сердца)³¹.

Таким образом, языковая репрезентация образа «человека, который смеётся» посредством анализа синонимичных лексем и их контекстного употребления позволяет уточнить значения полисемичных слов. Например, для слова клоун можно сформулировать дефиницию с иллюстрациями из НКРЯ следующим образом: 1. Человек, профессионально занимающийся развлечением людей. Как точно он выбрал свою профессию циркового клоуна (Л. Гурченко. Аплодисменты). Там выставляли свои картины художники-футуристы, распевали под гармошку веселые частушки самодельные эстрадники, смешили прохожих уличные клоуны и фокусники (В. Бережков. Рядом со Сталиным). Кроме творческих способностей и коммуникабельности будет учитываться возраст кандидата: больничный клоун не должен быть младше 20 лет (Е. Соколова. Клоуны идут в больницы). 2. Человек, который развлекает окружа-

²⁵ НКРЯ.

²⁶ См.: Комик // Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 2 / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. С. 82.

²⁷ НКРЯ.

²⁸ См.: Комедиант // Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 2 / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. С. 82.

²⁹ НКРЯ.

³⁰ См. Юморист // Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 4 / под ред. А. П. Евгеньевой. М.:

Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. С. 774.

³¹ НКРЯ.

ющих, вызывая смех, веселье или становясь посмешищем, вызывает их неодобрение. *Я прописываю вам постельный режим. И запомните: никаких женщин! Спать можете только с открытой форточкой.* – Клоун! – улыбнулся Виктор. – Тебя бы в цирк! – Да, – согласился Крячко (Н. Леонов. Лекарство от жизни). Брат Дукутий спросил авву Пахомия: – Отче, не знаю, как вести себя с братией в нашей общей келье и за трапезой. Все, что ни сделаю, все не так, и превратился я, того не желая, в клоуна. Братья постоянно смеются надо мной и говорят обо мне за моей спиной насмешливо (М. Кучерская. Современный патерик: чтение для впавших в уныние).

На наш взгляд, исследование, проводимое в русле «динамического под-

хода к семантике лексики, который предполагает дополнение словарных толкований продуктивными моделями их модификации под воздействием контекста» [8, с. 176], несмотря на всю сложность для иностранца, изучающего русский язык, представляется продуктивным путём развития лингвокультурологической, исследовательской и других компетенций будущего преподавателя или переводчика. Созданный таким способом тот или иной лингвокультурный образ человека, бытующий в изучаемом языке, позволяет понять сходства и различия людей, живущих в разных странах.

Статья поступила
в редакцию 11.06.2019 г.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья является промежуточным результатом проекта Китайского Национального фонда общественных наук «Семантическое исследование фокусирующих наречий в русском и китайском языках в рамках теории синтаксической семантики Московской семантической школы» (грант № 15CYY050).

ACKNOWLEDGMENTS

The article is an intermediate result of the project “Semantic research of focusing adverbs in Russian and Chinese languages within the framework of the theory of syntactic semantics of the Moscow Semantic School”, supported by the National Social Science Foundation of China (grant № 15CYY050).

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Теоретические основы активной лексикографии // Русский язык в странах СНГ и Балтии. М.: Наука, 2007. С. 375–385.
2. Галеев Т. И., Мифтахова А. Н. Эволюция явлений социальной семиотики в разных типах дискурса (на примере анализа лингвокультурного типажа «Русский дворянин») // Филология и культура. 2016. № 1 (43). С. 36–40.
3. Го Лицзюнь. Лексическая репрезентация образа Китая в российском публицистическом дискурсе // Научный диалог. 2019. № 3. С. 38–53.
4. Григорьева О. Н., Цзян Н. Лексико-семантическая группа «Город» в современных масс-медиа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 31–38.
5. Котеленец Е. А. Затуловская М. С., Лаврентьева М. Ю. «Русский медведь» – динамика изменений образа России в мире // Научный диалог. 2018. № 7. С. 164–176.

6. Леонтьева Т. В., Щетинина А. В., Еремина М. А. Галерея лингвистических портретов социальных типов: монография. Екатеринбург: Ажур, 2018. 336 с.
7. Маклакова Е. А. О метаязыковом описании значения слова в лингвистике // Язык и национальное сознание. Вып. 23. / ред. И. А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2017. С. 10–16.
8. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 609 с.
9. 冉永平. 语用意义的动态研究. 外国语: 上海外国语大学学报, 1998(6): 第 72–76 页.
10. 蔡晖. 词汇语义的动态模式 – 词义的参数化研究. 黑龙江人民出版社, 2010.

REFERENCES

1. Apresyan Yu. D. [Theoretical foundations of active lexicography]. In: *Russkii yazyk v stranakh SNG i Baltii* [Russian language in the CIS and Baltic Countries]. Moscow, Nauka Publ., 2007. pp. 375–385.
2. Galeev T. I., Miftakhova A. N. [The evolution of social semiotics phenomena in different types of discourse (based on the analysis of the linguistic-cultural type “a Russian nobleman”)]. In: *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2016, no. 1 (43), pp. 36–40.
3. Guo Lijun [Lexical Representation of Image of China in Russian Publicistic Discourse]. In: *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 2019, no. 3, pp. 38–53.
4. Grigor'eva O. N., Jiang N. [Lexic and semantic group “City” in the modern Russian mass media]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2018, no. 5, pp. 31–38.
5. Kotelenets E. A., Zatulovskaya M. S., Lavrent'eva M. Yu. [“Russian Bear” - the Dynamics of Changes in the Image of Russia in the World]. In: *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 2018, no. 7, pp. 164–176.
6. Leont'eva T. V., Shchetinina A. V., Eremina M. A. *Galereya lingvisticheskikh portretov sotsial'nykh tipazhei* [Gallery of the linguistic portraits of social types]. Ekaterinburg, Azhur Publ., 2018. 336 p.
7. Maklakova E. A. [On the metalanguage description of the meaning of a word in linguistics]. In: Sternin I. A., ed. *Yazyk i natsional'noe soznanie. Vip. 23* [Language and national consciousness. Iss. 23]/ Voronezh, Istoki Publ., 2017, pp. 10–16.
8. Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of the vocabulary]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 609 p.
9. 冉永平. 语用意义的动态研究. 外国语: 上海外国语大学学报, 1998(6): 第 72–76 页.
10. 蔡晖. 词汇语义的动态模式 – 词义的参数化研究. 黑龙江人民出版社, 2010.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Го Лицзюнь (郭丽君) – доктор филологических наук, доцент факультета русского языка Университета имени Сунь Ятсена (Гуанчжоу, Китай);
e-mail: guolj5@mail.sysu.edu.cn

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Guo Lijun – Doctor in Philological Sciences, Associate Professor, School of International Studies, Sun Yat-sen University, China;
e-mail: guolj5@mail.sysu.edu.cn

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Го Лицзюнь. «Человек, который смеётся»: репрезентация образа в русском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 4. С. 22–34.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-22-34

FOR CITATION

Guo Lijun. “Person that laughs”: representation of the notions in the Russian language. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 4. pp. 22–34.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-22-34

УДК 8–81'2

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-35-48

ЭВФЕМИЗМЫ И ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ: УСТОЙЧИВЫЕ СТРУКТУРЫ В АСПЕКТЕ ЭВФЕМИЗАЦИИ

Ковшова М. Л.*Институт языкознания Российской Академии наук**125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются эвфемизмы в современной русской речи; описываются узуальные и окказиональные эвфемизмы; подробно освещаются различные способы создания эвфемизмов и особенности их бытования на материале обиходно-бытовой, официально-деловой и социально-политической речи. Исследуется использование фразеологизмов для смягчения речи. Ставится вопрос об идиоматичности многокомпонентных эвфемизмов; анализируются различные факторы, влияющие на формирование устойчивости эвфемизмов. Особое внимание уделяется изучению устойчивых структур в аспекте их идиоматизации. Описываются грамматические конструкции, которые в прагматических целях фразеологизируются и успешно используются для эвфемизации речи.

Ключевые слова: эвфемизмы, фразеологизмы, смягчение, конструкции, устойчивость, идиоматичность, структура, речевые тактики

EUPHEMISMS AND PHRASEOLOGICAL UNITS: FROZEN STRUCTURES FROM THE STANDPOINT OF EUPHEMISATION

M. Kovshova*The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences**1 bld. 1 Bolshoi Kislovsky pereulok, Moscow 125009, Russian Federation*

Abstract. The article deals with usual and occasional euphemisms in modern Russian speech. The article describes different ways of formation of euphemisms and special features of their usage in colloquial speech, formal speech and sociopolitical context. The article covers the usage of phraseological units as euphemisms. The issue of idiomatic nature of multicomponent euphemisms is brought up; different factors that have an influence on euphemisms becoming set expressions are analyzed. Special attention is paid to the idiomatisation of fixed structures. The article illustrates phraseologisation of grammatical structures for pragmatic purposes and shows their usage as euphemisms.

Keywords: euphemisms, phraseological units, grammatical structures, set expressions, idiomaticity, structure, speech tactics

Общие положения

Эвфемизмы (от греч. *eu* 'хорошо', *phemi* 'говорю'; *euphēmeō* 'благоре-

чие') – слова и выражения, использующиеся для смягчения речи. В науке о языке под эвфемизмами понимают

ся разрешённые слова и выражения, которые употребляются вместо тех, которые запрещены или ограничены в употреблении этикетными, этическими, правовыми, идеологическими нормами и обычаями, принятыми в данном культурно-языковом сообществе. Эвфемизмы служат заменой слов и выражений, которые, по мнению говорящего, являются нежелательными, не отвечают цели общения и могут привести к коммуникативной неудаче. Умение оценить предмет речи и речевую ситуацию в целом, языковая и культурная компетентность и речевой самоконтроль – необходимые предпосылки успешной эвфемизации. Эвфемизм диалогичен: он направлен на собеседника и осуществляется исходя из этой направленности. Адресант должен быть как способен, так и внутренне расположен к тому, чтобы смягчить, эвфемизировать свою речь, т. е. подобрать эквивалентные обороты, способные умерить неприятное для адресата в предмете речи. Адресат должен быть готов декодировать эвфемизм. Основными признаками присутствия эвфемизма в речи являются, с одной стороны, семантическая неопределённость в обозначении «негативного», с точки зрения говорящего, денотата или тем, подлежащих в культурном социуме табуированию, и, с другой стороны, исключительно формальный, не вводящий собеседников в заблуждение характер улучшения денотата. «Эвфемизмы – важная языковая опора в поведении человека, который желает соблюдать речевой этикет, придерживается этических норм, учитывает эстетические предпочтения собеседника» [5, с. 316]. Исследование русских эвфемизмов в

разных аспектах, их классификация и способы образования освещены в работах [7–9; 11]¹.

Различаются эвфемизмы узуальные и окказиональные². Узуальные эвфемизмы – это слова и выражения, которые не создаются всякий раз заново, а хранятся в памяти и воспроизводятся в виде готовой к использованию единицы. Среди узуальных эвфемизмов выделяются 1) общеизвестные единицы, широко бытующие во всех речевых практиках, 2) социально или территориально маркированные единицы, употребление которых ограничено. Окказиональные эвфемизмы создаются на случай; они образуются в результате контекстно-речевой импровизации и могут иметь единичное употребление.

Ср., например, узуальные и окказиональные эвфемизмы, которые смягчают излишне прямолинейную номинацию *старик (старый человек)*:

1) узуальные эвфемизмы:

а) общеизвестные: *немолодой человек; пожилой человек; в возрасте; в годах/годах; пенсионного возраста; преклонного возраста; люди старшего поколения; она уже бабушка* и др.;

б) социально или территориально маркированные: *пятьдесят плюс; большие годы у кого; выйти из годов / годами выйти ‘состариться’; под годами быть; старинные люди* и др.;

¹ Также см.: Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Словарь русской брани (матизмы, обсценизмы, эвфемизмы). М.: Норинт, 2004. 448 с.; Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта – Наука, 2008. 464 с.

² См.: Ковшова М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь эвфемизмов. М.: Гнозис, 2007. 320 с.

2) окказиональный эвфемизм: *люди более чем зрелого возраста*.

Ср. узуальные и окказиональные эвфемизмы, которые позволяют избегать определённого высказывания на другую деликатную тему:

1) узуальные эвфемизмы:

а) *сходить кое-куда; сходить в одно место/местечко; сходить на дорожку* и др.;

б) *пойти попудрить носик; пойти в тубзик; пойти сделать звонок другу; позвонить родителям; позвонить шефу; сходить на первый /второй этаж; пойти в дабл* (от названия первой буквы в сокращении WC – water closet); *сходить к Виталику; пойти к Серёге; сходить на горшок; пойти отлить; сходить до ветру* и др.;

2) окказиональные эвфемизмы: *пойти полюбоваться звёздами*.

Ср. также принятое в культурном общении обозначение для определённой части тела:

1) узуальные эвфемизмы:

а) *заднее место; мягкое место; одно место; пятая точка* и др.;

б) *то, откуда ноги растут; то, что пониже спины*;

2) окказиональные эвфемизмы: *нижний бюст; то самое место, которое любил рисовать Сальвадор Дали* и др.

Как узуальные, так и окказиональные единицы фиксируются в различных словарях, в том числе фразеологических; ср., например: «Зад. Мягкое место; мягкая часть; казённая часть. Прост., шутил.; пятая точка. Шутл.; мадам «сизу». Шутл.; пониже спины. Шутл.»³. «Места не столь отдален-

ные эвф. Тюрьма, лагерь, колония и т. п.»⁴.

По специфике нуждающихся в смягчении тем и по коммуникативно-функциональным особенностям можно выделить следующие сферы эвфемизации: обиходно-бытовая, профессионально-деловая, бюрократическая и социально-политическая.

Истоки обиходно-бытовой сферы смягчения лежат в табуировании заветных тем, которое в дальнейшем трансформировалось в соблюдение культурных обычаев и правил хорошего тона. Знание норм речевого этикета выражается в обязательной эвфемизации следующих тем: 1) анатомия и физиология человека: *причинное место; переднее место; освободить кишечник; облегчиться* и др. Об отправлениях животного: *собачьи неожиданности* и др.; 2) сексуальные отношения: *заниматься любовью; быть в интимных отношениях; близость; жить с кем-л.; добиться через постель; у них что-то было; больше, чем друг* и др.; 3) здоровье; смерть: *особенный ребёнок 'с отсталым умственным развитием'; проблемы со здоровьем; неважно выглядит; усопший; скончаться* и др. О смерти животного: *уснуть* (про рыбу); *ветритуал* и др.; 4) внешние качества и внутренние свойства человека: *толстушка; упитанный 'о человеке с признаками ожирения'; у неё оригинальная внешность 'некрасивая, уродливая'; с прибабахом 'со странностями, ненормальный'; любит поест 'обжора'; не*

русского языка. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 73.

⁴ См.: Академический словарь русской фразеологии / ред. А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. М.: ЛЕКСПУС, 2015. С. 460.

³ См.: Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь фразеологических синонимов

проявить таланта ни в каком деле ‘неспособный, глупый’ и др. В научном и профессиональном общении данные темы обсуждаются на языке терминов, которые переводят обсуждение на понятийный уровень и тем самым «снимают» любое эмоциональное или этикетное напряжение. Ср., например: *половые признаки; детородные органы; пенис; биологическая жидкость; летальный исход; ритуальные услуги; проблемная кожа; девиантное поведение* и др. Из профессиональной сферы подобные слова и выражения постепенно проникают в обиходно-бытовое общение и при этом долго сохраняют своё мелиоративное действие.

В бюрократической и социально-политической сферах эвфемизируются различные острые темы, которые составляют предмет обсуждения между представителями власти (чиновники, органы правопорядка) и населением. Диалог между сторонами обеспечивают СМИ, которые являются и трансляторами, и интерпретаторами подобных эвфемизмов. Ср.: *подключить ресурс* ‘воспользоваться личными связями, дать взятку’; *недолжное поведение; некорректное поведение* ‘поступки, нарушающие этические принципы или правовые нормы’; *допущена фактическая неточность* ‘обман’; *надомная операция* ‘обыск’; *банки злоупотребляют отчётностью* ‘скрывают доходы, недоплачивают налоги’; *расхождение мнений в ходе спасательных работ* ‘хаос, путаница’; *нецелевое расходование бюджетных средств* ‘воровство’; *удалённый доступ к каналам связи* ‘установка подслушивающих устройств’; *люди с особыми нуждами* ‘инвалиды’; *вторая реальность* ‘истинное положение дел’;

жёсткое задержание ‘нанесение побоев при задержании’; *бюджетник* ‘работник бюджетного учреждения с низкой заработной платой; бедный человек’; *технологические окна* ‘причиняющие неудобство ограничения в пользовании метрополитеном; закрытие на выходные дни отдельных участков или станций’ и др.

Эвфемизмы постоянно участвуют в обновлении эзопова языка, который при обсуждении острых тем позволяет создать неопределённость высказывания, охраняющую от этикетных, этических, идеологических и правовых рисков и дающую возможность для интерпретаций. Ср., например: «... *это те люди, которые, скажем так, сильно демонстрировали радикальные тенденции*»⁵. Эвфемизация побуждает к творчеству, поскольку эвфемизмы со временем теряют мелиоративные качества и зачастую превращаются в свою противоположность, или дисфемизмы [6]. Для обеспечения неопределённого описания негативных тем используются метафоры, которые, кроме того, позволяют перевести обсуждение той или иной темы в сферу комического. Такое перекодирование поддерживается аллюзиями, в том числе к известным эвфемизмам. Ср.: «*Шпионаж – одна из древнейших профессий, наряду с некоторыми другими, не будем их перечислять, их не так много – древнейших профессий*»⁶.

⁵ Программа «Блог Андрея Пионтковского» (выпуск от 12.04.2017) // Сайт радио «Эхо Москвы». URL: http://echo.msk.ru/blog/piontkovsky_a/1962062-echo/ (дата обращения: 23.06.2019).

⁶ Кожевин И. 52 вопроса Путину: президент ответил на все, но скрыл имя преемника // Сетевое издание «Вести.Ру». URL: <http://>

Чтобы избежать этических и правовых исков, участники публичной коммуникации тщательно выбирают выражения и сознательно смягчают более определённые формулировки. Сам акт эвфемизации фиксируется с помощью речевых метазаставок: *сказать помягче, мягко говоря, давайте так скажем, назовём так и т. п.* Ср.: «Ну, как бы это сказать мягче? Ну, у этого человека есть проблемы со стыдом»⁷. «Ответом всем идеалистам вроде Александра Николаевича Сокурова может быть “Я вас услышал” – это такой эвфемизм “Идите лесом” (ну, вот, скажем так, да?) “Я вас услышал, а теперь идите лесом”»⁸.

Несущей конструкцией любого языка является культура и её базовые ценности и институты – мораль, этика, система общественных отношений, национальные традиции, семейные обычаи. В русской культуре приоритетным было и остаётся прямое, грубое, но правдивое слово [5]. Ср. высказывание на эту тему в литературном произведении: Голубков. ... Она не отдаёт себе отчета в том, что говорит! Хлудов. Это хорошо, потому что, когда у нас отдавая отчет говорят, ни слова правды не добьешься [М. А. Булгаков. Бег (1937)]⁹. Ср. со-

временный публицистический текст: «– Жить надо долго, в том числе для того, чтобы видеть, как ссучиваются твои друзья. – Слово плохое. – Хорошее слово. – Не эфирное. – Нет, хорошее слово. У слов есть значение. Хорошее слово – это то слово, которое точно отражает значение. А плохое слово – то, которое мешает, которое уводит от смысла»¹⁰.

Как делаются эвфемизмы? Успешная эвфемизация строится на создании семантической неопределённости, обобщённом описании негативного денотата, на семантической редукции, т. е. сокращении доли информации в языковой единице. Перечислим основные способы и средства эвфемизации, применяемые в современной русской речи.

Создание значения неполноты признака или действия осуществляется с помощью: а) отрицательной частицы и приставки *не*: *не часто* ‘редко’; *неважно выглядеть* ‘плохо’ и др.; б) клише *не очень, не совсем, не вполне, далеко не: не очень умный* ‘глупый’; *не вполне разбираться в чем-л.* ‘не знать, не разбираться’; в) аффиксов со значением неполноты признака или действия: *с ленцой* ‘ленивый’; *простоват* ‘о глупом или некультурном человеке’; *двушечка* ‘два года тюремного срока’; *сядем в машинку, составим протокольчик* (шаблонная фраза сотрудников ГИБДД); г) сочетания с кванторами или сложения с

www.vesti.ru/doc.html?id=1169208 (дата обращения: 23.06.2019).

⁷ Программа «Суть событий» (выпуск от 17.06.2016) // Сайт радио «Эхо Москвы». URL: <http://m.echo.msk.ru/interview/detail.php?ID=1785322> (дата обращения: 23.06.2019)

⁸ Программа «Особое мнение» (выпуск от 24.07.2017) // Сайт радио «Эхо России». URL: <http://echo-russia.ru/dmitrij-bykov-osoboe-mnenie-24-07-2017> (дата обращения: 23.06.2019).

⁹ Цит. по НКРЯ: Национальный корпус рус-

ского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 23.06.2019).

¹⁰ Программа «Особое мнение» (выпуск от 14.04.2016) // Сайт радио «Эхо Москвы». URL: <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1747326-echo> (дата обращения: 23.06.2019)

корнями, в которых содержится семантика уменьшения: *слабо разбирается* в чём-л. 'не разбирается абсолютно'; *мало помнит из прочитанного* 'ничего не читал'; *почти игнорированы новые технологии* 'вообще не применяются'; *слабослышащий* 'глухой' и т. п.

Расширение значения обеспечивают: а) гиперонимы и слова с неопределённой семантикой: *непопулярные меры*; *изменение ценовой политики* 'повышение цен'; *отказаться от планов* 'отказаться от реформ'; *к известным результатам* 'к плохим результатам'; *девушки известной профессии* 'проститутки'; *специфический запах* 'неприятный'; *определённые силы* 'военные соединения'; *вежливые люди* 'участники военных соединений'; б) сокращение компонентов: *ограниченный контингент* 'ограниченный контингент войск'; в) прономинация: *не так сделать* 'плохо'; *пойти кое-куда* 'в туалет'; *то место* 'таз'; *эти дела* 'менструация'; г) сокращение или игровая замена грубых, обценных компонентов: *на букву «ж»*; *на букву «х»*; *иди на ху..тор бабочек ловить*; *надавать -люлёй/ -дюлёй*.

Создание семантической неопределённости, вплоть до подмены значения, обеспечивают метафоры и образные выражения. Ср.: *нижний этаж* 'гениталии'; *послать далеко и надолго* 'форма отказа'; *ночная бабочка* 'проститутка'. Также для смягчения речи используется онимизация, сопряжённая с анаграммой, омонимией, ономатопеей. Ср.: *Вера Михайловна* 'высшая мера наказания'; *мадам Сижу* 'зад'; *поехать в Ригу* 'отрыжка'; *Фенька Тормозенко* 'нерасторопный глуповатый человек' и др. Хорошим приёмом, способствующим переводу эвфемизации в область комического, является идиоматичность цитации и

использование прецедентных имён; ср.: *пройтись по ленинским местам* 'помыться интимные части тела'; *красный день календаря* 'менструация'; *Маркс твою Энгельс* 'выражение досады, недовольства' и др. Употребление многих эвфемизмов ограничено той или иной социальной группой, и шуточные эвфемизмы особенно часто бытуют среди «своих».

Негативная тема хорошо корректируется рационально «заряженной» лексикой; ср., например: *девушки с пониженной социальной ответственностью* 'проститутки'; *маломобильные жители* 'инвалиды'; *действия контрпродуктивны* 'вредны'; *эконом-класс* 'для бедных'. Мелиоративное действие производят «бездушные», как формулы, аббревиатуры; ср.: *ПКТ* (помещение камерного типа) 'тюремная камера'; *СОЭ* (социально опасный элемент) 'алкоголик, наркоман, хулиган и т. п.'; *пэжэ* 'пожизненный срок заключения'; *имс* (предменструальный синдром) 'нервное состояние женщины во время месячных кровотечений' и др.

Эвфемизмы и фразеологизмы

Чем пространнее эвфемизм, тем неопределённое описание негативного денотата. Многословные смягчающие единицы сходны с фразеологизмами по существенным, конституирующим факторам: 1) многокомпонентность структуры; 2) идиоматичность; 3) устойчивость.

Многокомпонентность. Согласно принципу иконичности, более сложное по форме выражение является также более сложным семантически. Эвфемизмы, состоящие из двух и более компонентов, семантически сложнее, чем однословные эвфемизмы, с их

помощью создаётся большая дистанция между негативным денотатом и его обозначением. Ср.:

Голодать – *недоедать* – *нуждаться в социальной защите*.

Ударить – *дать по заднице* – *всыпать по мягкому (одному) месту*.

Товары отсутствуют (товаров нет) – *дефицит* – *нет в наличии; товары повышенного спроса*.

Речевая избыточность всегда ведёт к семантическому усложнению, даже если оно оказывается ложным. Расширение формы даёт «наращение» содержания при простом «разложении» слова; ср.: *ударить* – *нанести удар; убежать* – *спасаться бегством*. Многокомпонентные безобразные обороты и парафразы, принятые в бюрократической речи, зачастую используются для смягчения социально заострённой негативной тематики; ср. факт экспликации такого смягчения: *«Издааниям также предложили отказываться от употребления слов “самоубийство”, “суицид”, “самоубийца” и др. в заголовках. Роспотребнадзор рекомендовал заменить их более нейтральными “смерть в результате самоубийства” и “умерший вследствие самоубийства”»*¹¹.

Идиоматичность. В образных эвфемизмах используются характерные для идиом приёмы непрямого номинации, которые обеспечивают неопределённость референции, создают непрозрачность описания. В этом направлении ведутся и поиски в создании

новых эвфемизмов. Ср., например: *«Ну, “политической нестабильности”, может, звучит как-то очень радикально, но политической турбулентности совершенно точно»*¹².

В таких эвфемизмах образно мотивированная внутренняя форма «подавляет» те смыслы, которые считаются неприличными или табуированными [1, с. 142]. Ср., например: *ночная бабочка; потянуло на клубничку*¹³. Значение образно мотивированных сверхсловных эвфемизмов, как и фразеологизмов-идиом, нельзя «вычислить» по составляющим эти знаки компонентам: при внешней раздельнооформленности такой эвфемизм, как и идиома, обладает слитным значением. Многие известные фразеологизмы, кодирующие некогда табуированные темы смерти, рождения, беременности, физиологических отправления, описываются во фразеологических словарях с особой пометой *эвфем.*; на их смягчающую функцию указывает также дополнительная помета *шутл.* Ср., например: *«Менструация. Это дело; это самое. Эвфем.»*¹⁴. В отдельных словарях отмечается смягчающая функция фразеологизмов, приводятся примеры употребления и даётся комментарий. Ср.: *«Загиб Иванович [Петров]. Жарг. Эвф. – ‘Смерть’. Придет к тебе Загиб*

¹¹ Роскомнадзор уточнил ограничения для СМИ при освещении суицидов [Электронный ресурс] // РБК : [сайт]. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/577d421f9a79477e3995d0eb?from=newsfeed> (дата обращения: 23.06.2019)

¹² Программа «Особое мнение» (эфир 24.02.2016) // Сайт радио «Эхо Москвы». URL: <https://echo.msk.ru/programs/personalno/1717870-echo> (дата обращения: 23.06.2019)

¹³ См.: Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА, 2008. С. 23, 290.

¹⁴ См.: Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь фразеологических синонимов русского языка. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 121.

Иванович – и всё! [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 5 (1978)]. От простореч. *загнубуть* – ‘погибнуть’. Восходит к табу на прямое название смерти»¹⁵.

Устойчивость эвфемизмов обнаруживает узуальный и структурный аспекты.

Узуальный аспект устойчивости эвфемизмов проявляется в регулярном воспроизводстве данных словосочетаний носителями языка. Регулярность воспроизводства эвфемизмов имеет когнитивно-психологическое и социально-культурное объяснение: смягчающие речь словосочетания сохраняются в сознании как определённые единицы, которые служат оптимальным средством для нейтрализации негативных тем и предотвращения негативного, с точки зрения говорящего, развития коммуникации. Эвфемизмы осуществляют следующие речевые стратегии в отношении предмета речи: 1) уменьшение негативности; 2) семантическое перефокусирование; 3) отчуждение негативного смысла от конкретного денотата. Неоднозначная оценочность, размытая референтность, семантическая диффузность эвфемизмов «уводят» обсуждение денотата в сторону от его определённо-дискретного описания – к неопределённо-целостному, что подменяет предмет речи и полностью нейтрализует негативную оценочность речи. Пригодным для эвфемизации является такой строительный материал языка, как отрицательные частицы, приставки, клише, гиперонимы,

слова с неопределённой семантикой и местоимения (референциально пустые единицы). Использование слов отрицания, базовых понятий категориального ряда и местоимений обычно присуще всем носителям языка, они употребляются автоматически, что также способствует созданию устойчивости эвфемизмов. Экстенционал общих наименований и местоимений в составе эвфемизма составляет абстрактное множество. Такие компоненты обеспечивают эмпирическую неverifiedируемость эвфемизмов и безразличие к конкретности истинного актанта (денотата). Ср.: Повышение цен – *цены немного поднялись; некоторое колебание цен; изменение цен; изменение ценовой политики; изменение цен в сторону дальнейшего их регулирования; упорядочение цен; освобождение цен; либерализация цен; цены соответствуют высокому качеству продукции; рубль подешевел* и т. п.

Как и фразеологизмы, эвфемизмы есть некое излишество в языке. Однако отличительной чертой эвфемизмов является то, что потребность в них диктуется необходимостью в осознанном речевом действии, контролирующем развитие коммуникации и предотвращающем этикетные, этические и эмоциональные риски. Эвфемизмы – это разрешённые в культурно-языковом социуме выражения (общепринятые или социально маркированные), обозначающие проблему, неуспех или отсутствие того или иного ресурса. Расширение и обновление эвфемизмов свидетельствует о существовании «слабых звеньев» в жизни человека и социума. С другой стороны, развитие эвфемизмов говорит об активной работе защитных механизмов в со-

¹⁵ См.: Ковшова М. Л. Словарь собственных имён в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 253.

знании человека и социума от различных рисков; эвфемизмы участвуют в формализации всего разнообразия негативного жизненного материала; учат снимать конфликтность и кризисность. Представляется, что именно напряжение смысловых связей в эвфемизме, отражённое в самой логике смягчения (изменение денотата, его корректировка в описании), не даёт распасться словосочетанию, создаёт устойчивость определённого словосочетания. Сама стратегия этикетного и этического смягчения в живой коммуникации требуют устойчивости выражений для их успешной интерпретации. Когнитивные «правила» эвфемизации несколько ограничивают креативный «произвол» коммуникантов: эвфемизмы должны быть понятны по смыслу и не уводить от существа дела.

Структурный аспект устойчивости характеризует эвфемизм с точки зрения его внутреннего устройства: это ограничения на трансформируемость и образование вариантов, дефектность парадигмы (морфологическая дефектность и синтаксическая проницаемость) и др. Сверхсловные эвфемизмы по своей структуре могут быть квалифицированы как фиксированные (связанные) словосочетания, фраземы, идиомы, клише и т. п. Все они являются недискретными, т. е. непределёнными, не полностью разложимыми единицами. В сверхсловных эвфемизмах, как и в идиомах, именная часть, как правило, не изменяется; глагольная более подвижна. В грамматическом плане для эвфемизмов характерны: атрибутивный предикат; неактивный глагол; результативное прошедшее и длежащее (вневременное) настоящее и т. п.

Углубляющаяся процедура «смягчение негативного смысла адресантом – реконструкция негативного смысла адресатом» приводит к вариативности эвфемизмов. Воспроизведение эвфемизмов допускает варьирование, как и в случае с фразеологизмами, лексическое и грамматическое, не нарушающее их семантической тождественности и структурной однородности. Ср.: *не красавица; далеко не красавица; кому-л. далеко до красавицы; кого-л. красавицей не назовёшь; нельзя/трудно назвать красавицей; не назовёшь Мэрилин Монро/Гретой Гарбо* и т. д.

Представляется, что во многом устойчивость сверхсловных эвфемизмов основана на использовании существующих грамматических конструкций и возникших на их основе фразеологизированных структур и моделей в их несобственном употреблении. Так, по типу грамматической конструкции «у X есть Р» в языке образуются различные по степени связанности и образности конструкции, регулярные и продуктивные; ср.: *у X есть/имеется вопрос, мнение, настроение* и т. п.; *у X есть характер* ‘сильная личность’, *у X есть мозги* ‘сообразительный’. Вопрос о фразеологизации тех или иных грамматических конструкций в разных аспектах обсуждается многими исследователями; так, устойчивые структуры изучаются в связи с темой воспроизводимости фразеологизмов [10]; рекуррентные (готовые) конструкции рассматриваются как префабрикаты прагматических единиц [4]; развитие прагматики речевых конструкций обсуждается в ряде работ; см., например [2].

По нашей гипотезе, использование устойчивых грамматических конструкций закладывает прочный фундамент для образования эвфемизмов и их узурализации в русской лингвокультуре. Так, на основе существующей грамматической конструкции «у X есть Р», где X – лицо; Р – характеризующий предикат, позитивный абсолютизированный признак, формируются эвфемизмы: у X красивые/ прекрасные глаза/волосы и т. д. Компоненты, имеющие в собственном употреблении лексическую и грамматическую свободу, в эвфемизме у X красивые волосы фразеологизируются. Квалификация внешности в эвфемизме не является законченной, она лишь часть полного высказывания: X некрасива, но/хотя у X красивые волосы. Факт импликации определяет не прямой характер эксплицированной части высказывания. Выражение, сформированное на основе существующей конструкции, является эвфемизмом, обладающим установкой для достижения определённой прагматической цели. Вторичный характер используемых с эвфемистической целью конструкций является причиной того, что их трудно диагностировать как эвфемизмы, если отсутствуют маркёры эвфемизации (*мягко говоря* и др.). На факт смягчения может указать прицельное «разоблачение» такого эвфемизма; ср.: [Елена Андреевна] У тебя прекрасные волосы. – [Соня] Нет! Нет! Когда женщина некрасива, ей говорят: «у вас прекрасные глаза, у вас прекрасные волосы. [А. П. Чехов. Дядя Ваня (1896)]¹⁶.

¹⁶ Цит. по НКРЯ: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 23.06.2019).

Для смягчённого описания негативного денотата также часто используется другая конструкция: «X [далеко] не Р», где X – лицо; Р – характеризующий предикат, позитивный абсолютизированный признак; предикативная структура заполняется варьирующейся левой частью: X [далеко] не красавица / не гений / не герой и т. д. Смягчающая функция данной конструкции проявляется в противительном или уступительном контекстах употребления. Ср. примеры¹⁷: А вот увидишь... Предупреждаю: она далеко не красавица... Но многим нравится. [К. М. Станюкович. Женитьба Пинегина (1893–1903)]. Далеко, далеко не красавица – а вот ведь забывалось об этом. [О. В. Волков. Из воспоминаний старого тенишевца (1988)]. Может быть, и не красавица, но для него самая лучшая. [Женщина + мужчина: Брак (форум) (2004)].

Эти и другие фразеологизированные конструкции активно используются в современной русской речи при обсуждении некрасивой внешности женщины. Употребление смягчённых выражений практикуется преимущественно в высказываниях об отсутствующем человеке, «о ней». С долей самоиронии или из ложной скромности эвфемизмы на тему некрасивой внешности могут использоваться в речи «о себе». С большой осторожностью эвфемизмы используются в высказываниях «о тебе»: недостатки внешности собеседника – табу даже для дружеского общения. Сгруппируем весь имеющийся материал таким образом, чтобы

¹⁷ Цит. по НКРЯ: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 23.06.2019).

выявить и назвать типичные речевые тактики [3], которым отвечает выбор тех или иных устойчивых структур, используемых для эвфемизации. Таких тактик на основании просмотренного в НКРЯ материала выделяется девять.

(1) Тактика градуирования негативной оценки, передвижение оценки на позитивную часть шкалы: *не очень красива; не очень хороша собой; не очень; не очень хорошие внешние данные.*

(2) Тактика противопоставления временного – постоянному, естественного – искусственному; эвфемизм превращается в совет: *неважно выглядит; сразу видно, что человек много работает; пора в отпуск; надо лучше следить за собой; зря не пользуется косметикой; стоит сменить имидж; не ухаживает за своей внешностью; пора обратиться к визажисту.*

(3) Тактика противопоставления объекта оценки – идеалу: *не красавица; далеко не красавица; далеко до красавицы; красавицей не назовёшь; нельзя назвать красавицей; трудно назвать красавицей; не назовёшь Мэрилин Монро/ Гретой Гарбо; у неё несценическая внешность.*

(4) Тактика перефокусирования с параметров внешности на степень воздействия: *недостаточно привлекательна; лишена обаяния; не лишена не которого обаяния.*

(5) Тактика перефокусирования описания с внешности объекта оценки на мнение субъекта оценки: *не в моём вкусе; может понравиться кому-нибудь.*

(6) Тактика констатации ординарной внешности как нормы: *обычная внешность; обычное лицо; не интересная внешне; неяркая; с невырази-*

тельной внешностью; обладает непримечательной внешностью; внешне скромная; малозаметная внешне; невыразительные данные; ничего особенного; так себе.

(7) Тактика приоритета неординарной внешности: *нетипичное лицо; необычная внешность; со своеобразной внешностью; оригинальная внешность; есть своя изюминка; не вписывается в стандарты; нестандартная внешность; запоминающаяся внешность.*

(8) Тактика противопоставления наружности – сущности: *духовная красота; умные глаза; доброе лицо.*

(9) Тактика фокусирования внимания на позитивной черте внешности: *красивые (прекрасные) глаза/ волосы; особенно красивы руки; хорошая фигура; роскошная грудь и т. д.*

Основные выводы

Эвфемизмы участвуют в формализации негативного жизненного материала, учат снимать конфликтность и кризисность; использование эвфемизмов обусловлено их функциями и спецификой бытования в разных дискурсах. Эвфемизмы обнаруживают сходство с фразеологизмами; устойчивость сверхсловных эвфемизмов имеет узуальный и структурный аспекты. Напряжение смысловых связей в эвфемизме, отражённое в самой логике смягчения, не даёт распасться словосочетанию, удерживает эвфемизм; устойчивости эвфемизма требует быстрота его выбора в спонтанной речи и успешность декодирования. Нарботанные в языке те или иные конструкции подвергаются фразеологизации и служат для создания устойчивых сверхсловных эвфемизмов. Перспектива работы

видится в исследовании грамматики эвфемизации при выборе выражений эвфемизмов как особых прагматических единиц фразеологизированного характера и тех стратегий и тактик, которыми руководствуется субъект для смягчения речи.

*Статья поступила
в редакцию 03.07.2019 г.*

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН.

ACKNOWLEDGMENTS

The study was funded by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 19-18-00429) at the Institute of Linguistics of Russian Academy of Science.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 312 с.
2. Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации: сборник статей / отв. ред. Шаронов И. А. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 318 с.
3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: URSS, 2008. 288 с.
4. Кириленко О. В. Устойчивость готовых синтаксических единиц // Универсальное и национальное в языковой картине мира. Минск: Минский государственный лингвистический университет, 2017. С. 69–72.
5. Ковшова М. Л. Эвфемизмы в пьесах А. Н. Островского и А. П. Чехова // Образы языка и зигзаги дискурса. Сборник научных статей к 70-летию В. З. Демьянкова / отв. ред. В. В. Фещенко. Москва: Культурная революция, 2018. С. 316–340.
6. Ковшова М. Л., Нистратов А. А. Критерии восприятия эвфемизмов: экспериментальное исследование языкового сознания // Жизнь языка в культуре и социуме. Материалы Международной научной конференции. Москва, 26–27 мая 2017 г. / отв. ред. Е. Ф. Тарасов. М.: Канцлер, 2017. С. 329–332.
7. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Крысин Л. П. Русское слово, своё и чужое. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 262–286.
8. Москвин В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. М.: ЛЕНАНД, 2007. 264 с.
9. Осадчий М. А. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2012. 256 с.
10. Телия В. Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык. Сознание. Коммуникация: сборник статей. Вып. 30. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 4–42.
11. Шейгал Е. И. Эвфемизм и ирония в политическом тексте // Филология – Philologica. 1997. Вып. 11. С. 47–49.

REFERENCES

1. Baranov A. N., Dobrovolskii D. O. *Osnovy frazeologii* [The basics of phraseology]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2013. 312 p.

2. Sharonov, chief ed. *Vezhlivost' i antivezhlivost' v yazyke i kommunikatsii: sbornik statei* [Politeness and anti-politeness in language and communication: collection of articles]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2018. 318 p.
3. Issers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative strategies and tactics of the Russian speech]. Moscow, URSS Publ., 2008. 288 p.
4. Kirilenko O. V. [The stability of the finished syntactic units]. In: *Universal'noe i natsional'noe v yazykovoii kartine mira* [Universal and national in the linguistic picture of the world]. Minsk, Minsk State Linguistics University Publ., 2017. pp. 69–72.
5. Kovshova M. L. [Euphemisms in the plays of A. Ostrovsky and A. Chekhov]. In: Feshchenko V. V., ex. ed. *Obrazy yazyka i zigzagi diskursa. Sbornik nauchnykh statei k 70-letiyu V. Z. Dem'yankova* [The images of language and twists of discourse. Collection of scientific articles dedicated to the 70th anniversary of V. Demyankov]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2018. pp. 316–340.
6. Kovshova M. L., Nistratov A. A. [Criteria for the perception of euphemisms: an experimental study of linguistic consciousness]. In: Tarasov E. F., chief ed. *Zhizn' yazyka v kul'ture i sotsiume. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 26–27 maya 2017 g.* [The life of language in culture and society. Materials of International scientific conference. Moscow, May 26–27, 2017]. Moscow, Kantsler Publ., 2017. pp. 329–332.
7. Krysin L. P. *Evfemizmy v sovremennoi russkoi rechi* [Euphemisms in the modern Russian speech]. In: Krysin L. P. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe* [Russian word, one's own and another's]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. pp. 262–286.
8. Moskvina V. P. *Evfemizmy v leksicheskoi sisteme sovremennogo russkogo yazyka* [Euphemisms in the lexical system of the modern Russian language]. Moscow, LENAND Publ., 2007. 264 p.
9. Osadchii M. A. *Russkii yazyk na grani prava: Funktsionirovanie sovremennogo russkogo yazyka v usloviyakh pravovoi reglamentatsii rechi* [Russian language on the verge of law: the Functioning of the modern Russian language in the conditions of legal regulation of speech]. Moscow, Knizhnyi dom LIBROKOM Publ., 2012. 256 p.
10. Teliya V. N. [On the phenomenon of reproducibility of language expressions]. In: *Yazyk. Soznanie. Kommunikatsiya: sbornik statei. Vip. 30* [Language. Consciousness. Communication: collection of articles]. Moscow, MAX Press Publ., 2005, pp. 4–42.
11. Sheigal E. I. [Euphemism and irony in a political text]. In: *Filologiya – Philologica* [Philology – Philologica], 1997, no. 11, pp. 47–49.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ковшова Мария Львовна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела теоретического и прикладного языкознания Института языкознания Российской Академии наук;
e-mail: kovshova_maria@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria L. Kovshova – Doctor in Philological Sciences, Leader Researcher of the Department of the Theoretical and Applied Linguistics, the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: kovshova_maria@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ковшова М. Л. Эвфемизмы и фразеологизмы: устойчивые структуры в аспекте эвфемизации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 4. С. 35–48.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-35-48

FOR CITATION

Kovshova M. L. Euphemisms and phraseological units: frozen structures from the standpoint of euphemisation. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 4. pp. 35–48.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-35-48

УДК 811.161.1'06, 811'336.58

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-49-58

СУБЪЕКТИВНАЯ ГРАДУАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ДЕЙСТВИЯ И ТЕОРИЯ «СТЕПЕНЕЙ СОВЕРШАЕМОСТЕЙ» РУССКОГО ГЛАГОЛА

Колесникова С. М.

Московский педагогический государственный университет

119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация. Одним из сложных вопросов аспектологии является изучение категории вида глагола и способов глагольного действия, а также установление градационных отношений в грамматической системе глагольного слова. В ходе анализа данной проблемы следует обращаться к теории «степеней», так как она даёт возможность шире описать лексико-грамматические признаки глагола, рассмотреть систему образования видов, выявить качественно-характеризующие различия между видовыми значениями и способами глагольного действия. Теория «степеней» представляет собой оригинальную попытку осмыслить «качественный» характер вида русского глагола и доказывает пограничный, «гибридный» характер видообразования. Степени «совершаемостей» глагола, имеющие градуальный характер, выделяются на семантической основе. Показателями данных значений в системе глагола выступают различные аффиксы, передающие субъективную градуальную оценку действия.

Ключевые слова: степень, совершаемость, качественность, градуальная оценка, действие

SUBJECTIVE GRADUAL EVALUATION OF ACTION AND THEORY OF THE “DEGREES OF COMPLETION” OF A RUSSIAN VERB

S. Kolesnikova

Moscow Pedagogical State University

1 build. 1, Malaya Pirogovskaya ul., Moscow 119991, Russian Federation

Abstract. One of the most difficult issues of aspectology is the study of the form of the verb categories and methods of verbal action, as well as establishing relationships gradation in the grammatical system of the verbal expression. In the course of the analysis, we should turn to the theory of “degrees”, as it makes it possible to broadly describe the lexical and grammatical features of the verb, to consider the system of aspect formation, to reveal qualitatively-characterizing differences between aspects' meaning and methods of verbal action. The theory of “degrees” is an original attempt to comprehend the “qualitative” nature of the form of the Russian verb and proves the borderline, “hybrid” nature of an aspect formation. These meanings in the verb system are realized by using a variety of affixes. These forms are the modes of transmission of the subjective gradual evaluation of an action.

Keywords: degree, completion, quality, gradual evaluation, action

В силу своих семантико-грамматических особенностей основные знаменательные части речи способны выражать ту или иную *степень* (*меру*) проявления признака и выступать в качестве *градуированных* и *градуируемых* единиц [8]. С понятиями *степень*, *мера* определённым образом (в большей или меньшей степени) соотносятся признаковость, процессуальность, предметность, категориальная семантика основных знаменательных частей речи: большинство слов современного русского языка выражает изменяемый и измеряемый (качественный) признак (степени сравнения у имён прилагательных); образования с суффиксами субъективной оценки (имена существительные и имена прилагательные), а также способы глагольного действия со значением меры.

Одним из сложных вопросов аспектологии является изучение категории вида глагола и способов глагольного действия, а также установление градационных отношений в грамматической системе глагольного слова [9; 10]. В ходе анализа данной проблемы следует обращаться к теории «степеней», так как она даёт возможность шире описать лексико-грамматические признаки глагола, рассмотреть систему образования видов, выявить качественно-характеризующие различия между видовыми значениями и способами глагольного действия.

Понятие «*степень*» раскрывалось или как сочетание количественно-временных (о реальном представлении количества см.: [9]) и пространственных признаков (теория Г. П. Павского), или как сочетание количественно-временных и качественно-временных признаков (теория К. С. Аксакова), или

как сочетание качественно-временных признаков с признаками силы, энергии действия (теория Н. П. Некрасова). Данные теории «смешивали» кратные значения и оттенки с качественно-видовыми [5], однако их необходимо учитывать в процессе изучения категории вида глагола и способов глагольного действия, а также в ходе установления тонких оттенков значений русского глагольного слова [6; 16].

Весьма оригинальна и даже креативна по содержанию теория Г. П. Павского. С нею можно соглашаться и не соглашаться, но следует признать тот факт, что выявленный качественный характер категории вида, а особый, *градуальный*, угол зрения на данную категорию помогает определить её пограничный и «гибридный» характер. Оригинальность теории, прежде всего, проявляется в том, что *степень* в глаголах («мера продолжительности и объём действия») представлена в трёх степенях:

- первая степень (однократные глаголы) – самое определённое пространство или наималейшее продолжение действия и мгновенное явление (*мелькнуть*, *кончить*, *уйти*, *прочитать*);

- средняя степень (многократные глаголы) – (более) неопределённое действие, обширный круг действий (*мелькать*, *почитывать*, *поглядывать*, *летать*);

- последняя степень («многократные дальние») – обширный круг действия, где неопределённость «теряется» (*читывать*, *видывать*, *хаживать* и под.) [14]. В работе Г. П. Павским описана *техника* видового суффиксального и префиксального образования, представлены *списки основ* простых глаголов с распределением их по степе-

ням и конкретизацией «предложного производства глаголов». Выдвинутая теория Г. П. Павского стала основой теории видов К. С. Аксакова, придавшего понятию *степень* более качественный характер [1].

«Гибридный» характер видообразования подтверждается его дискуссионным, неоднозначным изложением в научных изданиях, учебниках и учебных пособиях, сложностью установления грамматических и семантических связей языковых единиц и форм слова, выявлением их функциональных особенностей, ср.: «В реальном **функционировании** глаголов нередко наблюдается **конкуренция видов**, т. е. использование парных глаголов *совершенного* и *несовершенного* вида в одном и том же контексте, когда **видовые различия не сказываются на общем смысле** высказывания (выделения наши. – С. К.). Конкуренция возможна при выражении следующих аспектуальных ситуаций» [15]: 1) конкретно-фактическое значение глаголов (*Мы уже изучали/изучили это стихотворение*); 2) при выражении ситуации повторяющегося, обычного или типичного действия (*Он обычно приходил/придёт и садился/сядет у камина*). Подобная «конкуренция» исключается для большинства значений «аспектуальных ситуаций» и выражения «постоянных отношений» глаголами несовершенного вида (см., например, значения постоянного настоящего – *Земля вращается вокруг Солнца*). Такие примеры демонстрируют явные видо-временные связи и отношения.

Лингвистические описания категории вида доказывают её пограничность и «гибридность» (см., например, ра-

боты Г. П. Павского, Н. П. Некрасова, К. С. Аксакова, В. В. Виноградова, А. В. Бондарко и др.). Так, теория о трёх степенях глагола Г. П. Павского [13; 14] стала новым этапом в учении о видах, носит обобщённый характер и весьма актуальна в настоящее время. Её новизна состоит в том, что Г. П. Павский по аналогии со степенями сравнения имени прилагательного **виды** глагола называет **степенями**. С точки зрения соотношения выражения **предела** в развитии действия и **степени** его проявления, структура теории Г. П. Павского является более удобной для описания связей и отношений вида – аспектуальности и градуальности, так как отражает способность глагола передавать **интенсивность, меру и степень действия**.

Категория вида определяется К. С. Аксаковым как основа **спряжения** (от узкого понимания (изменение глагола по лицам и числам в пределах настоящего и будущего времени и *распределение* глаголов по группам в зависимости от флексий) до самого широкого – спрягаемые и неспрягаемые формы глагола), что позволило включить в спряжение изменение не только по лицам и числам, но и по наклонениям, временам и родам: «Русский глагол имеет три степени, выражающие различные определения (моменты) самого действия в его существенном значении: **степень неопределённая, степень однократная, степень многократная**. Изменение глагола по этим степеням в лице и числе есть **спряжение**» [1] (выделения наши. – С. К.). Дается точное замечание, определяющее «статус» видообразования и его характер, признавая разные «видовые варианты» одной и той же основы **формами** глагола:

«все эти *формы* – *формы* одного и того же глагола, но *формы* не времени, а **качества действия**: понятие же о времени ... есть **выводное из качества действия**» [1] (выделения наши. – С. К.).

«Качественное» описание категории вида глагола продолжается и углубляется в работах Н. П. Некрасова: «В русском глаголе **качественность формы** бросается в глаза с первого взгляда ... **Качественность действия** заключается в *свойстве* его проявляться *кратко* или *быстро* и *медленно* или *продолжительно*. **Краткость** и **продолжительность** проявления действия соответствует *сжатости* и *растяжению формы* ... Будучи свойством, **продолжительность** действия может проявляться в **различной степени**, т. е. она может быть *меньшею* и *большею* продолжительностью. **Наименьшая продолжительность** будет, конечно, та, в которой *начало* действия **совпадает** в сознании с *концом* его ... Напротив, **наибольшая продолжительность** будет, конечно, та, в которой *конец* действия представляется для сознания **наиболее удаляющимся** от его *начала*» [11, с. 151] (выделения в тексте наши. – С. К.). Отмечается, что «сама **продолжительность** представляется сознанию **повторяющимся от времени до времени**. Это **кратность, будучи степенью продолжительности**, главным образом имеет **качественное значение**, выражая **особую силу, энергию действия в его проявлении**». Но «таким пониманием **кратности** действия мы не хотим и не можем отрицать безусловно **количественности** её значения для действия, но желаем лишь сохранить **существенное значение, значение качественное**, которое может легко переходить и в количе-

ственное...» [11, с. 152] (выделения в тексте наши. – С. К.).

Соответственно «**качественность**» русского глагола представляет три главных **степени** своего **проявления**:

1) **краткая**: *двинуть, махнуть*;

2) **продолжительная**: *двигать, махать*;

3) **кратная**: *двигивать, махивать*.

По мнению Н. П. Некрасова, **форм краткой степени** гораздо меньше, чем **форм кратной степени**. **Основой видовых изменений** глагола определяется «**продолжительная степень**» – **несовершенный вид**. Остальные две формы «могут быть и не быть, смотря по смыслу действия, выражаемого продолжительною степенью ... Но вообще **продолжительность** легче может быть усилена, чем сокращена; ибо усиленная **продолжительность** есть не что иное, как **та же продолжительность**, а **краткость** есть как бы **уничтожение, отрицание продолжительности**» [11, с. 151–161] (выделения в тексте наши. – С. К.).

Понятие «**степени**» по отношению к глаголу позднее стал использовать Д. Н. Овсяннико-Куликовский для **характеристики внутривидовых различий** между глаголами. Для глаголов несовершенного вида он выделил следующие 2 **степени**: 1) **длительный первой степени** (*нести, везти, течь*); 2) **длительный второй степени** (*носить, возить, протекать*); 3) **длительный третьей степени** с различными оттенками (*прохаживаться, похаживать*) [12].

Лингвистами решались задачи установления **разнообразных оттенков значения** глагола и объединения их **вокруг основных значений** [4]. См.: **длительность действия** – это «родо-

вая характеристика глагольной системы» [3, с. 249], которая может быть рассмотрена в следующих условиях: а) без ближайших определений и оттенков (*вид неопределённый*: *сидеть, лежать* и др.); б) в соединении с ними.

«**Длительность**» определяется для глаголов несовершенного и совершенного видов: 1) в её **усиленной экстенсивности** или **интенсивности** (*вид «усиленный»*: *бирать,живать* и под.); 2) в её **начале** и **постепенном инертном возрастании** (*вид «начинательный»*: *сохнуть, киснуть, худеть* и др.); 3) в её **завершении, окончании** (*вид «окончателности»*: *дать, купить, сесть* и т. д.); 4) **мгновенности** своего **проявления** (*вид «мгновенный»*: *крикнуть, махнуть* и проч.). Наряду со «**степенями длительности**» устанавливаются **оттенки значения**, играющие второстепенную роль, но определяющие в дальнейшем значения *способов глагольного действия*. См.: «фактичность и возможность действия» (*илыть* и *плавать*); однообразие и разнообразие (*иду* и *хожу*); однократность и многократность, полнота и неполнота (*застрелить* и *подстрелить*); законченность и незаконченность, осязательность и неосязательность и т. п. [3, с. 250].

На основе **семантических** оттенков выделяют «**степени совершаемости**» глагола, которые раскрывают сущность категории градуальности в системе глагола и образуются при помощи аффиксов (префиксов, постфикса, суффикса). В лингвистике описаны разные типы «**совершаемости**» (см., например: [3, с. 209–293]):

– **начинательная «совершаемость»**: значение выражается в слове с приставкой *за-*, обозначающей опти-

чески воспринимаемые явления – *зазеленеть* (= ‘начать зеленеть’) и т. п.;

– **эволютивная «совершаемость»**: значение максимальной интенсивности («в результате постепенного нарастания интенсивности в начальной фазе действия» [7]) создаётся при помощи префикса *раз-* и постфикса *-ся*: *говорить–разговориться, хохотать–расхохотаться* и т. п.;

– **ограничительная «совершаемость»**: значение действия в глаголах несовершенного вида с приставкой *по-* выражает не просто «малую меру» действия, а «**меру действия, ограниченного во времени**», см.: глаголы *поговорить, побеседовать* выражают отрезок времени неопределённой продолжительности (часто воспринимаемый как относительно короткий), заполненный процессом говорения/беседы. Ограничительное действие имеют глаголы с приставками *вз-/вс-* в сочетании с суффиксом *-ну(-ть)*: *вздремну(-ть), всплакну(-ть)* и т. д.;

– значение **смягчительной «совершаемости»** от ограничительной отличается иной направленностью, относящейся к **интенсивности**, а не к **ограниченности** во времени: *поразвлечь* = ‘слегка, немного, отчасти развлечь’, *пообсохнуть* = ‘немного обсохнуть’. Смягчительное значение создаётся присоединением префикса *под-* к приставочному глаголу совершенного вида: *подзабыть, поднажать* и др.;

– **результативная «совершаемость»** располагает определёнными приставками (*на-, из-, по-* и т. п.), выбор которых обусловлен теми или иными свойствами семантики глагола (*налетать, налюбоваться, исписать*);

– **однократная** («один отдельный фазис» многофазисного действия) и

многократная «совершаемости» от бесприставочных глаголов, ср.: *толкать – толкнуть*; *бодать – боднуть* (однократная «совершаемость»); *ходить – хаживать*, *сидеть – сиживать* и под. (многократная «совершаемость»).

Дополнительно см.: **прерывисто-смягчительная** (*болеть – побаливать*; *стучать – постукивать* и под.), **осложнённо-интенсивная «совершаемость»** (*звонить – вызванивать*), **сопроводительная «совершаемость»** (*говорить – приговаривать*, *петь – подпевать* и проч.), **взаимная** (*говорить – переговариваться* и под.), **распределительная «совершаемость»** (*мыть – перемыть* (= 'всю посуду'), *целовать – перецеловать*, *ломать – переломать / поломать*, *бросать – перебросать / побросать* и т. д.).

Образование различных «степеней совершаемости» глаголов (**начинательная, эволютивная, ограничительная, смягчительная, результативная; однократная, многократная** и др.) подтверждает градуальный характер глагольного слова. «Степени совершаемости» связаны со стилями и являются своеобразными способами выражения **субъективной градуальной оценки действия**. Они бытуют в разговорном стиле, просторечии, передают экспрессивность речи.

Глаголы **ограничительной «совершаемости»**, например *поговорить*, морфологически соотносятся с глаголами *поговаривать*, *похаживать*, которые самостоятельно обозначают **прерывисто-смягчительную «совершаемость»**. Не допускают её глаголы следующих типов:

1) выражающие не процесс, а отношение: *знать*, *зависеть* (от чего-либо);

2) полусвязочные, типа *находиться*, *являться* и т. п.;

3) имеющие разные модальные значения: *хотеть*, *намереваться*, *желать*;

4) обозначающие переход в какое-либо состояние: глаголы *покраснеть*, *зеленеть*, обозначающие **результативную «совершаемость»**;

5) глаголы с фактитативным значением, например: *белишь*, *золотишь*, где приставка **по-** придаёт результативное значение (*позолотить*, *посахарить*) и т. п.;

6) передающие однонаправленное перемещение: *бежать* – приставка **по-** в данном случае вносит значение **начинательности**.

В пределах **результативной семантики** А. В. Исаченко выделяет ряд тонких разновидностей, отдельные из которых непосредственно передают меру действия, ср.: [7]. Тем самым глаголы вступают в градуационные отношения и выражают градуальную семантику.

Результативная «совершаемость» обозначает градуирование выражаемого процесса – *неполноту/полноту*, меру и степень проявления действия. Ср.:

1. Глаголы, действие которых охватывает **весь объект** (А. В. Исаченко называет такой оттенок значения «тотально-объективным»): *ранить – изранить*, *писать – исписать* (всю бумагу), *рисовать – изрисовать* и проч.

2. Глаголы, в которых допускается значение **сатуративности** (результат продолжительных или повторяющихся действий) с оттенком **полной удовлетворённости**: *налюбоваться* = 'полюбоваться вдоволь, всласть'; *наиграться* и под.

3. Глаголы с **накопительным** оттенком значения, посредством которого

выражается действие **определённой меры** путём прибавления приставки **на-**: *За этот сезон он **набегал** свыше трёхсот километров; Лётчик **налетал** два миллиона километров* – значение меры действия субъекта, возникшего в результате накопительного действия. Глаголы с накопительным значением образуются от *переходных* глаголов, где дополнение может быть выражено *градуатором*, в данном случае – словом с количественным значением типа *много, масса, уйма* и пр.: ***Наделать уйму ошибок*** (или сочетанием с родительным падежом); ***Накупить много книг.***

Возвратные глаголы с подобным значением несут в себе *отрицательную качественную оценку* действия: ***начитаться*** (всяких книг), ***насмотреться*** (всяких фильмов), ***наиграться*** (в разные игры), ***набегаться*** (по разным магазинам) и т. п.

4. Глаголы со значением **неполной меры деятельности**, которые образуются при помощи приставки **по-**, добавляющейся к имеющейся у глагола приставке **на-**: ***понастроить*** – глагол приобретает значение ‘постепенно, мало-помалу, в несколько приёмов совершить действие’.

5. Глаголы со значением **доведения действия до нежелательного результата**, где такое значение реализуется приставкой **до-** и постфиксом **-ся**: ***Вот ты и допрыгался/доигрался/добегался!*** – и выражает иронию.

Таким образом, «теория трёх степеней» представляет собой оригинальную попытку осмыслить **«качественный» характер вида** русского глагола и доказывает **пограничный, «гибридный» характер видообразования**, цит.: ***виды*** русского глагола – **«разные формы выражения степеней качества»** [5]. Теории Г. П. Павского, К. С. Аксакова, Н. П. Некрасова следует учитывать в изучении русского языка, в частности категории вида глагола и способов действия глагольного слова, так как они дают возможность шире описать лексико-грамматические признаки глагола, рассмотреть систему образования видов [2], выявить **качественно-характеризующие** различия между видовыми значениями и способами глагольного действия.

Степени «совершенностей» глагола выделяются на **семантической основе** и раскрывают сущность категории градуальности в глагольной системе. Показателями данных **степеней** выступают различные аффиксы. Образование различных **степеней «совершенностей»** глаголов связано со стилями (они бытуют в *разговорном* стиле, *просторечии*, передают *экспрессивность* речи) и является способом передачи **субъективной градуальной оценки действия**.

Статья поступила
в редакцию 11.06.2019 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков К. С. О русских глаголах // Аксаков К. С. Полное собрание сочинений. Т. 2. Ч. 1. М.: Типография П. Бахметева, 1875. 414 с.
2. Белошапкова Т. В. Когнитивно-дискурсивное описание категории аспектуальности в современном русском языке: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2008. 40 с.
3. Будилович А. С. Начертание церковнославянской грамматики применительно к общей теории русского и других родственных языков. Варшава: в типографии К. Ковалевского, 1883. XIII. 349 с.

4. Виноградов В. В. Грамматическая стабилизация видовой системы. Спор о количестве видов и их иерархии // SciCenter.online. URL: <https://scicenter.online/russkiy-yazyik-scicenter/grammaticheskaya-stabilizatsiya-vidovoy-48170.html> (дата обращения: 15.02.2018).
5. Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1973. С. 385.
6. Грамматические категории глагола и имени в современном русском языке в свете грамматической концепции А. В. Бондарко (спецкурс для филологического факультета УРАО) // Марина Юрьевна Сидорова : персональный сайт. URL: http://www.philol.msu.ru/~sidорова/for_students/GramCategories (дата обращения: 15.02.2018)
7. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. I–II; 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 209–293.
8. Колесникова С. М. Градуальность в системе русского языка. М.: Флинта, 2018. 232 с.
9. Колесникова С. М. Градуирование и квантификация в современном русском языке // Studia Slavica. 2015. Vol. 60. Iss. 1. P. 55–64.
10. Колесникова С. М. Залог и залоговость в современном русском языке // Русский язык в школе. 2016. № 4. С. 53–56.
11. Некрасов Н. П. О значении форм русского глагола. СПб.: Типография и литография И. Паульсона и Ко, 1865. 313 с.
12. Овсянко-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. СПб.: Издание Жуковского, 1902. 312 с.
13. Павский Г. П. Глагол // Филологические наблюдения над составом русского языка Протоирея Г. Павского. Рассуждение 3. СПб.: типография Академии наук, 1850. 271 с.
14. Павский Г. П. Об именах прилагательных и местоимениях // Филологические наблюдения над составом русского языка Протоирея Г. Павского. Рассуждение 2. СПб.: типография Академии наук, 1850. С. 205–206.
15. Современный русский язык / под ред. П. А. Леканта. М.: Дрофа, 2002. С. 316–317.
16. Pálosi I. (Палоши И.) Количественная аспектуальность в русском языке в зеркале количественно-предельных способов глагольного действия: Doktori Disszertáció. Budapest, 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://doktori.btk.elte.hu/lingv/palosiildiko/diss.pdf> (дата обращения: 15.02.2018).

REFERENCES

1. Aksakov K. S. [About Russian verbs]. In: Aksakov K. S. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 2. Ch. 1.* [Complete works. Vol. 2. Part 1]. Moscow, Tipografiya P. Bahmeteva Publ., 1875. 414 p.
2. Beloshapkova T. V. *Kognitivno-diskursivnoe opisaniye kategorii aspektual'nosti v sovremennom russkom yazyke: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Cognitive-discursive description of the category of aspectuality in the modern Russian language: abstract of D. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2008. 40 p.
3. Budilovich A. S. *Nachertaniye tserkovnoslavyanskoi grammatiki primenitel'no k obshchei teorii russkogo i drugikh rodstvennykh yazykov* [The outline of Church Slavonic grammar as applied to the general theory of Russian and other related languages]. Varshava, tipografiya K. Kovalevskogo, 1883. XIII. 349 p.
4. Vinogradov V. V. [Grammatical stabilization of the species system. The dispute over the number of species and their hierarchy]. In: SciCenter.online. Available at: <https://scicenter.online/russkiy-yazyik-scicenter/grammaticheskaya-stabilizatsiya-vidovoy-48170.html> (accessed: 15.02.2018).

5. Vinogradov V. V. *Russkii yazyk: grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language: grammatical teaching about the word] Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1973. pp. 385.
6. [Grammatical categories of the verb and name in modern Russian in the light of the grammatical concept of A. Bondarko (special course for the philological faculty of URAO)]. In: *Marina Yur'evna Sidorova : personal'nyi sait* [Marina Yurievna Sidorova: personal site]. Available at: http://www.philol.msu.ru/~sidorova/for_students/GramCategories (accessed: 15.02.2018).
7. Isachenko A. V. *Grammaticheskii stroi russkogo yazyka v sopostavlenii s slovatskim. Morfologiya. Ch. I–II* [The grammatical structure of Russian in comparison with Slovak. Morphology. Part I–II] Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2003. pp. 209–293.
8. Kolesnikova S. M. *Gradual'nost' v sisteme russkogo yazyka* [Gradualist in the system of the Russian language]. Moscow, Flinta Publ., 2018. 232 p.
9. Kolesnikova S. M. [Graduation and quantification in the modern Russian language]. In: *Studia Slavica*, 2015, vol. 60, iss. 1, pp. 55–64.
10. Kolesnikova S. M. [Pledge and collateral in modern Russian]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2016, no. 4, pp. 53–56.
11. Nekrasov N. P. *O znachenii form russkogo glagola* [The significance of the forms of the Russian verb]. St. Petersburg, Tipografiya i litografiya I. Paulsona i Ko Publ., 1865. 313 p.
12. Ovsyaniko-Kulikovskii D. N. *Sintaksis russkogo yazyka* [The syntax of the Russian language]. St. Petersburg, Izdanie Zhukovskogo Publ., 1902. 312 p.
13. Pavskii G. P. [Verb]. In: *Filologicheskie nablyudeniya nad sostavom russkogo yazyka Protoireya G. Pavskogo. Rassuzhdenie 3* [Philological observations on the structure of the Russian language Archpriest G. Pansky. Reasoning 3]. St. Petersburg, tipografiya Akademii nauk Publ., 1850. 271 p.
14. Pavskii G. P. [About adjectives and pronouns]. In: *Filologicheskie nablyudeniya nad sostavom russkogo yazyka Protoireya G. Pavskogo. Rassuzhdenie 2* [Philological observations on the structure of the Russian language Archpriest G. Panskogiy. Argument 2]. St. Petersburg, tipografiya Akademii nauk Publ., 1850. pp. 205–206.
15. Lekant P. A., ed. *Sovremennyyi russkii yazyk* [Modern Russian] Moscow, Drofa Publ., 2002. pp. 316–317.
16. Pólosi I. *Kolichestvennaya aspektual'nost' v russkom yazyke v zerkale kolichestvenno-predel'nykh sposobov glagol'nogo deistviya: Doktor Disszertáció* [Quantitative aspects in the Russian language in the mirror to quantify the ultimate ways of verbal action: D. thesis]. Budapest, 2013. Available at: <http://doktori.btk.elte.hu/lingv/palosiildiko/diss.pdf> (accessed: 15.02.2018)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесникова Светлана Михайловна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, профессор кафедры русского языка Института филологии Московского педагогического государственного университета;
e-mail: asya26@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana M. Kolesnikova – Doctor in Philological Sciences, Leading Researcher, professor at the Department of the Russian Language at Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University;
e-mail: asya26@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Колесникова С. М. Субъективная градуальная оценка действия и теория «степеней совершаемостей» русского глагола // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 4. С. 49–58.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-49-58

FORCITATION

Kolesnikova S. M. Subjective gradual evaluation of action and theory of the “degrees completion” of the Russian verb. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 4. pp. 49–58.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-49-58

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-59-66

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВЫРАЖЕНИЯ ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИЙ СОСТАВ

Учайкина Е. В.*Независимый исследователь, Московская область*

Аннотация. Целью настоящей статьи является исследование истории возникновения и предпосылок употребления в современной речи устойчивого выражения *профессорско-преподавательский состав*. Основное содержание исследования составляет анализ источников, в которых данная номинативная единица представлена предположительно впервые. По заключению автора статьи, сочетание *профессорско-преподавательский состав* в качестве устойчивого выражения-доминанты стало входить в русский язык в 20-х гг. XX в., а впоследствии стало активно распространяться за пределами официально-делового стиля, в котором было рождено. В статье проведён подробный анализ истории бытования ранее малоисследованного официально-делового клише *профессорско-преподавательский состав*.

Ключевые слова: профессорско-преподавательский состав, история выражения, официально-деловой стиль речи, публицистический стиль речи, функциональный стиль

HISTORY OF ORIGIN AND USAGE OF THE EXPRESSION *ACADEMIC STAFF*

E. Uchaikina*Independent researcher, Moscow Region*

Abstract. The purpose of the article is to research the history of origin and usage of the expression *academic staff*. The main content of the study is the analysis of the sources in which this nominative unit is presented presumably for the first time. It is concluded that the combination *academic staff* became part of the Russian language in the 20s of the 20th century as a steady expression. Later the expression *academic staff* became spread actively outside the formal business style in which it was born. The article analyzes the distribution of previously little-researched official cliché the *academic staff*.

Keywords: academic staff, history of expression, official business style, journalistic style, functional style

Выражение *профессорско-преподавательский состав* – привычное для языка документов высших учебных заведений клише, которое обозначает всех сотрудников института, университета или академии, непосредствен-

но занимающихся преподавательской работой. Целью настоящей статьи является исследование истории возникновения и предпосылок употребления этого устойчивого выражения в современной речи. История бытования

этого выражения представляется нам выразительным частным случаем процессов лексического варьирования и примером поиска доминанты.

Языку XIX века номинативная единица речи *профессорско-преподавательский состав* совершенно несвойственна; мы не нашли примеров, подтверждающих использование этого сочетания в позапрошлом и начале прошлого столетия в мемуарах и деловых документах. В то время употреблялось другое выражение: *профессора и преподаватели*.

По данным нашего исследования, это сочетание стабильно использовалось как в серьёзных академических изданиях, так и в более лёгкой периодике, причём связи между словами внутри этой номинативной единицы оставались свободными, отсюда, например, конструкции типа *как профессора, так и преподаватели* и сочетания с образованием композитов, например: *профессора и преподаватели-специалисты*.

Рассмотрим вариант словоупотребления этой номинации в виде следующего сочетания: *профессорская и преподавательская деятельность*. Анализируя тексты начала XX в., можно говорить о коннотативной противопоставленности этого сочетания и выражения *управленческая деятельность*. В таком виде эта номинативная единица используется в журнале «Известия Московского сельскохозяйственного института» (1903 г.).

Третьим вариантом является словосочетание *преподавательский состав*. Интересно, что оно встречается в дореволюционное время, но уже в XX в. – в стенограммах Государственной думы. А в «Записке о Вологодском молочном

хозяйственном институте» (1919 г.) встречаем оборот *Совет ... в составе профессоров и преподавателей и представителей от слушателей* [1]. По всей видимости, это некая предтеча выражения *профессорско-преподавательский состав*, вполне подтверждающая, что его зарождение произошло в официально-деловом стиле речи.

В журналах «Новый Восток», «Красное студенчество», а также другой периодической печати, в декрете «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных учебных и высших учебных заведений Социалистической Федеративной Российской Республики», изданиях «Военная мысль и революция», «К восьмилетию Кубанского сельскохозяйственного института» находим следующие широкоупотребительные варианты, полученные на основе схожих лексических средств, например, *преподавательский штат, преподавательский персонал, преподавательский состав, профессорский, преподавательский и слушательский состав, научно-преподавательский состав, профессора и преподаватели*. Все приведённые нами примеры относятся к периоду 1918–1920-е гг.

Согласно нашим разысканиям, сочетание *профессорско-преподавательский состав* в качестве устойчивого выражения-доминанты стало входить в русский язык в 20-е гг. XX в. Например, эту номинацию мы встречаем в сборнике «К восьмилетию Кубанского сельскохозяйственного института (1919–1927 гг.)». В статье «Научно-агрономические кружки КСХИ» студенты Петрожицкий и Макаров рассказывают о кружках, насчитывающих до 246 членов, из кото-

рых 214 студентов и 62 профессорско-преподавательского состава» [3].

В очерке, открывающем номер «Известий Ленинградского лесного института», изданном в 1929 г., автор пишет о имевшихся в институте среди *профессорско-преподавательского состава* и студенчества активных сил, принявших участие в создании лесной общественности [4, с. 24].

Со второй половины 20-х гг. XX в. номинативная единица *профессорско-преподавательский состав* уверенно входит в язык журналов, выпускаемых издательствами высших учебных заведений. Мы встречаем это сочетание и в изданиях 30-х гг., например, в книге «Классовая борьба в высшей школе и задачи комсомола» [6, с. 119]. В юбилейном выпуске «Учёных записок Саратовского государственного университета имени Чернышевского» (1934 г.) читаем, что в методическом бюллетене принял активное участие профессорско-преподавательский состав, аспирантура и студенчество [7, с. 12].

При анализе источников становится понятно, что выражение *профессорско-преподавательский состав* сложилось на основе сочетания *профессора* и *преподаватели*, тем не менее возникает вопрос о гиперо-гипонимических отношениях между компонентами этого сочетания слов: как более общее понятие *преподаватель* подчинилось частному *профессор*, что и отразилось в порядке следования компонентов прилагательного? Для того чтобы найти ответ на этот вопрос, проведём лексикографический анализ: дадим точное определение словам, обозначающим сотрудников кафедры дореволюционного университета. Речь идёт о лексе-

мах *адъюнкт*, *доцент*, *приват-доцент*, *профессор*. Некоторые из этих наименований (*адъюнкт*, *приват-доцент*, *ординарный* и *экстраординарный профессор*) являются историзмами, некоторые востребованы и в нынешнем образовательном дискурсе. В целом они представляют собой лексико-семантическую группу названий лиц по профессии.

Адъюнкт – (устар.) лицо, занимающее младшую учёную должность в академиях и высших учебных заведениях. В прежнее время помощник академика или профессора¹. В разное время адъюнктами были русские филологи Василий Иванович Оболенский, Алексей Александрович Шахматов и Михаил Васильевич Ломоносов (Михаил Васильевич был адъюнктом физического класса).

Доцент – согласно уставным документам, должность преподавателя высшего учебного заведения, наделённого учёной степенью, но не являющегося профессором. Обязательное условие для получения должности – магистерская учёная степень.

Приват-доцент – доцент, читающий лекции, не состоящий на действительной службе и не получающий определённого содержания². Есть отдельная словарная статья о приват-доцентах военно-медицинской академии. В ней подчёркнуто, что определённого содержания приват-доценты не полу-

¹ Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук / под ред. Я. К. Грота. Т. 1. Вып. 1. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1891. С. 17.

² Настольный энциклопедический словарь. Т. 3. М.: Типография Общества распространения полезных книг, 1895. С. 1583.

чают, но им может быть выдаваемо соразмерное трудам вознаграждение из особо назначаемой для этой цели суммы³.

Профессор – один из старших преподавателей какой-либо науки в академиях, университетах и других высших заведениях⁴. Профессора были ординарными (действительными⁵) и экстраординарными (занимали кафедру ординарного профессора, но состояли на меньшем окладе⁶). С помощью этой классификации выстраивалась иерархия внутри профессуры: ординарные профессора обладали большим должностным весом, нежели экстраординарные, к тому же они могли получить звание заслуженного профессора.

На некоторые кафедры в помощь профессорам приглашались и гувернёры, особенно если адъюнкта по штату не полагалось. Так, например, поступали в Царскосельском лицее [9, с. 117].

Профессора обязаны были иметь учёную степень доктора или магистра, от простых преподавателей требовалось, в сущности, только высшее обра-

зование, специализация и собственно умение преподавать.

Различие между профессорами и преподавателями подчёркнуто во временном положении о Военно-юридической академии: профессора утверждались в должности Высочайшим приказом, адъюнкт-профессора и штатные преподаватели – Главным Военным Прокурором⁷. Итак, профессорам необходимо было иметь учёную степень доктора или магистра, при этом в отдельных учебных заведениях профессора назначались особым образом, отличным от того, каким назначались простые преподаватели.

Ещё один важный штрих, который подчёркивает особое положение профессуры в дореволюционном университете, находим в стенографических отчётах Государственной думы, где сообщается, что непосредственное управление институтом вверялось директору, избираемому педагогическим советом из ординарных профессоров института [2, с. 2]. Следовательно, профессора были не только преподавательской элитой, они имели непосредственное отношение к управлению учебным заведением. Подтверждения этому тезису находим в статье «Преподавательская корпорация столичного университета 1884–1916 гг.: основные черты и проблемы коллективной биографии». В статье раскрыта суть разделения преподавателей на младших и старших, подчёркнуто огромное влияние профессуры на принятие самых значимых для жиз-

³ Энциклопедический словарь / под ред. К. К. Арсеньева и Ф. Ф. Петрушевского. Т. 25. СПб.: Типо-литография И. А. Ефрона, 1898. С. 131.

⁴ Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. Т. 3. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1867. С. 1200.

⁵ Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. Т. 3. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1867. С. 160.

⁶ Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. Т. 4. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1868. С. 995.

⁷ Второе продолжение Свода военных постановлений издания 1869 года. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1879. С. 138.

ни университета решений, рассказано о чрезвычайной закрытости профессорского сообщества, попасть в которое не удавалось большинству приват-доцентов (последние, подчеркнём, даже не допускались до действительной службы). Профессора обладали значительно большим объёмом прав, находились на особом положении в университете и были гораздо лучше защищены материально, нежели младшие преподаватели [8, с. 49].

Разумеется, нужно учитывать и чрезвычайное интеллектуальное влияние, которое выделяло профессуру особым образом и заставляло видеть в ней сообщество исключительных людей. Высокий интеллектуальный уровень, широчайшая образованность и прорывы в фундаментальных науках – всё это было свойственно лучшим профессорам того времени, заслужившим самые высокие эпитеты. Примером могут служить многие русские профессора, в том числе Фёдор Иванович Буслав, чьё имя вписано в летопись не только филологической традиции его времени, но и шире – культуры России XIX в. [5, с. 294].

Вероятно, неравное соотношение сил в дореволюционных университетах, где профессора были наделены исключительными правами и обладали недюжинным влиянием, и было закреплено сначала в сочетании слов *профессора и преподаватели*, а затем в термине официально-деловой речи *профессорско-преподавательский состав*. Учитывая вышеизложенное, вполне понятно, почему в обоих случаях в этих сочетаниях на первом месте находятся *профессора* и почему в итоге образовалось выражение *профессорско-преподавательский*, а не *препо-*

давательско-профессорский состав. Таким образом здесь подчёркнуто колоссальное значение и влияние профессуры в формировании интеллектуальной культуры России.

Какие изменения претерпевает номинативная единица *профессорско-преподавательский состав* в нынешнее время? Это сочетание, по природе своей принадлежащее к официально-деловому стилю, конкурирует с сочетанием *профессора и преподаватели* и в прочих стилях речи. Так, воспользовавшись поиском службы «Гугл Книги» по изданиям, вышедшим в свет в XXI в., мы обнаружили, что сочетание *профессора и преподаватели* используется, в основном, в различных исторических очерках и включается в контекст минувшего. Выражение *профессорско-преподавательский состав*, напротив, встречается в текстах, описывающих современность (в первую очередь в различных нормативных актах и бюллетенях).

Сочетание *профессорско-преподавательский состав* прижилось и в газетно-публицистическом стиле. Выражение употребляется газетчиками в одном высказывании с такими терминологическими и иными клише, как *количество насчитывает, средняя зарплата, интеллектуальный продукт, суммарная ёмкость, в настоящий момент* и т. п. Например: «... университетские отчёты о том, что средняя зарплата профессорско-преподавательского состава – 50 тыс. руб., в приличном обществе комментировать без мата не принято»⁸.

⁸ Спасибо за саммит, дальше мы сами // Gazeta.ru, 2014. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2014/04/09_a_5986481.shtml# (дата обращения: 07.05.2019).

Как видим, попав в публицистику, это выражение продолжает жить в своей первоначальной форме, свидетельствуя о сращении официально-делового и публицистического стиля. В рамках же языка документов сочетание *профессорско-преподавательский состав* трансформировалось в аббревиатуру *ППС*, сгустив свою стилистическую окраску и став полновесным канцеляризмом. Следует отметить, что эта аббревиатура встречается и в научных публикациях.

Трансформация номинативной единицы *профессорско-преподавательский состав* в аббревиатуру *ППС* подтверждает тот факт, что деловая речь современности стала более канцелярской и клишированной.

Отметим, что использование данной номинативной единицы в СМИ не обусловлено функциями официально-делового клише. Для публицистического стиля свойственны клише экспрессивно-воздействующего характера, в то время как именное клише *профессорско-преподавательский состав* – типичная структура языка документов, и её главные свойства в этом качестве тоже вполне типичны: стандартизиро-

ванность, безэмоциональность и однозначность толкования.

Можно заключить, что сочетание *профессорско-преподавательский состав* – это официально-деловое клише, закрепившееся в языке документов ещё в раннесоветские времена и сохранившее первоначальную семантику. Сегодня оно разделяет судьбу многих выражений официально-делового стиля, устремившихся в разговорную речь и публицистику. И если в официально-деловом стиле сочетание *профессорско-преподавательский состав* можно считать вполне уместным, то в разговорном и публицистическом стилях было бы правильнее вернуться к более естественному и благозвучному обороту, свойственному языку XIX века: *профессора и преподаватели*. На данный момент, к сожалению, доминантной становится номинативная единица, рождённая в официально-деловом стиле и несущая на себе отпечаток казённого языка и казённого мышления.

Статья поступила
в редакцию 27.05.2019 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Инихов Г. С. Записка о Вологодском молочнохозяйственном институте. Вологда: типография «Северосоюза», 1919 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/inih/hov/2.htm> (дата обращения: 05.05.2019).
2. Ключев И. С. Доклад по законопроекту об утверждении положения и штата женского педагогического института Самарского губернского земства памяти 19 февраля 1861 года. № 742 // Приложения к стенографическим отчётам Государственной думы №№ 701–766. Четвёртый созыв. Сессия вторая. 1914. Выпуск VIII. С. 1–9.
3. Макаров А., Петрожицкий Б. Научно-агрономические кружки КСХИ: К восьмилетию Кубанского сельскохозяйственного института (1919–1927 г.) // Disus.ru: Бесплатная научная электронная библиотека. URL: <http://disus.ru/knigi/384-3-k-vosmiletuyu-kubanskogo-selskohozyaystvennogo-instituta-1919-1927-g-izdanie-yacheyki-k-b-yacheyki-l-sm-profkoma-mestk.php> (дата обращения: 06.05.2019).

4. Налетов А. Ф. Очерк развития лесного учебного дела и учебных планов в Ленинградском лесном институте за 125 лет (1803–1928) // Известия Ленинградского лесного института. 1929. Выпуск 37. С. 7–46.
5. Никитин О. В. Основатель исторической науки о русском языке. К 200-летию со дня рождения академика Ф. И. Буслаева // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 3. С. 285–296.
6. Овсянников К. М. Классовая борьба в высшей школе и задачи комсомола. М.: Молодая гвардия, 1931. 176 с.
7. Рамзаев Д. А. К 25-летию юбилею Саратовского государственного университета // Учёные записки Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. 1934. Т. 12. Вып. 1. С. 3–30.
8. Ростовцев Е. А., Баринин Д. А. Преподавательская корпорация столичного университета 1884–1916 гг.: основные черты и проблемы коллективной биографии // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов 1884–1917 гг.: исследования и документы / науч. ред. М. В. Грибовский, С. Ф. Фоминых. Томск: Издательство Томского университета, 2012. С. 35–51.
9. Селезнёв И. Я. Исторический очерк Императорского бывшего Царскосельского ныне Александровского лицея за первое его пятидесятилетие с 1811 по 1861 год. СПб.: Типография В. Безобразова и Комп., 1861. 524 с.

REFERENCES

1. Inikhov G. S. *Zapiska o Vologodskom molochnokhozyaistvennom institute. Vologda: tipografiya «Severosoyuza», 1919* [A note on the Vologda Dairy Farming Institute]. Vologda, typographia “Severosouza” Publ., 1919. Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/inih/hov/2.htm> (accessed: 05.05.2019).
2. Klyuzhev I. S. [Report on the bill on the approval of the position and staff of the female pedagogical institute of the Samara provincial district council in memory of February 19, 1861. No. 742]. In: *Prilozheniya k stenograficheskim otchetam Gosudarstvennoi dumy no. 701–766. Chetvertyi sozyv. Sessiya vtoraya* [Appendices to the verbatim reports of the State Duma No. 701–766. The fourth convocation. Session Two], 1914, iss. VIII, pp. 1–9.
3. Makarov A., Petrozhitskii B. [Scientific and agronomic circles of KAI: On the occasion of the 8th anniversary of the Kuban Agricultural Institute (1919–1927)]. In: *Disus.ru: Besplatnaya nauchnaya elektronnyaya biblioteka* [Disus.ru free scientific electronic library]. Available at: <http://disus.ru/knigi/384-3-k-vosmiletuyu-kubanskogo-selskohozyaystvennogo-instituta-1919-1927-g-izdanie-yacheyki-k-b-yacheyki-l-sm-profkoma-mestk.php> (accessed: 06.05.2019).
4. Naletov A. F. [Essay on the development of forestry education and curricula at the Leningrad Forest Institute for 125 years (1803–1928)]. In: *Izvestiya Leningradskogo lesnogo instituta* [Proceedings of the Leningrad Forest Institute], 1929, iss. 37, pp. 7–46.
5. Nikitin O. V. [The founder of the historical science of the Russian language. The 200th anniversary of academician F. Buslayev]. In: *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2019, vol. 89, no. 3, pp. 285–296.
6. Ovsyannikov K. M. *Klassovaya bor'ba v vysshei shkole i zadachi komsomola* [Class conflict in higher education and the tasks of the Komsomol]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1931. 176 p.
7. Ramzaev D. A. [On the 25th anniversary of the Saratov State University]. In: *Uchenye zapiski Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. G. Chernyshevskogo* [Scientific notes of the Chernyshevsky Saratov State University], 1934, vol. 12, no. 1, pp. 3–30.

8. Rostovtsev E. A., Barinov D. A. [Teaching Corporation of capital University 1884–1916: the main features and problems of a collective biography]. In: Gribovskii M. V., Fominykh S. F., science ed. *Professorsko-prepodavatel'skii korpus rossiiskikh universitetov 1884–1917 gg.: issledovaniya i dokumenty* [The teaching staff of Russian universities in 1884–1917: studies and documents]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2012. pp. 35–51.
9. Seleznev I. Ya. *Istoricheskii ocherk Imperatorskogo byvshego Tsarskosel'skogo nyne Aleksandrovskego litseya za pervoe ego pyatidesyatiletie s 1811 po 1861 god* [Historical sketch of the Imperial former Tsarskoye Selo now Alexander Lyceum for its first fiftieth anniversary from 1811 to 1861]. St. Petersburg, Typography of V. Bezobrazov and Comp, 1861. 524 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Учайкина Елена Викторовна – главный редактор интернет-издания «Правильная речь» (pravilnayarech.ru);

e-mail: elenauchaykina@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Uchaikina – Chief Editor of the online-edition “Pravilnaya Rech” (“Correct Speech”);

e-mail: elenauchaykina@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Учайкина Е. В. История возникновения и функционирования выражения профессорско-преподавательский состав // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 4. С. 59–66.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-59-66

FOR CITATION

Uchaikina E. V. History of origin and usage of the expression *academic staff*. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 4. pp. 59–66.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-59-66

УДК 81' 373.43: 821. 161. 1 Солженицын

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-67-81

МЕТАФОРЫ ИЗ ИСТОЧНИКОВОЙ СФЕРЫ «НЕЖИВАЯ ПРИРОДА» В ИДИОСТИЛЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ)

Цынк С. В.

*Димитровградский инженерно-технологический институт
(филиал Национального исследовательского ядерного университета МИФИ)
433511, Ульяновская обл., г. Димитровград, ул. Куйбышева, д. 294,
Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена изучению лингвокогнитивным методом метафор из сферы-источника «Неживая природа», функционирующих в публицистических произведениях А. И. Солженицына. Были описаны фреймы и слоты, организующие метафорическую модель «Жизнь общества – это мир неживой природы», выявлены закономерности метафорического представления мира А. И. Солженицыным, своеобразие когнитивно-прагматической природы авторских метафорических единиц. Анализ доминантной для идиостиля автора метафорической модели показал, что образный компонент высказывания в большинстве случаев опирается у публициста на идею движения, что связано с особенностью авторского восприятия мира. А. И. Солженицын при помощи метафор осмысливает ситуации и эмоционально оценивает их, создаёт целостные картины общественной жизни, убеждает читателя (слушателя) в своей правоте.

Ключевые слова: публицистика, А. И. Солженицын, идиостиль, метафора, источниковая сфера «Неживая природа», лингвокогнитивное моделирование, метафорическая модель, фрейм, слот

METAPHORS FROM THE “INANIMATE NATURE” RESOURCE SPHERE IN A. SOLZHENITSYN'S IDIOSTYLE (ON THE EXAMPLE OF PUBLIC WORKS)

S. Tsynk

*Dimitrovgrad Engineering and Technological Institute of the National Research Nuclear
University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute)
294 Kuibysheva ul., Dimitrovgrad 433511, Ulyanovsk region, Russian Federation*

Abstract. This article is devoted to the linguo-cognitive method study of the metaphors from the “inanimate Nature” resource sphere that function in A. Solzhenitsyn's public works. Frames and slots were described that organize the following metaphoric model: “The life of society is an inanimate nature world”; principles of the metaphoric representation of the world by A. Solzhenitsyn and distinctness of the cognitive and pragmatic nature of the author's metaphoric units were revealed. The analysis of the metaphoric model dominant in the author's

idiostyle showed that the figurative component of a statement is often based on the idea of movement, which is related to the author's perception of the world. A. Solzhenitsyn interprets situations with the help of metaphors and evaluates them emotionally, creates holistic pictures of social life, and convinces the reader (listener) that he is right.

Keywords: social and political writing, A. I. Solzhenitsyn, idiostyle, metaphor, metaphoric model, frame, slot

Неживая природа издавна служит моделью, в соответствии с которой люди представляют социальную действительность. Образно-ассоциативный компонент слов со значением «природа» обладает чертами древней мифологической картины мира. С точки зрения когнитивной лингвистики, метафора – это не только речевое или языковое явление, но и часть понятийной системы людей. У Солженицына-публициста метафора – одно из любимых средств создания образов и одновременно способ концептуализации действительности. В публицистических произведениях А. И. Солженицына методом сплошной выборки было выявлено 698 авторских метафорических единиц. При изучении сфер-источников метафорической экспансии в текстах обнаружено, что описание социальной и духовной жизни общества чаще всего метафорически концептуализируется как неживая природа (100 метафорических словоупотреблений (14%).

Материалом исследования послужили публицистические произведения А. И. Солженицына, созданные в 1967–2003 гг. (статьи, речи, открытые письма, беседы, обращения, интервью), вошедшие в собрание сочинений писателя в 9 томах¹. Объектом изуче-

ния являются метафоры из сферы-источника «Неживая природа», функционирующие в публицистике автора. Предмет исследования – доминантная для идиостиля А. И. Солженицына метафорическая модель «Жизнь общества – это мир неживой природы», рассматриваемая с точки зрения представленности сферы-источника, а также сфер-мишеней метафорической экспансии. Цель работы – изучение роли метафорического моделирования в формировании идиостиля публициста. Задачи – это описание фреймов и слотов, организующих исследуемую метафорическую модель в текстах; установление прагматического потенциала метафор; выявление закономерностей метафорического представления картины мира публицистом, своеобразие когнитивно-прагматической природы авторских метафорических единиц. Актуальность работы определяется тем, что комплексное описание метафор позволяет выявить особенности ментальности языковой личности творца, его ценностные ориентации.

В работе использованы следующие методы: метод сплошной выборки (при сборе материала), метод анализа лексики по словарным дефинициям,

цын А. И. Публицистика. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 8. М.: Терра – Книжный клуб, 2005. 576 с. Далее в ссылках будут указаны названия произведений, номер тома и диапазон страниц.

¹ См.: Солженицын А. И. Публицистика. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: Терра – Книжный клуб, 2001. 512 с.; Солжени-

метод контекстуального анализа, приёмы количественного анализа, метод метафорического моделирования, метод фреймового моделирования, описательный метод (при систематизации, обобщении и интерпретации результатов наблюдения). Методологической основой исследования являются положения теории концептуальной метафоры – работы А. Н. Баранова [2], Е. Г. Беляевской [3], Д. С. Денисовой [5], О. А. Егоровой и В. В. Калашниковой [6], И. М. Кобозевой [9], Дж. Лакоффа и М. Джонсона [10], Е. Н. Руденко [13], А. П. Чудинова [17] и других. Впервые метод лингвокогнитивного моделирования применён к анализу метафор из источниковой сферы «Неживая природа», использованных А. И. Солженицыным в публицистических текстах.

По утверждению Н. В. Головенкиной [4], В. И. Трегубовой [14], Ж. Е. Фомичевой и В. Н. Андреева [15], метафорическая система – важный аспект идиостиля автора.

Вслед за С. Т. Золян под термином «идиостиль» понимаем «систему содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям определённого автора, которая делает уникальным воплощённый в этих произведениях авторский способ языкового выражения» [7, с. 8]. Термин «идиостиль» чаще применяется по отношению к литературным произведениям; его аналоги – индивидуальный стиль, дискурс (в одном из значений), но может использоваться, на наш взгляд, и при анализе текстов публицистического стиля.

С точки зрения когнитивной лингвистики, метафора – это способ создания языковой картины мира, воз-

никающей в результате когнитивного манипулирования уже имеющимися в языке значениями с целью создания новых концептов («квантов знания»); это средство постижения фрагмента реального мира с помощью фреймов и слотов [15]. При этом фрейм понимается как когнитивная структура, которая организует процесс познания. Слот – это «терминальный узел фреймовой структуры концепта» [9, с. 146]. Каждый слот включает объём информации, релевантный для какого-либо объекта действительности. Метафорическую модель исследователи (О. В. Антипина [1], Е. Г. Кабаченко [8], К. С. Шиляев [18] и другие) определяют как знак, который вербализует словесный образ и фиксирует в речи (устной или письменной) факт взаимозависимости языковых, мыслительных, культурно обусловленных структур. Метафорическая модель репрезентируется при помощи лексических метафор. Метафорическая модель – лингвокогнитивное объединение двух понятийных областей: 1) сфера-источник; 2) сфера-мишень [18]. Метод метафорического моделирования представляет собой выявление когнитивных сфер, участвующих в процессе метафоризации, с помощью анализа языковых средств. При метафорическом моделировании применяется метод фреймового моделирования: метафоры интерпретируются как заполнители слотов фреймовой структуры, которая проецируется на сферу-мишень метафорической модели. Результатом такого анализа является отражение определённых когнитивных структур текста.

Фреймово-слотовая структура метафорической модели «Жизнь обще-

ства – это мир неживой природы», реализующейся в публицистическом творчестве А. И. Солженицына, достаточно широка, обнаруженные и проанализированные метафоры относятся к фреймам «Вода» (61), «Воздух» (34), «Космос» (5) (опираемся в данной работе на классификацию фреймов и слотов области «Неживая природа», предложенную Н. М. Чудаковой [16]). В нашем материале выделяем фрейм «Вода» – подфрейм «Водные пространства» (слоты «Водный поток», «Море», «Болото»), подфрейм «Характер движения воды» (слоты «Волны», «Водоворот»), подфрейм «Особенности движения по воде» (слот «Дно»); фрейм «Воздух» – подфрейм «Газовая оболочка земли» (слот «Атмосфера»), подфрейм «Метеоусловия» (слоты «Ветер», «Облачность», «Явления в атмосфере»); фрейм «Космос» – подфрейм «Ближний космос» (слот «Небесные тела»), подфрейм «Дальний космос» (слот «Звезда»).

Фрейм «Вода»

Вода является для людей источником многообразных метафор и символов, входит в культуру в качестве архетипической субстанции. Образы водной стихии являются наиболее частотными в публицистических текстах А. И. Солженицына.

Подфрейм «Водные пространства»

Слот «Водный поток»

Обозначения, связанные с водными пространствами, группируются вокруг наиболее значимого и частотного образа рассматриваемого слота – гиперонима «поток». Поток – основной показатель движения воды для человека. Поток у публициста – это прежде всего движущаяся в каком-либо на-

правлении масса чего-либо. Автор часто обращается к представлению исторического процесса и его реалий как потока: *потоку ... Освободительской идеологии ... легко поддаться², воспитание возвышает людей над материальным потоком мира³, поток века⁴, в потоке ... брани⁵, поток веры⁶, поток ... примеров, поток правил, поток системы⁷, поток Прогресса⁸, поток благ⁹, поток современности¹⁰, телевидение разносит потоки¹¹, послевоенные потоки ГУЛАГа¹².*

Метафоры у А. И. Солженицына часто формируются на основе глагольной (предикатной) лексики. Однокоренные глаголы *течь, потечь, притечь, растекаться, истечь, утечь, проистечь, подтекать* активно используются пуб-

² Солженицын А. И. Наши плюралисты (Т. 7, с. 289).

³ Солженицын А. И. Речь в Гарварде на ассамблее выпускников университета (Т. 7, с. 254).

⁴ Солженицын А. И. Выступление по английскому радио (Т. 7, с. 193).

⁵ Солженицын А. И. Заявление прессе (Т. 7, с. 144).

⁶ Солженицын А. И. Доклад на IV Рождественских образовательных чтениях при Московской патриархии (Т. 8, с. 336).

⁷ Солженицын А. И. Встреча в Ростовском университете (Т. 8, с. 247).

⁸ Солженицын А. И. Мы перестали видеть цель. Речь в Международной академии философии (Т. 8, с. 101).

⁹ Солженицын А. И. Мы перестали видеть цель. Речь в Международной академии философии (Т. 8, с. 100).

¹⁰ Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию? (Т. 8, с. 39).

¹¹ Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию? (Т. 8, с. 30).

¹² Солженицын А. И. Наши плюралисты (Т. 7, с. 307).

лицистом для создания метафорических образов:

Французская революция текла¹³, со-
бытия текли¹⁴, единомыслие течет¹⁵,
течения плюрализма ... текут¹⁶,
а кто и тёк в деревню¹⁷, скольже-
ния ... текли¹⁸, потекли ... плюрали-
сты¹⁹, власть потекла²⁰, от одного к
другому так и потекло²¹, Прогресс по-
течет²², демократия потекла²³, по-
течёт ... внутреннее государственное
строительство²⁴, будут притекать
люди²⁵, «плюрализм» растекается²⁶,
состояние истекло²⁷, коммунизм и

гуманизм ... истекли²⁸, измельчание
культуры истекло²⁹, «золотые сын-
ки» номенклатуры ... утекли³⁰, уте-
чёт и оно [изобретение]³¹, нечто
полезное ... проистекло³², и туда под-
текла навозная жижа ... «поп-масс-
культуры»³³.

В данных примерах абстрактные
понятия, например: власть, прогресс,
демократия, состояние, измельча-
ние культуры и другие, и конкретные
(люди, плюралисты, «золотые сынки»
и другие) уподобляются материаль-
ной субстанции. Эта субстанция ин-
терпретируется как внутренне недис-
кретная сущность, которую наиболее
органично эксплицирует образ пере-
мещающейся жидкости – воды. Поток
воды у автора публицистических про-
изведений можно сопоставить с пото-
ком бытия. Таким образом, данные ме-
тафоры придают тексту философскую
направленность.

Водопад – это «поток воды,
стремительно падающий с от-
весного отступа»³⁴. В созданной
А. И. Солженицыным метафоре под-
чёркивается сила, энергия падающей

¹³ Солженицын А. И. Слово о Вандейском вос-
стании (Т. 8, с. 109).

¹⁴ Солженицын А. И. Из интервью для «Радио
России» (Т. 8, с. 420).

¹⁵ Солженицын А. И. Наши плюралисты (Т. 7,
с. 303).

¹⁶ Солженицын А. И. Наши плюралисты (Т. 7,
с. 298).

¹⁷ Солженицын А. И. Наши плюралисты (Т. 7,
с. 297).

¹⁸ Солженицын А. И. Размышления над
февральской революцией (Т. 7, с. 410).

¹⁹ Солженицын А. И. Наши плюралисты (Т. 7,
с. 299).

²⁰ Солженицын А. И. Размышления над фев-
ральской революцией (Т. 7, с. 426).

²¹ Солженицын А. И. Наши плюралисты (Т. 7,
с. 312).

²² Солженицын А. И. Мы перестали видеть
цель. Речь в Международной Академии
Философии (Т. 8, с. 98–99).

²³ Солженицын А. И. «Русский вопрос» к кон-
цу XX века (Т. 8, с. 199).

²⁴ Солженицын А. И. «Русский вопрос» к кон-
цу XX века (Т. 8, с. 200).

²⁵ Солженицын А. И. Встреча с читателями
в Российской государственной библиотеке
(«Румянцевской») (Т. 8, с. 488).

²⁶ Солженицын А. И. Наши плюралисты (Т. 7,
с. 286).

²⁷ Солженицын А. И. Темплтоновская лекция
(Т. 7, с. 331).

²⁸ Солженицын А. И. «Прямая линия» в
«Комсомольской правде» (Т. 8, с. 357).

²⁹ Солженицын А. И. Исчерпание культуры?
Выступление на «круглом столе» Российской
Академии Наук (Т. 8, с. 426).

³⁰ Солженицын А. И. «Русский вопрос» к кон-
цу XX века (Т. 8, с. 198).

³¹ Солженицын А. И. Лицемерие на исходе XX
века (Т. 8, с. 419).

³² Солженицын А. И. Как нам обустроить
Россию? (Т. 8, с. 49).

³³ Солженицын А. И. Как нам обустроить
Россию? (Т. 8, с. 30).

³⁴ Водопад // Большой толковый словарь рус-
ского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.:
Норинт, 2008. с. 140.

воды: *Ложь в Советском Союзе обрушивалась водопадами*³⁵.

Способность воды свободно двигаться стала основной в следующих описаниях: *[народ] разлит по всей поверхности страны*³⁶, *[марксизм] разлит по Советскому Союзу*³⁷, *разлилось ... недоумение*³⁸, *[разврат и разнузданность] разлились*³⁹, *атеизм ... разлит*⁴⁰.

Особенность содержания метафорических наименований заключается в их смысловой двуплановости, «игре» переносного и буквального значений слова. Описывая понятия и явления общественной жизни, автор представляет их как характерные для водной стихии: *правлящий класс сольётся*⁴¹, *они [Средняя Азия и Азербайджан] вольются*⁴², *беда ... не заливает весь мир*⁴³, *положения статьи ... могут*

*перелиться*⁴⁴, *эти точки зрения можно «слить»*⁴⁵, *[капитал] будет литься*⁴⁶.

«Льются с силой» у А. И. Солженицына *деятели и события: февральские деятели хлынули в эмиграцию*⁴⁷, *события хлынули*⁴⁸.

Слот «Море»

Слот представлен одним метафорическим употреблением *море*, которое используется для описания масштабно-сти события, ведь море ассоциируется с безбрежным пространством: *... хлынувшим на меня морем фактов*⁴⁹.

Слот «Болото»

Обладая неограниченными возможностями в сближении разных предметов и явлений, по существу по-новому осмысливая понятие, метафора способна вскрыть, обнажить его внутреннюю природу. Так, исторические процессы отражает ассоциация с болотом. Словоупотребления, созданные на базе концепта «болото» («трясина»), актуализируют смыслы безнадежности и бесповоротности событий: *интеллигенция-образованщина ... закончила своё развитие в тёплом болоте*⁵⁰, *... выбираться из*

³⁵ Солженицын А. И. Интервью с Бернаром Пиво для французского телевидения (Т. 7, с. 360).

³⁶ Солженицын А. И. Интервью со Станиславом Говорухиным для телекомпании «Останкино» (Т. 8, с. 69).

³⁷ Солженицын А. И. Интервью с Дэвидом Эйкманом для журнала «Тайм» (Т. 7, с. 487).

³⁸ Солженицын А. И. «Русский вопрос» к концу XX века (Т. 8, с. 164).

³⁹ Солженицын А. И. В Угличе. Выступление на встрече с местной общественностью в педагогическом училище (Т. 8, с. 381).

⁴⁰ Солженицын А. И. Образованщина (Т. 7, с. 102).

⁴¹ Солженицын А. И. Интервью со Станиславом Говорухиным для телекомпании «Останкино» (Т. 8, с. 70).

⁴² Солженицын А. И. Речь в Государственной Думе (Т. 8, с. 263).

⁴³ Солженицын А. И. В Твери. Из выступления в областной библиотеке имени Горького (Т. 8, с. 397).

⁴⁴ Солженицын А. И. На возврате дыхания и сознания (Т. 7, с. 43–44).

⁴⁵ Солженицын А. И. Письмо вождям Советского Союза (Т. 7, с. 85).

⁴⁶ Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию? (Т. 8, с. 26).

⁴⁷ Солженицын А. И. Размышления над февральской революцией (Т. 7, с. 429).

⁴⁸ Солженицын А. И. Из интервью для «Радио России» (Т. 8, с. 421).

⁴⁹ Солженицын А. И. Наука в пиратском государстве. Слово при получении Большой Ломоносовской медали Российской Академии Наук (Т. 8, с. 451).

⁵⁰ Солженицын А. И. Образованщина (Т. 7, с. 134).

нашей семидесятипятилетней *трясины*⁵¹. Так осуществляется концептуальный перенос абстрактного понятия на более конкретное (болото). Болото воспринимается отрицательно, так как для общества в целом и его группы (интеллигенция-образованщина) оно представляет опасность, может помешать в достижении поставленной цели, может затянуть. Данные метафоры образно номинируют застой, косность, упадок и деградацию социальной жизни.

Подфрейм «Характер движения воды»

Слот «Волны»

Данный слот представлен метафорами *волна*, *струя*, *течение*, *разлив*, *отлив*, *перелив*. Волна – это движение водных масс по направлению к берегу. Слово *волна*, используемое в текстах А. И. Солженицына в метафорическом значении, – универсальный символ перемен, трансформаций, распространяющихся в социально-политическом пространстве, его обновляющих и преобразующих. Исходный момент метафоры – наглядный образ единичной волны. В данном случае в основе когнитивной схемы лежит равномерная и регулярная смена подъёмов и падений в процессе движения: *не перелиться [слою] беспрепятственной волною*⁵², *катится ... волна нивелировки культур*⁵³. Струя – «узкий поток текущей воды, жидкости»⁵⁴. Метафоры

струи точно описывают явления политической жизни в текстах автора: *в струе политики*⁵⁵, *сохранить основную струю*⁵⁶, *струя издаваемого сегодня*⁵⁷. Течение, то есть текучая вода, никогда не прекращающееся движение. Эти ассоциации, связанные с религиозными и фольклорными традициями, обозначают процесс развития: *в полноводном течении веков*⁵⁸, *течение [кризиса]*⁵⁹. Метафоры из сферы-источника «Вода» имеют значительный прагматический потенциал при актуализации в публицистическом дискурсе А. И. Солженицына таких свойств воды, как распространение во все стороны, по всему пространству; убывание; перемещение из одного места в другое: *... будет мешать разливу демократии*⁶⁰, *отлив средств*⁶¹, *переливы плюрализма*⁶², *переливы плюралистической мысли*⁶³.

Слот «Водоворот»

По характеру движения водной стихии метафорически представлен

⁵¹ Солженицын А. И. Во Владивостоке (Т. 8, с. 220).

⁵² Солженицын А. И. Образованщина (Т. 7, с. 136).

⁵³ Солженицын А. И. «Русский вопрос» к концу XX века (Т. 8, с. 206).

⁵⁴ Струя // Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2008. С. 1283.

⁵⁵ Солженицын А. И. Размышления над Февральской революцией (Т. 7, с. 419).

⁵⁶ Солженицын А. И. Радиоинтервью для Биби-си к 20-летию выхода «Одного дня Ивана Денисовича» (Т. 7, с. 328).

⁵⁷ Солженицын А. И. Интервью Приволжской лиге журналистов (Т. 8, с. 546).

⁵⁸ Солженицын А. И. Выступление по английскому радио (Т. 7, с. 188).

⁵⁹ Солженицын А. И. Доклад на IV Рождественских образовательных чтениях при Московской патриархии (Т. 8, с. 334).

⁶⁰ Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию? (Т. 8, с. 61).

⁶¹ Солженицын А. И. «Русский вопрос» к концу XX века (Т. 8, с. 176).

⁶² Солженицын А. И. Наши плюралисты (Т. 7, с. 298).

⁶³ Солженицын А. И. Наши плюралисты (Т. 7, с. 286).

ные ситуации можно разделить на те, которые контролируются человеком, и те, которые людям неподвластны. Человек, попавший в водоворот, для того чтобы с ним справиться, должен приложить массу усилий. Метафора водоворота – это метафора, вызывающая высокую степень тревожности в сознании. Денотат данной метафоры – это довольно рискованные действия, которые невозможно прекратить. Водоворот закручивает того, кто оказался вблизи. В речи в Международной академии философии А. И. Солженицын «перекосом» прогресса называет комфорт, удовольствия, полагает, что «в водовороте удовольствий нет успокоения»⁶⁴.

Подфрейм «Особенности движения по воде»

Слот «Дно»

Как отмечает Н. М. Чудакова [16], метафора дна широко распространена в современной публицистике, в ней актуализируется идея падения, спада. Метафоры с данной семантикой использует и А. И. Солженицын: *с лагерного и провинциального дна*⁶⁵, *к дну рабства*⁶⁶, *на каком дне прозябаем*⁶⁷, *обронили на ... дно золотой ключ Самоограничения*⁶⁸.

⁶⁴ Солженицын А. И. Мы перестали видеть цель. Речь в Международной академии философии (Т. 8, с. 100).

⁶⁵ Солженицын А. И. Наши плюралисты (Т. 7, с. 310).

⁶⁶ Солженицын А. И. Выступление по английскому радио (Т. 7, с. 187).

⁶⁷ Солженицын А. И. Образованщина (Т. 7, с. 119).

⁶⁸ Солженицын А. И. Мы перестали видеть цель. Речь в Международной академии философии (Т. 8, с. 105).

Фрейм «Воздух»

Подфрейм «Газовая оболочка Земли»

Слот «Атмосфера»

Согласно философии древних, воздух – одна из стихий, лежащих в основе мира. Слот представлен метафорами *воздух, атмосфера*.

Для любой, в том числе и общественной деятельности людям необходим воздух, и успех связан с тем, насколько этот воздух чистый, здоровый: *очищать воздух страны*⁶⁹, *здоровый воздух*⁷⁰. Стихия воздуха описывается публицистом как окружающая обстановка в примерах: *воздух современного ей [литературе] общества*⁷¹, *воссоздать те события, тот воздух*⁷², *совсем простой жизни, совсем простого воздуха*⁷³, *воздух такой, как будто бы я жил в то время*⁷⁴. Ассоциативное восприятие свободы действий как воздуха характерно для следующего высказывания: *государственное устройство – второстепеннее самого воздуха человеческих отношений*⁷⁵. Метафорой в тексте «Нобелевской лекции» передано отношение к работе и свободе как

⁶⁹ Солженицын А. И. Образованщина (Т. 7, с. 141).

⁷⁰ Солженицын А. И. В Твери. Из выступления в Областной библиотеке имени Горького (Т. 8, с. 392).

⁷¹ Солженицын А. И. Письмо IV Всесоюзному съезду Союза советских писателей (Т. 7, с. 9).

⁷² Солженицын А. И. Радиоинтервью для Биби-си о «Марте Семнадцатого» (Т. 7, с. 464).

⁷³ Солженицын А. И. Интервью с Даниэлем Рондо для парижской газеты «Либерасьон» (Т. 7, с. 381).

⁷⁴ Солженицын А. И. Радиоинтервью для Биби-си о «Марте Семнадцатого» (Т. 7, с. 466).

⁷⁵ Солженицын А. И. «Русский вопрос» к концу XX века (Т. 8, с. 133).

к чему-либо неопределённому, зыбкому: *моя работа и свобода ... держались ... как будто в воздухе*⁷⁶.

Атмосфера – это слой воздушной оболочки Земли, благоприятный для жизни живых существ. У А. И. Солженицына атмосфера обладает различными качествами: *чистая атмосфера общества ... не может быть создана законами*⁷⁷, *мы живём в атмосфере смрадной*⁷⁸, *помню неповторимую – уже жестокую – атмосферу середины 20-х годов*⁷⁹.

В метафорической репрезентации воздуха и атмосферы есть общие черты: воздух и атмосферу нельзя принимать как данность, их можно создать, оказать влияние на их качество.

Подфрейм «Метеоусловия»

Слот «Ветер»

Известно, что наиболее активно метафоры используются при характеристике таких денотатов, существенные черты которых не являются очевидными, представленными в своей конкретности. Об этом пишет и Х. Ортега-и-Гассет: «Не все объекты легко доступны для нашего мышления, не обо всём мы можем составить отдельное, ясное и чёткое представление ... метафора служит тем орудием мысли, при помощи которого нам удаётся достигнуть самых отдалённых участков нашего концептуального поля» [12, с. 13]. Ветер – это для автора определённое перемещение. Ветер вли-

яет на жизнь и судьбы людей. В текстах публициста возникают символические образы: *ветер эпохи*⁸⁰, *ветер века*⁸¹, *ветер XX века*⁸². А. И. Солженицын использует связанные ассоциативно с ветром глаголы: *сквозняки зла ... продувают свободно*⁸³, *духовные основы выветриваются*⁸⁴, *ограничение выветрилось*⁸⁵.

Доминирующее свойство ветра при описании политических процессов – сила. А. И. Солженицын использует при этом метафоры *вихря, бури, смерча*. Порывистый, сильный ветер – вихрь⁸⁶ – у публициста означает резкие изменения ситуации в обществе: *крутятся в этом вихре [революции]*⁸⁷, *движение России в революционном вихре*⁸⁸, *этот вихрь может снова по-*

⁷⁶ Солженицын А. И. Нобелевская лекция (Т. 7, с. 31).

⁷⁷ Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию? (Т. 8, с. 33).

⁷⁸ Солженицын А. И. Встреча в Саратовском университете (Т. 8, с. 328).

⁷⁹ Солженицын А. И. Встреча в Саратовском университете (Т. 8, с. 328–329).

⁸⁰ Солженицын А. И. Доклад на IV Рождественских образовательных чтениях при Московской патриархии (Т. 8, с. 335).

⁸¹ Солженицын А. И. Речь в Гарварде на ассамблее выпускников университета (Т. 7, с. 245).

⁸² Солженицын А. И. В Твери. Из выступления в Областной библиотеке имени Горького (Т. 8, с. 397).

⁸³ Солженицын А. И. Речь в Гарварде на ассамблее выпускников университета (Т. 7, с. 251).

⁸⁴ Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию? (Т. 8, с. 49).

⁸⁵ Солженицын А. И. Речь в Гарварде на ассамблее выпускников университета (Т. 7, с. 251).

⁸⁶ Вихрь // Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2008. с. 133.

⁸⁷ Солженицын А. И. Интервью с Бернаром Пиво для французского телевидения (Т. 7, с. 349).

⁸⁸ Солженицын А. И. Интервью с Бернаром Пиво для французского телевидения (Т. 7, с. 348).

*вториться в России*⁸⁹, *вихрь преступности*⁹⁰, *вихрь «передовой идеологии»*⁹¹, *мы прощаем и вихри пыли*⁹².

Нарастание интенсивности событий эксплицируется с помощью слова «смерч» («атмосферный вихрь, возникающий в грозовом облаке и распространяющийся вниз»⁹³): *злой дух ... кружит смерчем над континентами*⁹⁴, *наши пять континентов – в смерче*⁹⁵.

Прагматический потенциал метафор *вихря, бури, смерча* содержит высокую степень тревожности.

Слот «Облачность»

Слот представлен метафорами *облака, тучи, тумана*. Автор осуществляет перенос значения слова «облако» («скопление в атмосфере водяных паров или ледяных кристаллов»⁹⁶) на явления общественной жизни: *... прикрыто облаком демократии*⁹⁷, *облако*

*раскаяния*⁹⁸. Туча – «тёмное облако»⁹⁹ – ещё один небесный «житель», превращающийся в тексте публициста в описание политической ситуации: *нависание «коммунистической тучи»*¹⁰⁰. Благодаря данной метафоре возникает мотив угрозы: нет силы, которая могла бы остановить движение туч по небу.

Неясные очертания ситуации теряются в тумане, затрудняют решение вопросов. Россия «напускает туман», в условиях недостаточной видимости эти действия могут повлиять на «передовые умы Земли»: *... розовым туманом, который она [Россия] напустила для всех передовых умов Земли*¹⁰¹.

Слот «Явления в атмосфере»

К электрическим явлениям в атмосфере относится гроза, а к оптическим – заря. У А. И. Солженицына *«над цивилизацией грянула гроза»*¹⁰². Автор видит в этом погодном явлении динамику и силу. Метафора позволяет передать власть стихии над человеческим миром. У образа зари особая роль в концептуальной картине мира, формируемой в народном сознании: этот образ считается символом начала новой жизни. Для А. И. Солженицына *заря* – также начало – начало надежды: *мы видим зарю надежды*¹⁰³.

⁸⁹ Солженицын А. И. Наука в пиратском государстве. Слово при вручении Большой Ломоносовской медали Российской Академии наук (Т. 8, с. 452).

⁹⁰ Солженицын А. И. Речь в Государственной думе (Т. 8, с. 252).

⁹¹ Солженицын А. И. Письмо вождям Советского Союза (Т. 7, с. 68).

⁹² Солженицын А. И. На возврате дыхания и сознания (Т. 7, с. 40).

⁹³ Смерч // Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2008. с. 1217.

⁹⁴ Солженицын А. И. Темплтоновская лекция (Т. 7, с. 332).

⁹⁵ Солженицын А. И. Темплтоновская лекция (Т. 7, с. 338).

⁹⁶ Облако // Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2008. с. 670.

⁹⁷ Солженицын А. И. Интервью со Станиславом Говорухиным для телекомпании «Останкино» (Т. 8, с. 71).

⁹⁸ Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию? (Т. 8, с. 35).

⁹⁹ Туча // Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2008. с. 1355.

¹⁰⁰ Солженицын А. И. К нынешнему состоянию России (Т. 8, с. 400).

¹⁰¹ Солженицын А. И. Беседа с Витторио Страда (Т. 8, с. 495).

¹⁰² Солженицын А. И. Выступление по английскому радио (Т. 7, с. 188).

¹⁰³ Солженицын А. И. Темплтоновская лекция (Т. 7, с. 334).

Фрейм «Космос»

Подфрейм «Ближний космос»

Слот «Небесные тела»

Особенность космического пространства – его отделённость от человека, заполненность независимыми от человека и свободными телами. Значение космического понятия «орбита» – «путь движения небесного тела ... в космическом пространстве»¹⁰⁴ – переосмысливается публицистом; метафора точно описывает явления духовные: *перейти на орбиту более высокого уровня*¹⁰⁵, *орбита [власти насилия] грозит ... замкнуться*¹⁰⁶, *орбита земной жизни изменится*¹⁰⁷, *мы совершили долгий орбитальный путь*¹⁰⁸¹⁰⁹.

Подфрейм «Дальний космос»

Слот «Звезда»

Тело дальнего космоса – звезда. А. С. Пушкин предстаёт в осмыслении публициста как «несравненная звезда»¹⁰⁹.

Анализ материала показал, что метафорика А. И. Солженицына имеет и универсальные, и своеобразные черты. Авторские метафоры представлены типичной для языка метафорической моделью, её фреймами и слотами.

Причём в дискурсе СМИ 2000–2004 гг., по наблюдениям Н. М. Чудаковой, происходит активизация метафорической модели со сферой-источником «Неживая природа» [16, с. 3].

Метафорическому моделированию в исследуемых публицистических текстах подвержены политические направления (коммунизм, марксизм, демократия, плюрализм), группы людей (правящий класс, плюралисты, деятели, интеллигенция-образованщина), единичные понятия (ГУЛАГ, Средняя Азия и Азербайджан, Пушкин). Однако доминантными сферами-мишенями метафорического притяжения являются у А. И. Солженицына абстрактные понятия (современность, духовные основы, человеческие отношения, свобода, мир, раскаяние, надежда, вера и другие). То есть даже очень отвлечённую информацию автор разлагает на наглядно-образные составляющие, передаёт посредством более простых ассоциаций. Образное представление абстрактных категорий типично для языка, в том числе языка современных СМИ [16, с. 6]. Своеобразие метафорики публициста как яркой черты идиостиля проявляется в форме реализации универсальных механизмов метафорической модели: образный компонент высказывания опирается на идею движения, что, вероятно, связано с особенностью авторского восприятия жизни. Осмысление А. И. Солженицыным действительности происходит через призму изменяющихся состояний; он рисует картину непрерывного процесса развития. Движение, являющееся в представлении публициста важнейшим свойством природы, актуализируется в большинстве проанализированных

¹⁰⁴ Орбита // Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2008. С. 723.

¹⁰⁵ Солженицын А. И. Образованщина (Т. 7, с. 113).

¹⁰⁶ Солженицын А. И. Слово при получении премии «Золотое клише» Союза итальянских журналистов (Т. 7, с. 153).

¹⁰⁷ Солженицын А. И. Радиоинтервью компании Би-би-си (Т. 7, с. 272).

¹⁰⁸ Солженицын А. И. Слово при получении премии «Золотое клише» Союза итальянских журналистов (Т. 7, с. 152).

¹⁰⁹ Солженицын А. И. Телеинтервью на литературные темы с Н.А. Струве (Т. 7, с. 225).

фреймов и слотов [фрейм «Вода» (слоты «Водный поток», «Море», «Волны», «Водоворот»), фрейм «Воздух» (слоты «Ветер», «Облачность», «Явления в атмосфере»), фрейм «Космос» (слот «Небесные тела»)]. С идеей движения связан и прагматический потенциал метафор данной метафорической модели. Политическая, духовная жизнь общества развивается как процессы в мире неживой природы: изменяется обстановка, может наступить упадок, произойти неподвластные человеку события, возникнуть препятствия. Ещё одна особенность идиостиля А. И. Солженицына – создание при помощи подобранных им метафор панорамных, целостных картин общественной жизни.

Метафорические единицы, относящиеся к фреймам «Вода», «Воздух», «Космос», используются публицистом для репрезентации событий и явлений жизни социума, уже будучи символически нагруженными (вода, воздух, космос – древнейшие религиозные и философские символы). При этом происходит двойная актуализация смыслов, что ведёт к углублённому пониманию анализируемых фреймов и обогащению семантики текстов. Богатая метафорика публици-

ста, восходящая к источниковой сфере «Неживая природа», способствует реализации интенции убеждения читателя (слушателя) в правоте авторской позиции. Ведь метафоры природы традиционны для русского мировидения и поэтому легки для восприятия, понятны, убедительны.

Итак, для идиостиля А. И. Солженицына метафорическая модель «Жизнь общества – это мир неживой природы» оказывается продуктивной. Автору свойствен органистический способ мышления, метафоры из источниковой сферы «Неживая природа» у него аналитическое средство осмысления ситуации. Для публициста также характерны богатство ассоциаций, склонность к эмоциональной оценке идей, явлений, событий; стремление к эффективной коммуникации. А. И. Солженицын, по наблюдениям С. В. Мельниковой, глубоко осознаёт, что «язык ... нуждается в бережном и любовном отношении» [11, с. 15]. Употребление публицистом метафор раскрывает его талант речевой свободы, владение потенциальными возможностями языка.

*Статья поступила
в редакцию 29.05.2019 г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипина О. В. Метафорический образ политической России начала XXI века на материале англоязычных сайтов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2009. 23 с.
2. Баранов А. Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М.: Институт русского языка АН СССР, 1991. С. 184–192.
3. Беляевская Е. Г. О внутренней структуре концептуальной метафоры // Когнитивные исследования языка. 2018. № 32. С. 540–548.
4. Головенкина Н. В. Метафорическое моделирование действительности в художественной картине мира М. А. Булгакова: дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 238 с.

5. Денисова Д. С. Концептуальная метафора. Виды концептуальной метафоры // Научная гипотеза. 2018. № 12. С. 32–36.
6. Егорова О. А., Калашникова В. В. Теория концептуальной метафоры в когнитивной лингвистике // Электронный научный журнал. 2016. № 10-1 (13). С. 190–195. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/dd5/kalashnikova.pdf> (дата обращения: 10.05.2019).
7. Золян С. Т. От описания идиолекта – к грамматике идиостиля // Языки русской поэзии XX века: сборник научных трудов. М.: Язык русской поэзии, 1989. С. 4–13.
8. Кабаченко Е. Г. Метафорическое моделирование базисных концептов педагогического дискурса: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 24 с.
9. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: УРСС, 2004. 352 с.
10. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
11. Мельникова С. В. О «лексическом расширении» А. И. Солженицына // Русская речь. 2000. № 1. С. 15–19.
12. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Ортега-и-Гассет Х. Теория метафоры. М.: Мысль, 1990. С. 13–43.
13. Руденко Е. Н. Ещё раз о концептуальной метафоре // Учёные записки УО ВГУ имени П. М. Машерова. 2018. Т. 27. С. 155–159.
14. Трегубова В. И. Метафора как средство вторичной номинации в публицистическом эссе А. И. Солженицына «Как нам обустроить Россию» // Когнитивно-дискурсивные стратегии развития языка: сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции (Белгород, 11–12 января 2016 г.). Белгород: ООО Эпицентр, 2016. С. 423–429.
15. Фомичёва Ж. Е., Андреев В. Н. Авторская метафора как проявление особенностей идиостиля писателя // Языки мира в мир языков: межвузовский сборник научных статей. Вып. 4 / отв. ред. Нижнёва Н. Н. Минск: БГУ, 2010. С. 135–143.
16. Чудакова Н. М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских СМИ (2000–2004): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 24 с.
17. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: УрГПУ, 2001. 238 с.
18. Шиляев К. С. Ключевая текстовая метафора: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2014. 20 с.

REFERENCES

1. Antipina O. V. *Metaforicheskii obraz politicheskoi Rossii nachala XXI veka na materiale angloyazychnykh saitov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Metaphor of political Russia beginning of the 21st century on the English websites: abstract of PhD thesis in Philological thesis]. Irkutsk, 2009. 23 p.
2. Baranov A. N. [Essay on cognitive theory of metaphor]. In: Baranov A. N., Karaulov Yu. N. *Russkaya politicheskaya metafora (materialy k slovaryu)* [Russian political metaphor (materials to the dictionary)]. Moscow, Institut russkogo yazyka AN SSSR Publ., 1991. pp. 184–192.
3. Belyaevskaya E. G. [On inner cognitive structure of a conceptual metaphor]. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 2018, no. 32, pp. 540–548.
4. Golovenkina N. V. *Metaforicheskoe modelirovanie deistvitel'nosti v khudozhestvennoi kartine mira M. A. Bulgakova: diss. ... kand. filol. nauk* [Metaphorical modelling of reality in artistic picture of the world of M. Bulgakov: PhD thesis in Philological Sciences]. Ekaterinburg, 2007. 238 p.

5. Denisova D. S. [Conceptual metaphor. Types of conceptual metaphors]. In: *Nauchnaya gipoteza* [Scientific Hypothesis], 2018, no. 12, pp. 32–36.
6. Egorova O. A., Kalashnikova V. V. [Theory of conceptual metaphor in cognitive linguistics]. In: *Elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Electronic Scientific Magazine], 2016, no. 10-1 (13), pp. 190–195. Available at: <https://mgimo.ru/upload/iblock/dd5/kalashnikova.pdf> (accessed: 10.05.2019).
7. Zolyan S. T. [From the description of the idiolect to the grammar of the idiostyle]. In: *Yazyki russkoi poezii XX veka: sbornik nauchnykh trudov* [Languages Russian poetry of the 20th century: collection of scientific papers]. Moscow, Yazyk russkoi poezii Publ., 1989. pp. 4–13.
8. Kabachenko E. G. *Metaforicheskoe modelirovanie bazisnykh kontseptov pedagogicheskogo diskursa: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Metaphorical modelling of the basic concepts of pedagogical discourse: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Ekaterinburg, 2007. 24 p.
9. Kobozeva I. M. *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moscow, URSS Publ., 2004. 352 p.
10. Lakoff G., Johnson M. *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors that we live in]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 256 p.
11. Mel'nikova S. V. [On the “lexical expansion” of A. Solzhenitsyn]. In: *Russkaya rech'* [Russian speech], 2000, no. 1, pp. 15–19.
12. Ortega y Gasset J. [Two great metaphors]. In: Ortega y Gasset J. *Teoriya metafori* [The theory of metaphor]. Moscow, Mysl' Publ., 1990. pp. 13–43.
13. Rudenko E. N. [Once again about conceptual metaphor]. In: *Uchenye zapiski UO VGU im. P. M. Masherova* [Proceedings of the Masherov Vitebsk State University], 2018, vol. 27, pp. 155–159.
14. Tregubova V. I. [Metaphor as a means of secondary nomination in the publicistic essay by A. Solzhenitsyn “How do we equip Russia”]. In: *Kognitivno-diskursivnye strategii razvitiya yazyka: sbornik nauchnykh trudov po itogam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Belgorod, 11–12 yanvarya 2016 g.)* [Cognitive-discursive strategies of language development: collection of scientific papers on the results of the International scientific conference (Belgorod, January 11–12, 2016)]. Belgorod, OOO Epitsentr Publ., 2016. pp. 423–429.
15. Fomicheva Zh. E., Andreev V. N. [Author's metaphor as a manifestation of the idiostyle of a writer]. In: Nizhneva N. N., chief ed. *Yazyki mira v mir yazykov: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh statei. Vip. 4* [World languages in the world of languages: interuniversity collection of scientific articles. Iss. 4]. Minsk, Belarusian State University, 2010, pp. 135–143.
16. Chudakova N. M. *Kontseptual'naya oblast' «Nezhivaya priroda» kak istochnik metaforicheskoi ekspansii v diskurse rossiiskikh SMI (2000–2004): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Conceptual area “Inanimate nature” as a source of metaphorical expansion in the discourse of Russian mass media (2000–2004): abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Ekaterinburg, 2005. 24 p.
17. Chudinov A. P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafori (1991–2000)* [Russia in a metaphorical mirror: Cognitive study of political metaphor (1991–2000)]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2001. 238 p.
18. Shilyaev K. S. *Klyuchevaya tekstovaya metafora: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Key text metaphor: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Kemerovo, 2014. 20 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цынк Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Димитровградского инженерно-технологического института – Национального исследовательского ядерного университета МИФИ;
e-mail: stsynk@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Tsynk – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Humanities Sciences, Dimitrovgrad Engineering and Technological Institute of the National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute);
e-mail: stsynk@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Цынк С. В. Метафоры из источниковой сферы «Неживая природа» в идиостиле А. И. Солженицына (на материале публицистических произведений) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 4. С. 67–81.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-67-81

FOR CITATION

Tsynk S. V. Metaphors from the “inanimate nature” resource sphere in A. Solzhenitsyn’s idiosyle (on the example of public works)). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 4. pp. 67–81.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-67-81

УДК 168.522

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-82-89

РАЦИОНАЛИЗМ И ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ В XVII ВЕКЕ. КРИТИЧЕСКИЙ МЕТОД В ТРУДАХ ЖАНА МАБИЛЬОНА

Щекочихина М. А.*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса о влиянии философии рационализма на становление гуманитарного знания в XVII в. Именно в этом столетии происходит формирование таких наук, как филология и история, в их современном понимании. Эти процессы во многом обусловлены распространением критического метода. В связи с этим труды Жана Мабильона представляют особый интерес, поскольку именно этот «бenedиктинский эрудит» заложил основы системного изучения подлинности средневековых рукописных источников, благодаря которым стало возможным ответить на вопрос о подлинности документов, основываясь на объективных критериях. В трудах Мабильона рационализм проявляется не только в методах исследования, но и на понятийном уровне.

Ключевые слова: рационализм, история науки, эрудиция, картезианство, критика текста, Мабильон

RATIONALISM AND HUMANITIES IN THE 17TH CENTURY: THE CRITICAL METHOD OF JEAN MABILLON

M. Shchekochikhina*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract. This article deals with the influence of the philosophy of rationalism on humanitarian knowledge in the 17th century, when philology and history were shaped as modern disciplines. This process occurred largely due to the spread of the critical method. In this regard, the works by Jean Mabillon are of particular interest because this “Benedictine erudite” laid the foundations of the systematic study of medieval monuments due to which it became possible to state the authenticity of documents by using objective criteria. In Mabillon’s writings, rationalism manifests itself not only in research methods but also in concepts.

Keywords: rationalism, the history of science, erudition, Cartesianism, textual criticism, Mabillon

XVII в. во Франции принято связывать с прогрессом точных наук, однако филология, а также вспомогательные исторические дисциплины (палеография, дипломатика, кодикология) и ме-

тоды критики текста переживают в эту эпоху необычайный расцвет. В этой связи интересно попытаться ответить на вопрос: обнаруживается ли какое бы то ни было прямое влияние точных наук

на гуманитарное знание [23]? Можно предположить, с одной стороны, что успех гуманитарных наук был обеспечен экстраполяцией методов точных наук на гуманитарное знание, а с другой – что развитие различных областей происходило в значительной мере параллельно. Представляется, что весьма удачным способом приблизиться к ответу на этот вопрос было бы рассмотрение возможного влияния философии Рене Декарта на Жана Мабильона, одного из виднейших эрудитов своего времени, заложившего основы научно-филологического метода [3].

Взгляд на Жана Мабильона как на картезианца довольно часто встречается в научной литературе [2; 21; 25]. Проблема, однако, состоит в том, что попытки определить, в чём состояло влияние Декарта на Мабильона, до сих пор не были предприняты.

Марк Блок отмечает, что, хотя математический метод Декарта не приложим к исторической науке, философия Декарта всё же оказала влияние на Мабильона, пусть и опосредованно. В трудах Декарта и Мабильона отразились общие черты науки Нового времени, при этом влияние картезианства могло не вполне осознаваться Мабильоном [8].

С другой стороны, закономерно возникает вопрос о том, насколько правомерно говорить о влиянии картезианства на Мабильона, если учитывать, что круг чтения и научные занятия бенедиктинского эрудита были продиктованы его религиозностью. Марк Блок на этом основании говорил о необходимости исключить возможность прямого влияния картезианства на Мабильона [8]. Однако при ближайшем знакомстве с трудами Мабильона, особенно с «Трактом о науке в мо-

настырях» [24], становится ясно, что бенедиктинский монах внимательно читал Декарта. Вообще религиозность никак не противоречила в XVII в. знакомству с рационалистической философией. Философия Декарта не просто не была атеистичной. Напротив, идея Бога помогала Декарту ответить на не разрешимые в рамках механистического миропонимания вопросы [4, с. 35].

Что касается непрямого влияния картезианства на гуманитарное знание, отмеченного Марком Блоком в XVII в., как и в другие эпохи, прорыв в науке о языке произошёл после прорыва в гносеологии¹.

Влияние рационализма на научную мысль в XVII в. было так велико, что его испытывали даже католические эрудиты типа Мабильона. Религиозная мысль в XVII в. не могла добиваться востребованности иначе, чем интегрируя способ мышления человека Нового времени [5].

В гуманитарных науках в XVII в. ещё не существовало специализации. Гораздо более уместным будет говорить о комплексе гуманитарного знания и об эрудитизме.

Прежде всего обратимся к понятию «эрудиция», которое в XVII в. часто обозначало гуманитарное знание. Французское слово *érudition* является важным для описания интеллектуальной жизни XVII в. Слову *érudition* трудно найти эквивалент в русском языке [24]: это не только набор знаний, как в русском *эрудиция*, но и особый род занятий, нацеленный на поиск знания, где обозначается прежде всего занятие

¹ См. подробнее: Аверинцев С. С. Филология // Аверинцев С. С. София-Логос. Словарь. М.: Дух и Литера, 2005. С. 452–462.

филологией и историей. Данное понятие вошло в активное употребление в XVII–XVIII вв., но встречается уже в XVII в. (ср. «*vir eruditissimus*» у Мабильона). Эрудиты не всегда были членами университетского сообщества [11]. При том что границы учёного сообщества были довольно размыты, эрудиты осознавали себя членами единого сообщества, *respublica literaria* [14].

В XVII в. стремительно растёт количество печатаемой литературы. Большой интерес вызывают среди прочего историография и переиздания житий святых [20]. Многочисленные издания старинных хроник и житий вызывали необходимость выработать подход к обращению со старинными документами, к оценке достоверности свидетельств, к их отбору и датировке. По этой же причине в XVII в. постепенно стал вырабатываться и распространяться критический подход к тексту. Слово *критик* было довольно популярным самоназванием учёных того времени [16]. Само слово *критика* (*critique*), раньше обозначавшее просто суждение, теперь стало именовать общий подход, метод нахождения истины [8].

Критический подход к тексту в каком-то виде применялся и в средние века [10; 13; 15; 17]. Однако в Новое время эрудиты уже не старались примирить разноречивые источники, как это делалось ранее. В XVII в. уже недостаточно было сослаться на авторитетный источник и каким-то образом примирить противоречия, если они возникали в нескольких таких авторитетных источниках [24]. Так, Мабильон писал, что предпочтение должно отдаваться авторитетному источнику. Но сама авторитетность понималась им уже по-другому: авторитетен не тот

автор, которого признаёт традиция, но тот, тексты которого в большей степени достоверны с точки зрения истории (был ли автор современником описываемых событий, использовал ли он достоверные источники и т. п.) [24].

Мабильон определённо разрывает зависимость между традицией и авторитетом. Традиция для Мабильона, требующая слепого следования, не авторитетна. Похожие тезисы мы можем встретить также у реформаторов и у гуманистов Ренессанса [2].

В то же время критика текста появляется и внутри католицизма. В работах Ренана встречается позиция, что филологам как основоположникам критичного понимания текста, перешедшим в естественные науки, пришлось стать основателями духа Нового времени и заложить фундамент критического понимания мира [9].

«Критический» подход предполагает, что гуманитарные дисциплины становятся всё более и более рационалистическими. В науке XVII в. в самом деле происходит распространение методов точных наук (прежде всего геометрии) на гуманитарное знание. Поскольку невозможно было усовершенствовать гуманитарное знание, приведя его в соответствие с рационалистическим мышлением, механически перенося в него принципы математики, перед историей и филологией (*érudition*) встали вопросы о том, насколько достоверно их знание, какие критерии достоверности к нему применимы [22]. Сам процесс приобретения знания также не мог теперь равняться простой компиляции или цитированию признанных традицией источников, а требовал очерченных процедур, приближённых к математи-

ческому доказательству. Таким образом, история и филология столкнулись с потребностью в методе.

Если говорить о том, каким образом Мабильон воспринял рационалистический метод, с большой уверенностью можно указать на «Логику» Пор-Рояля, поскольку на неё он неоднократно ссылается в «Трактате о науках в монастырях» [19]. «Логика», впервые изданная в 1662 г. в виде небольшого компендиума и впоследствии выдержавшая ещё много дополненных самими авторами переизданий, сыграла важную роль в распространении рационалистических идей через систему образования [18]. Поскольку авторы старались суммировать основные философские положения своей эпохи в одном сочинении, «Логика» отличается некоторым эклектизмом. В «Логике» Пор-Рояля правила рассуждения заимствованы у Аристотеля, а метод – у Паскаля и Декарта. Так, довольно эклектично в логике трактуется метод. Авторы выделяют два типа метода: первый – как метод нахождения истины, второй – как способ объяснения [18]. Основные принципы метода в «Логике» заимствованы из «*Regulae ad directionem ingenii*» Декарта и из «*De l'esprit géométrique*» Паскаля, оттуда же взята и большая часть примеров. Геометрическое доказательство в «Логике» представлено как эталон рассуждения. Противоречивость изложения начинается там, где метод раскрывается как способ познания. Авторы описывают метод познания как сочетание анализа и синтеза, но у самого Декарта описание анализа и синтеза не встречается [12]. Однако сам Мабильон, рассуждая о методе в

общетеоретическом плане, говорит о критике (*critique*).

Мысли Мабильона о критическом методе можно найти в «Трактате о науке в монастырях» («*Traité des études monastiques*»), где этой теме отведена отдельная глава [19]. Мабильон определяет критический подход (*critique*) как «суждение об истинности чего-либо сомнительного или спорного». Мабильон пишет, что не всякая критика бывает полезна и что следует различать «хорошую» и «плохую», причём губительна, по Мабильону, та из них, которая вызвана только желанием оспорить что-либо [19].

Мабильон очень осторожно относится к применению критики в вопросах религии, в которых нужно полагаться на авторитет, и советует применять критический подход к тому, что может вызывать сомнения и споры [19]. Предполагалось, по всей видимости, что то, что установлено церковью, не должно подвергаться сомнению. Мабильон выводил религиозные вопросы из области того, к чему можно применять критику, вслед за Декартом отмежевывая религиозные вопросы от критического подхода [19]. Так начало проявляться противоречие между прогрессом в науке и религиозным сознанием.

Влияние Декарта и вообще философии рационализма можно обнаружить у Мабильона в «Трактате о науке в монастырях» не только в прямых ссылках на труды учёных-рационалистов [19], но и на уровне понятий [6].

Тем не менее в рассуждениях о критическом методе проявляются противоречия между сознанием религиозным и сознанием рационалистическим. Чтобы примирить их, Мабильон даже уподобляет хорошего исследователя (*le critique*)

отцам церкви [19]. Далее Мабильон отождествляет правильное использование критического метода и христианскую добродетель, говоря о том, что критический подход, применяемый предвзято, является проявлением страстей (*passiond*) [19]. В главе об истории «Трактата о науке в монастырях» слово *passions* обозначает пристрастность автора источника. Хороший историк, по Мабильону, должен уметь распознавать эту пристрастность и абстрагироваться от неё [19]. Проявлением пристрастности, с точки зрения Арно и Лансло, являются как излишний критицизм, так и пробабиллизм [18].

В стремлении к «беспристрастному» суждению можно увидеть и попытку найти объективное знание. Поиск в суждении чего-то прочного, противостоящего «страстям» или «аффектам» уже несёт в себе антипирронистский посыл. Так, например, у Монтеня словом *passions* обозначается преломление внешнего мира (принципиально не познаваемого) через органы чувств².

Мабильон сетовал, что критика в его время вошла в моду [19]. Действительно, критика в XVII в. была столь популярна, что подчас выступала просто как модный фетиш, как аргумент в споре, без методологического значения [7].

В XVII столетии критическое отношение к источнику получило особую

востребованность. Тому были объективные причины (развитие книгопечатания и необходимость выработать подход к источникам в изданиях, посвящённых в том числе религиозной истории, активная полемика между католиками и протестантами), и можно сказать, что развитие критического метода во многом явилось результатом собственной внутренней эволюции гуманитарного знания. Однако развитие точных наук и философия Декарта, несомненно, оказали на гуманитарное знание значительное влияние [1]. О степени этого влияния можно судить по трудам Жана Мабильона. Бенедиктинский монах не только ссылается на труды Декарта, но и активно использует в своих сочинениях философский словарь современной ему рационалистической философии. Впрочем, вполне возможно, что рационалистический метод Мабильон мог воспринимать как непосредственно из трудов Декарта, так и из других трудов, в частности из «Грамматики Пор-Рояль». Хотя рационалистские установки в целом не вступают в противоречие с религиозными, у Мабильона критический метод получает также и морально-этическое измерение.

Статья поступила
в редакцию 04.07.2019 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмус В. Ф. Декарт. М.: Политиздат, 1956. 372 с.
2. Бокарева О. Б. Создание вспомогательных исторических дисциплин в европейской науке нового времени (Л. Валла, Ж. Мабильон, Б. Монфокон, А. Муратори) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 8. С. 11–18.
3. Добиаш-Рождественская О. А. История письма в средние века. Руководство к изучению латинской палеографии. Л.: АН СССР, 1936. С. 218.

² См.: Lafont C. Continental Philosophy of Language // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. Oxford: Elsevier, 2015. P. 790–795.

4. Ильенков Э. В. Диалектическая логика. М.: Политиздат, 1984. 320 с.
5. Лещинская И. И. Философия Нового времени: пособие. Ч. 1. XVII век. Минск: БГУ, 2016. 151 с.
6. Щекочихина М. А. Жан Мабильон и философия рационализма // *Litera*. 2018. № 3. С. 178–183.
7. Armogathe J. R. Bossuet et l'érudition protestante de son temps // *Bulletin de la Société de l'Histoire du Protestantisme Français* (1903–2015). 2007. Vol. 153. P. 263–272.
8. Bloch M. Apologie pour l'histoire ou métier d'historien. Cahier des annales. 2 ed. Paris: Librairie Armand Colin, 1952. P. 50.
9. Bornmann L., Marx W. Critical rationalism and the search for standard (field-normalized) indicators in bibliometrics // *Journal of Informetrics*. 2018. Vol. 12. No. 3. P. 598–604.
10. Bresslau H. Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien. Leipzig: Verlag von Veit & Komp, 1889. P. 746.
11. Chartier R. Espace social et imaginaire social: les intellectuels frustrés au XVII siècle // *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. 1982. Vol. 37. No. 2. P. 389–400.
12. Dear P. Method and the study of nature // *The Cambridge History of the seventeenth century Philosophy*. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 149.
13. Foerster H. Beispiele mittelalterliche Urkundenkritik // *Archivalische Zeitschrift*. 1955. Vol. 50–51. P. 301–318.
14. Fumaroli M. La République des Lettres, l'université et la grammaire // *Revue d'Histoire littéraire de la France*. 2004. Vol. 104. No. 2. P. 463–474.
15. Giry A. Études de critique historique de la diplomatie // *Revue Historique*. 1982. Vol. 48. No. 2. P. 225–256.
16. Lambe P. Critics and Sceptics in the Seventeenth-Century Republic of Letters // *The Harvard Theological Review*. 1988. Vol. 81. No. 3. P. 271–296.
17. Lasch B. Das Erwachen und die Entwicklung der historischen Kritik im Mittelalter (von VII–XII Jahrhundert). Breslau: Verlag von Wilhelm Koebner, 1887. 130 p.
18. Logique de Port-Royal. Édition nouvelle. Avec introduction, extraits et éclaircissement par Alfred Fouillée. Paris: Librairie Classique d'Eugène Belin, 1878. P. 456.
19. Mabillon J. Traité des études monastiques divisé en trois parties. Paris: chez Charles Robustel, 1691. P. 478.
20. Neveau B. La vie érudite à Paris au XVII siècle d'après les papiers de P. Léonard de Sainte Cathérine (1695–1706) // *Bibliothèque de l'école des chartes*. 1966. Vol. 124. No. 2. P. 432–511.
21. Neveu B. Paris capitale de la république des lettres et le de re diplomatica de Jean Mabillon 1681 // *Annuaire-Bulletin de la Société de l'histoire de France*. 1981. P. 29–50.
22. Ormerod R. J. Critical rationalism in practice: Strategies to manage subjectivity in OR investigations // *European Journal of Operational Research*. 2014. Vol. 235. No. 3. P. 784–797.
23. Paya A. Critical rationalism as a theoretical framework for futures studies and foresight // *Futures*. 2018. Vol. 96. P. 104–114.
24. Quantin J.-L. Reason and Reasonableness in French Ecclesiastical Scholarship // *Huntington Library Quarterly*. 2011. Vol. 74. No. 3. P. 401–436.
25. Weitlauff M. Die Mauriner und ihr historisch-kritisches Werk // *Historische Kritik in der Theologie: Beiträge zur ihrer Geschichte*. Göttingen. 1980. P. 202.

REFERENCES

1. Asmus V. F. *Dekart* [Descartes]. Moscow, Politizdat Publ., 1956. 372 p.
2. Bokareva O. B. [The creation of auxiliary historical disciplines in the European science of the new time (L. Valla, J. Mabillon, B. Montfaucon, A. Muratori)]. In: *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 2018, no. 8, pp. 11–18.

3. Dobiash-Rozhdestvenskaya O. A. *Istoriya pis'ma v srednie veka. Rukovodstvo k izucheniyu latinskoi paleografii* [History of writing in the middle ages. Guide to the study of Latin palaeography] Leningrad, USSR Academy of Science Publ., 1936. pp. 218.
4. Il'enkov E. V. *Dialekticheskaya logika* [Dialectical logic]. Moscow, Politizdat Publ., 1984. 320 p.
5. Leshchinskaya I. I. *Filosofiya Novogo vremeni. Ch. 1. XVII vek* [The philosophy of the New age. Part 1. XVII century]. Minsk, Belarussian State University Publ., 2016. 151 p.
6. Shchekochikhina M. A. [Jean Mabillon and the philosophy of rationalism]. In: *Litera*, 2018, no. 3, pp. 178–183.
7. Armogathe J. R. Bossuet et l'érudition protestante de son temps. In: *Bulletin de la Société de l'Histoire du Protestantisme Français (1903–2015)*, 2007, vol. 153. pp. 263–272.
8. Bloch M. Apologie pour l'histoire ou métier d'historien. Cahier des annales. 2 ed. Paris, Librarie Armand Colin Publ., 1952. pp. 50.
9. Bornmann L., Marx W. Critical rationalism and the search for standard (field-normalized) indicators in bibliometrics. In: *Journal of Informetrics*, 2018, vol. 12, no. 3, pp. 598–604.
10. Bresslau H. *Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien*. Leipzig, Verlag von Veit & Komp Publ., 1889. 746 p.
11. Chartier R. Espace social et imaginaire social: les intellectuels frustrés au XVII siècle. In: *Annales. Histoire, Sciences Sociales*, 1982, vol. 37, no. 2, pp. 389–400.
12. Dear P. Method and the study of nature. In: *The Cambridge History of the seventeenth century Philosophy. Vol. 2*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2000. pp. 149.
13. Foerster H. Beispiele mittelalterliche Urkundenkritik. In: *Archivalistische Zeitschrift*, 1955, vol. 50–51, pp. 301–318.
14. Fumaroli M. La République des Lettres, l'université et la grammaire. In: *Revue d'Histoire littéraire de la France*, 2004, vol. 104, no. 2, pp. 463–474.
15. Giry A. Études de critique historique de la diplomatie. In: *Revue Historique*, 1982, vol. 48, no 2, pp. 225–256.
16. Lambe P. Critics and Sceptics in the Seventeenth-Century Republic of Letters. In: *The Harvard Theological Review*, 1988, vol. 81, no. 3, pp. 271–296.
17. Lasch B. Das Erwachen und die Entwicklung der historischen Kritik im Mittelalter (von VII–XII Jahrhundert). Breslau, Verlag von Wilhelm Koebner Publ., 1887. 130 p.
18. Logique de Port-Royal. Édition nouvelle. Avec introduction, extraits et éclaircissement par Alfred Fouillée. Paris, Librairie Classique d'Eugène Belin Publ., 1878. pp. 456.
19. Mabillon J. *Traité des études monastiques divisé en trois parties*. Paris, chez Charles Robustel Publ., 1691. 478 p.
20. Neveau B. La vie érudite à Paris au XVII siècle d'après les papiers de P. Léonard de Sainte Cathérine (1695–1706). In: *Bibliothèque de l'école des chartes*, 1966, vol. 124, no. 2, pp. 432–511.
21. Neveu B. Paris capitale de la république des lettres et le de re diplomatica de Jean Mabillon 1681. In: *Annuaire-Bulletin de la Société de l'histoire de France*, 1981, pp. 29–50.
22. Ormerod R. J. Critical rationalism in practice: Strategies to manage subjectivity in OR investigations. In: *European Journal of Operational Research*, 2014, vol. 235, no. 3, pp. 784–797.
23. Paya A. Critical rationalism as a theoretical framework for futures studies and foresight. In: *Futures*, 2018, vol. 96, pp. 104–114.
24. Quantin J.-L. Reason and Reasonableness in French Ecclesiastical Scholarship. In: *Huntington Library Quarterly*, 2011, vol. 74, no. 3, pp. 401–436.
25. Weitlauff M. Die Mauriner und ihr historisch-kritisches Werk. In: *Historische Kritik in der Theologie: Beiträge zur ihrer Geschichte*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht Publ., 1980. pp. 202.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Щекочихина Мария Андреевна – аспирант кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: msekocih@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria A. Shchekochikhina – postgraduate student at the Department of General and Comparative-Historical Linguistics, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: msekocih@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Щекочихина М. А. Рационализм и гуманитарное знание в XVII веке. Критический метод в трудах Жана Мабильона // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 3. С. 82-89.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-82-89

FOR CITATION

Shchekochikhina M. A. Rationalism and Humanities in the 17th Century: the Critical Method of Jean Mabillon. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 3, pp. 82-89.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-82-89

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161. 1.0+82-14

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-90-98

ПОЭТИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ ПРИАМУРЬЯ В ПОЭЗИИ ПЕТРА КОМАРОВА

Александрова-Осокина О. Н.

Тихоокеанский государственный университет

680000, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136, Российская Федерация

Аннотация. Настоящая работа рассматривает вопросы специфики поэтического творчества дальневосточного поэта Петра Степановича Комарова. Для анализа поэтического хронотопа предлагается новый терминологический аспект рассмотрения: «поэтическая топография». Показано, что географические реалии топонимики становятся средствами для создания поэтического пространства Дальнего Востока. Особое внимание уделено топонимике как инструменту для воплощения исторической перспективы; топонимы в поэтическом тексте служили созданию реалистических, мифопоэтических и символических образов.

Ключевые слова: Петр Комаров, пейзаж, хронотоп, топоним, поэтическая топография

THE POETIC TOPOGRAPHY OF THE AMUR REGION IN THE POETRY OF PETER KOMAROV

O. Alexandrova-Osokina

Pacific National University

136 Tihookeanskaya ul., Khabarovsk 680035, Russian Federation

Abstract. This work reviews the specifics of the poetic creativity of the Far Eastern poet Stepan Petrovich Komarov. For the analysis of the poetic chronotope, a new terminological aspect of consideration is proposed: “poetic topography”. It is shown that geographical realities and toponymy become the means for creating the poetic space of the Far East. Particular attention is paid to toponymy as a tool for translating the historical perspective; toponyms in the poetic text served to create realistic, mythopoetic and symbolic images.

Keywords: Peter Komarov, landscape, chronotope, toponym, poetic topography

Цель настоящей работы – обратить внимание на творчество самобытного дальневосточного поэта первой половины XX в. Петра Степановича Комарова (1911–1949). Творчество Комарова приходится на самый расцвет соцреализма и связано со спецификой этого художественного метода: поэт воспекает человека-преобразователя, строителя нового мира и защитника дальневосточных рубежей Отечества; ряду стихотворений присуща клишированная риторика. Однако в лучших своих произведениях поэт выступает как тонкий лирик, как поэт-философ, продолжающий традиции классической поэзии XIX–начала XX вв. В своё время поэзия Комарова получила широкое признание, в 1950 г. (посмертно) он был удостоен Сталинской премии третьей степени.

На Дальнем Востоке имя поэта хорошо известно, оно входит в хрестоматии по региональной (дальневосточной) литературе, однако можно сказать, что художественная специфика его поэзии практически не изучена: немногочисленные работы носят либо характер рецензий и критических статей, либо биографических историко-литературных очерков[2; 6; 7]¹.

Предлагаемая статья, по сути, является первым шагом в направлении целостного литературоведческого исследования поэзии Комарова на основе современных теоретических подходов к анализу поэтического текста и с учётом специфики эпохи, в которую жил и творил поэт. Актуальность по-

добного исследования видится в необходимости более пристального изучения дальневосточной литературы, соотнесения её с общероссийским историко-литературным контекстом. Кроме того, обращение к творчеству Комарова кажется своевременным в связи с необходимостью переоценки литературного процесса советского времени: в отечественном литературоведении последних десятилетий часто проявляется нигилистическое отношение к достоинствам советской литературы, особенно провинциальной, однако необходимо отделять литературу, ангажированную идеологией своего времени, от истинного творчества.

Ведущее место в поэзии Комарова занимает пейзажная лирика. Предмет поэтического осмысления – дальневосточная природа, единство всего живого, осмысление вечного круга жизни природного и человеческого бытия; тема природы у Комарова неразрывно связана с «вечными» темами русской поэзии: истории, памяти, судьбы, времени. Поэтом были найдены ёмкие художественные формы, позволившие создать яркие образы, сочетающие пейзаж с притчей, символично-аллегорическим размышлением о жизни.

Один из способов создания поэтического хронотопа в пейзажной лирике Комарова – использование элементов топографического описания местности и включение топонимов в поэтическое пространство текста. В поэтическом мире Комарова топонимика и топография неразрывно связаны: природа края предстаёт в его стихах в своих реальных ландшафтных очертаниях, в исторических (топонимических) наименованиях.

¹ Также см.: Комаров П. С. // Писатели Дальнего Востока: Библиографический справочник / сост. Е. М. Аленкина. Вып. 1. Хабаровск: Книжное издательство, 1973. С. 120–125.

Топонимика, сосредоточивая в себе историко-культурную память², становится средством для создания художественных образов, в которых время и пространство становятся художественно-зримыми, а характеристики времени раскрываются в пространстве.

Поэт вводит в свои стихи наименования населённых пунктов (ойконимы): Хабаровск, Комсомольск, Топтугары, Советская Гавань, Полтавка, Турий Рог; водных объектов (гидронимы): Амур, Зея, Залив Счастья, озеро Ханка, Уссури, Суйфун; гор и возвышенностей (оронимы): Хехцир, Июнь-Карань, Шантары. Многие стихотворения уже в названии содержат географические координаты: «Ночь на Амуре», «Озеро Ханка», «Ледоход на Уссури», «Зима в Эвенкии», «Хинганский родник», «На Волочаевской сопке», «Маньчжурия», «Сихоте-Алиньский перевал». Топонимы в художественном тексте обладают способностью лаконично передать большой объём информации, создают сложные аллюзии историко-культурного характера; выступают в качестве локализатора места и времени и формируют поэтический хроно-топ [1, с. 10].

Детали топографического описания местности (характеристики ландшафта, указание сторон света, географические приметы и т. д.), включённые в художественный текст, способствуют формированию особого типа пейзажа, который можно назвать «топографический пейзаж». Этот тип пейзажного описания воссоздаёт пространствен-

ные характеристики «реального» ландшафта, формирует колорит природного и историко-культурного мира, связывает современность с историческим и мифологическим прошлым, характеризует особенности мировосприятия лирического героя. В поэтический текст включаются реальные географические и топографические детали, определяется точка зрения наблюдателя, используется смена планов. Это формирует художественную картину пространственного изображения с обозначенной перспективой, с детальностью пространственного изображения и визуализацией географических образов. «И сопки плывут навстречу, / Направо уходят села, / Налево уходят села, / И только один Санчагоу / Напротив перед тобой»³; «Тебя я вижу, мой Хинган, / И лес, и горы, и туман. / Там среди зарослей густых, / Звонит без усталости родник»⁴.

В ряде стихотворений изображение даётся как «взгляд сверху», «с высоты птичьего полёта»: «Две реки бегут с одной горы / <...> И одна торопится в Амур, / А другая в сумрачное море»⁵; «Когда с высот Июнь-Корани / Я погляжу на край родной – Он сразу весь, как на экране, / Тогда встаёт передо мной»⁶; «Голубые хребты. / Голубая

² Нерознак В. П. Топонимика // Языкознание. Большой энциклопедический словарь; 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 515.

³ Комаров П. С. Дорога на заставу // Комаров П. С. Избранное. Хабаровск: Книжное издательство, 1992. С. 51.

⁴ Комаров П. С. Хинганский родник // Комаров П. С. Избранное. Хабаровск: Книжное издательство, 1992. С. 71.

⁵ Комаров П. С. Две реки бегут с одной горы // Комаров П. С. Избранное. Хабаровск: Книжное издательство, 1992. С. 131.

⁶ Комаров П. С. На Волочаевской сопке // Комаров П. С. Избранное. Хабаровск: Книжное издательство, 1992. С. 119.

река. / Голубые снега на Шантарях»⁷. Такой ракурс изображения позволяет создать панорамный пейзаж в целостном видении, передающий очертания ландшафта, рельефа местности, масштаба, цветовых и световых характеристик.

Хронотоп, несущий всегда ценностный момент, побуждает обратить внимание на эмоционально-ценностную сферу лирического героя в пейзажной лирике Комарова. Она состоит в участливом, «любовном» мировосприятии, герой «слит» с миром природы, растворён в ней. Он не «покоряет» и не «изучает» природу, а как бы обнаруживает в ней точки личностного соприкосновения: «Как стих без единой запинки / Читать наизусть я готов / Всю степь – до китайской сарпинки / Её запоздалых цветов»⁸.

Во многих стихотворениях Комарова встречается мотив «чтения» пространства как карты, который часто сближается с мотивом «чтения (написания) книги». «Образ поэта» при этом сближается с образом первопроходца: поэт так же «осваивает» родную землю, только при этом его «инструмент» – творчество, слово: «И дайте только срок – / Сама земля раскрытой ляжет книгой, / Исхоженная вдоль и поперёк»⁹.

Образ героя-первопроходца – сквозной в пейзажной лирике Комарова. Он

связан с мотивом освоения земли, «прочтения» её географии и истории. Так, например, в стихотворении «Покорители Тукурингра» (1933) прославляется новый герой – «изыскатель, разведчик, молодой инженер», который не «завоёвывает», но ищет понимания с тайгой, и «угрюмые недра богатства ему отдают»¹⁰. Освоение земли оказывается не «покорением», а в большей мере познанием её истории и разгадыванием её тайн.

С темой «освоения земли» связан мотив «наименования»: «освоить территорию» – значит дать ей имя или понять, «разгадать» значение уже существующего имени. Роль человека по отношению к природе состоит в том, чтобы одухотворить и «окультурить» её: «Да, мы не раз географа помянем, / Что шёл тайгой в былые времена, / Давал названия рекам безымянным, / Придумывал для сопков имена»¹¹.

Образ географа сближается с образом поэта в том, что оба воплощают пространство в слово, формируют культуру. Подобное поэтическое мировидение было присуще поэзии Серебряного века, в частности, лирике Н. Гумилёва [см.: 5], и, таким образом, можно сказать, что поэзия Комарова была созвучна поэтическому контексту своего времени.

В «материальном» поэт ищет проявления духовного смысла сделанного, который исчерпывается не суммой дел, но памятью, духовным следом. Эта особенность мировосприятия позволяет говорить о философичности

⁷ Комаров П. С. Над Шантарскими островами // Комаров П. С. Избранное. Хабаровск: Книжное издательство, 1992. С. 128.

⁸ Комаров П. С. Как стих без единой запинки // Комаров П. С. Избранное. Хабаровск: Книжное издательство, 1992. С. 106.

⁹ Комаров П. С. Мы лишь по книгам землю изучали // Комаров П. С. Избранное. Хабаровск: Книжное издательство, 1992. С. 128.

¹⁰ Комаров П. С. Покорители Тукурингра // Комаров П. С. Избранное. Хабаровск: Книжное издательство, 1992. С. 44.

¹¹ Комаров П. С. Да, мы не раз географа помянем // Комаров П. С. Избранное. Хабаровск: Книжное издательство, 1992. С. 164.

поэтического мира Комарова, художественный образ у него всегда строится как бы на двух уровнях. Один воспевает человека-творца и его активное познающее отношение к миру природы. Но «второй уровень» содержания обнаруживает более тонкое и сложное понимание: природа видится здесь как тайна, хранящая природное и историческое, а тип отношения человека и природы – «взаимодействие»; при таком восприятии роль человека заключается не в «овладении», но в «сотрудничестве», человек оказывается связующим звеном природного и временного пространства. Слово (или имя местности) является средством познания природного мира и самопознания человека.

У топонимов, включённых в поэтический текст, актуализируются скрытые в их семантике значения: наряду с номинативно-назывной функцией (обозначение географических объектов) они несут и иные смысловые нагрузки: символическую, ассоциативную, экспрессивно-выразительную, мифопоэтическую [1], помогают очертить природный и этнографический колорит региона, соединяют современное, историческое и мифопоэтическое в целостный образ; связанные с языками коренных народов Дальнего Востока, подчёркивают этнокультурную специфику региона, создают образ «незнакомой» страны, вводят образ истории земли, служат созданию модели «вечного бытия».

В стихотворении «Покорители Тукурингра» (1933)¹² в художествен-

ное пространство входят названия пяти рек – притоков реки Зеи: Брянта, Кохань, Улягир, Джалтой, Ток, – которые «у ног Тукурингра / Без шума покорно легли» и не тревожат «безмолвия этой земли». Экзотичность топонимов несёт в себе поэтику «неизъяснимого».

В стихотворении «Топтугары» (название станции в Забайкалье) поэтически переосмысливается фонетика слова. Поэт услышал в звучании топонима сходство с ритмом стука колёс поезда, отсюда родился образ: «Возле шилкинского плёса, / Где шумит кедровник старый, / День и ночь стучат колёса: / Топтугары, Топтугары»¹³. Рефрен «Топтугары, Топтугары», передающий ритм движения поезда, картины меняющегося ландшафта («даль сибирская сквозная», «перегон за перегонном», «дыма синяя воронка», «сопок сближенные пары», «шилкинский плёс») – всё это создаёт характерную картину Забайкальского пейзажа; семантика ойконима, связанная с мотивом кочевья (восходит к названию древнего эвенкийского рода «таптагир», некогда кочевавшего в этих местах¹⁴), дополняет образ временной перспективой, соотнося настоящее и прошлое.

Символически прочитывается название города Хабаровска: «Хабар – по старому удача, / А я в Хабаровске живу»¹⁵.

¹² Комаров П. С. Покорители Тукурингра // Комаров П. С. Избранное. Хабаровск: Книжное издательство, 1992. С. 44–45.

¹³ Комаров П. С. Топтугары // Комаров П. С. Избранное. Хабаровск: Книжное издательство, 1992. С. 113.

¹⁴ Топонимы Забайкалья [Электронный ресурс] // Сайт города Чита – «Забайкалье». URL: <http://chitacom.ru/faq/18-1> (дата обращения: 10.04.2019).

¹⁵ Комаров П. С. Мой город // Комаров П. С. Избранное. Хабаровск: Книжное издательство, 1992. С. 121.

Топонимика в стихах Комарова способствует соединению в одно целое современности и истории. О единстве географии (топонимики) и истории наука начала писать ещё в начале XIX в. К вопросам связи истории и географии обращались не только географы, но и литературная критика начала XIX в.: в 1829 г. Н. И. Полевой писал о том, что географические названия «служат пояснениями для сведений о начале, распространении, движениях народов» [4, с. LIV]; эту же мысль развивал чуть позже Н. И. Надеждин, говоря о том, что географическая карта является «первой страницей истории», а «географические названия ... это первое свидетельство, ... исторического существования народов» [3, с. 27].

Поэтическая интуиция Комарова безошибочно угадывала неразрывную связь географического названия и истории. В имени местности открывает лирический герой события прошлого. В стихотворении «Зея» (1938–1940) в видах речного пейзажа открываются события веков: «Не из царства ли Бохая, / В Новый век устремлена, / Белой гривой полыхая, По камням бежит она?», «Как по ней гребные кочи / Вёл Поярков-атаман»¹⁶. В стихотворении «В Заливе Счастья» (1943) поэт напоминает о подвиге Г. И. Невельского, который служил тому, «чтобы зная России взвилось / над волною в Амурском лимане»¹⁷. С историей связан и образ Хехцира в

одноимённом стихотворении: Хехцир (горный хребет) в поэтическом видении Комарова предстаёт в образе великана, обозревающего со своей высоты панораму долины: «охотничьи тропы», «сосны над ручьями», «могильные холмы», тайну которых он хранит.

В художественном видении Комарова дальневосточная земля оказывается хранительницей истории, в которой переплелись древняя культура коренных народов Приамурья и героика русского освоения региона. Так поэтическая топография выводит к одной из важных тем в лирике Комарова – к теме Дальнего Востока как неразрывной части России и шире – к теме соединившихся в русской культуре традиций Востока и Запада.

В поэтическом мире Комарова природное пространство связывает лирического героя с его предками, с его родовой памятью: «Не здесь ли мой прадед ходил, / Тропу пробивая к Амуру <...> Я там прохожу, где они / Когда-то оставили след свой»¹⁸. В стихотворениях называются имена первопроходцев-дальневосточников: Поярков, Ерофей Хабаров, Владимир Атласов. Создавая образ первопроходца – аборигена Дальневосточной тайги, поэт не только называет реальные исторические имена, но обращается к литературным типам: так создаётся стихотворение «Лувен», герой которого – персонаж из повести Пришвина «Женьшень»: «Здесь, может быть, Лувен / Разыскивал корень женьшеня, / Петляя по тропам, / Знакомым

¹⁶ Комаров П. С. Зея // Комаров П. С. Избранное. Хабаровск: Книжное издательство, 1992. С. 59.

¹⁷ Комаров П. С. В Заливе Счастья // Комаров П. С. Избранное. Хабаровск: Книжное издательство, 1992. С. 104.

¹⁸ Комаров П. С. Беспутные ветры степей // Комаров П. С. Избранное. Хабаровск: Книжное издательство, 1992. С. 111.

ему одному»¹⁹. Образ «литературного персонажа» Лувена сближается с образами реальных первопроходцев (географов, исследователей), известных и безымянных, и с образом лирического героя – и в таком контексте формируется целостный образ-мотив – человек, осваивающий первоизданный мир природы. Имя Лувена в стихотворении приобретает обобщённый характер, актуализируется его архетипическое содержание – человек, слившийся с природой, главной характеристикой этого собирательного образа является понимание природы. «Осваивать природу» у Комарова означает, прежде всего, «понимать ее», слиться с нею. «Лесная сторона <...> / К тебе прикован молчаливым взглядом, / <...> / Свою судьбу соединил с твоей / И жизнь свою с твоей поставил рядом»²⁰.

Топонимика и география также находят отражение в раскрытии «китайской темы» в поэзии Комарова и, вообще, одной из ведущих тем в творчестве дальневосточных авторов. География Китая отражается в названиях стихотворений: «Ушагоу», «Санчагоу», «Сунгарийские болота», «Дорога на Дуньхуа», «Вечер на Сунгари», «Маньчжурия», «Харбин» и т. д. Пейзаж наполнен колоритными приметами: «Как парус, висит над причалом / Багряный китайский закат»²¹;

«И ветер над полянами / Гуляет не спеша, / Сухими гаолянами / И травами шурша»²²; «Над просёлками / Громко буйволы ревут»²³.

Можно видеть, что пейзаж в лирике Комарова является самоценным предметом поэтического осмысления. «Поэтическая география» служит не только созданию географического колорита, но и является средством для размышления об истории, очерчивает место лирического героя в историко-культурном пространстве; освоение природы человеком заключается не в «покорении», но в понимании, в установке увидеть «невидимое», душу явления. Этот тип художественного мировосприятия сближает лирику Комарова с традициями поэзии Серебряного века: с геософскими пейзажами Н. Гумилёва; с есенинской традицией, в которой пейзажный образ соединял визуальную пластичность с внутренними, потаёнными смыслами.

Поэт размышляет о сущности имени (топонима), о содержании исторического подвига первопроходцев. Топографическая и топонимическая конкретика очерчивает временные и пространственные связи, лирический герой и вообще человек оказываются соотносёнными с историческими и природными процессами. Пространство природы предстаёт в восприятии Комарова как пространство культуры, а многие топонимы, включённые в поэтические тексты Комарова (Амур, Хехцир, Июнь-Корань, Хабаровск и

¹⁹ Комаров П. С. Лувен // Комаров П. С. Избранное. Хабаровск: Книжное издательство, 1992. С. 57.

²⁰ Комаров П. С. В лесной стороне // Комаров П. С. Избранное. Хабаровск: Книжное издательство, 1992. С. 70.

²¹ Комаров П. С. У Жёлтого моря // Комаров П. С. Избранное. Хабаровск: Книжное издательство, 1992. С. 144.

²² Комаров П. С. На чужбине // Комаров П. С. Избранное. Хабаровск: Книжное издательство, 1992. С. 145.

²³ Комаров П. С. Дорога на Дуньхуа // Комаров П. С. Избранное. Хабаровск: Книжное издательство, 1992. С. 134.

др.) выступают как культуронимы, обозначающие культурные объекты на карте [см.: 5, с. 13], будучи связанными с целым комплексом историко-культурных ассоциаций.

Осмысление творчества Комарова даёт возможность заново открыть этого значительного поэта 30–40-х гг.

XX столетия, почувствовать колорит региональной (дальневосточной) литературы и дополнить представление о развитии общерусской литературы этого периода.

Статья поступила
в редакцию 20.05.2019 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вартанова О. А. Англоязычные топонимы и их стилистический потенциал в поэзии: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб, 1994. 16 с.
2. Гай А. Петр Комаров: Очерки жизни и творчества. Хабаровск: Книжное издательство, 1956. 176 с.
3. Надеждин Н. И. Опыт исторической географии русского мира // Библиотека для чтения. 1837. Т. 22. Отд. III. С. 27–70.
4. Полевой Н. А. История русского народа: в 6 т. Т. 1. СПб.: типография Августа Семена при Медико-хирургической академии, 1829. 368 с.
5. Раскина Е. Ю. Геософские аспекты творчества Н. С. Гумилёва: автореф. ... дисс. докт. филол. наук. Архангельск, 2009. 46 с.
6. Рясенцев Б. К. Изумленность: О творчестве П. Комарова. Хабаровск: Книжное издательство, 1979. 126 с.
7. Шестакова Ю. А. Родник его поэзии // Комаров П. С. Избранное. Хабаровск: Книжное издательство, 1992. С. 5–34.

REFERENCES

1. Vartanova O. A. *Angloyazychnye toponimy i ikh stilisticheskii potentsial v poezii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [English toponyms and their stylistic potential in poetry: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. St. Petersburg, 1994. 16 p.
2. Gai A. *Petr Komarov: Oчерki zhizni i tvorchestva* [Peter Komarov: Essays on life and creativity]. Khabarovsk, Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1956. 176 p.
3. Nadezhdin N. I. [The experience of the historical geography of the Russian world]. In: *Biblioteka dlya chteniya* [Library for reading], 1837, vol. 22, section III, pp. 27–70.
4. Polevoi N. A. *Istoriya russkogo naroda: v 6 t. T. 1* [History of the Russian people: in 6 vol. Vol. 1]. St. Petersburg, tipografiya Avgusta Semena pri Mediko-khirurgicheskoi akademii Publ., 1829. 368 p.
5. Raskina E. Yu. *Geosofskie aspekty tvorchestva N. S. Gumileva: avtoref. ... diss. dokt. filol. nauk* [Geosophical aspects of creativity of N. Gumilyov: abstract of D. thesis in Philological Sciences]. Arkhangelsk, 2009. 46 p.
6. Ryasentsev B. K. *Izumlennost': O tvorchestve P. Komarova* [Astonishment: On the works of P. Komarov]. Khabarovsk, Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1979. 126 p.
7. Shestakova Yu. A. [The spring of his poetry]. In: Komarov P. S. *Izbrannoe* [Selected Works]. Khabarovsk, Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1992. pp. 5–34.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александрова-Осокина Ольга Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы и журналистики Тихоокеанского государственного университета;
e-mail: osokina-11@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga N. Alexandrova-Osokina – Doctor in Philological Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Literature and Journalism, Pacific National University;
e-mail: osokina-11@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Александрова-Осокина О. Н. Поэтическая топография Приамурья в поэзии Петра Комарова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 4. С. 90–98.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-90-98

FOR CITATION

Alexandrova-Osokina O. N. The poetic topography of the Amur region in the poetry of Peter Komarov. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 4. pp. 90–98.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-90-98

УДК 821.161.1 Ф. М. Достоевский
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-99-112

КОШМАР КОШМАРОВА: СЕКТА И КРИМИНАЛ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Карпачева Т. С.

*Московский городской педагогический университет
129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1,
Российская Федерация*

*Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,
Российская Федерация*

Аннотация. В статье анализируется криминальный сюжет в повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка» и выявляется род занятий Ильи Мурина – одного из самых загадочных героев раннего Достоевского. В осмыслении проблемы сектантства Достоевский акцентирует внимание на проблеме вседозволенности лидера секты, неизбежно ведущей к криминалу. Статья предназначена не только для филологов, но и религиоведов, историков, юристов, а также всех, кто интересуется русской классикой, историей религий и историей права.

Ключевые слова: Достоевский, «Хозяйка», секта, криминал

HORROR OF KOSHMAROV: SECT AND CRIME IN EARLY WORKS OF F. DOSTOYEVSKY

T. Karpacheva

*Moscow City University
4 bld. 1 Vtoroy Selskokhozyaystvenny proezd, Moscow 129226, Russian Federation;*

*Moscow Region State University
24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. The article analyzes the criminal plot in the story of F. Dostoevsky “Mistress” and reveals the occupation of Ilya Murin – one of the most mysterious characters of early Dostoevsky. In understanding the problem of sectarianism, Dostoevsky focuses on the problem of the permissiveness of the sect leader, which inevitably leads to crime. The article is intended not only for philologists but also for religious scholars, historians, lawyers, as well as anyone interested in the Russian classics, the history of religions and the history of law.

Keywords: Dostoevsky, “Mistress”, sect, crime

Современная наука в целом характеризуется ростом интереса к междисциплинарным исследованиям.

Вопрос соотношения права и литературы: отражения правовых вопросов в художественном творчестве и,

напротив, влияния литературы на правосознание – рассматривался ещё начиная с XIX в. Так, А. Ф. Кони отмечал огромную роль творчества Ф. М. Достоевского для российской юридической науки¹. Интерес юристов к творчеству Ф. М. Достоевского прослеживается на протяжении всего XX в. [5; 6, с. 210–230] и на современном этапе развития науки. Так, в 1998 г. в Саратове состоялась конференция «Достоевский и юриспруденция», носившая междисциплинарный характер и объединившая исследователей разных специальностей. Учёные-литературоведы: В. В. Виноградов, [2, с. 146–160], Т. С. Карлова [12], Г. К. Щенников [23], Б. Г. Реизов [19], Л. Параккини [18], Е. Ю. Сафронова [20], В. А. Котельников [14] и др. – также неоднократно обращались к теме права в творчестве Достоевского. Как отмечает Т. С. Карлова, «Достоевский принимал деятельное участие в формировании юридического сознания своих современников» [12, с. 33] и «начиная с 60-х гг. в творчестве Достоевского нет такого произведения, где так или иначе: эпизодически, в связи с главной мыслью или даже в отдельных репликах – не звучала бы тема русского суда» [12, с. 4]. Однако интерес к правовым вопросам характерен и для раннего творчества Ф. М. Достоевского. Осмыслению юридической тематики в творчестве Достоевского 40–60-х гг. посвящена монография Е. Ю. Сафроновой [20].

«Апогей интереса писателя к проблемам права, – отмечает исследователь, – действительно совпадает с эпохой начала 60-х гг., но тема ответственности человека, как юридической, так и нравственной, возникает в раннем творчестве» [20, с. 12].

В статье мы проанализируем криминальный сюжет в повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка» и выявим род занятий одного из самых загадочных героев раннего Достоевского – Ильи Мурина.

Е. Ю. Сафронова композиционным центром повести считает именно её криминальный сюжет: «Преступление старика Мурина, совершённое в прошлом и всё ещё тяготеющее над ним и его загадочной спутницей Катериной – и соучастницей, и жертвой злодейства, – является центром, стягивающим все другие планы повествования и образующим временную динамику криминального сюжета» [20, с. 47] (к этому сюжету мы ещё вернёмся). Исследователь также обращает внимание на образ полицейского чиновника Ярослава Ильича и прослеживает тему коррупции в повести: «...Ярослав Ильич ... фигура комическая, олицетворяющая несостоятельность официальных служителей закона в делах правосудия. В финале чиновник предстает похудевшим, разочаровавшимся, отравившим бакенбарды. Последнее служит знаком его увольнения со службы, вероятно, за страсть к мздоимству (ношение бакенбард, усов и бороды как проявление “вольномыслия” было запрещено чиновникам гражданского ведомства специальным указом Николая I от 2 апреля 1837 г.). ... В детективном плане повести Ярослав Ильич является носи-

¹ Кони А. Ф. Фёдор Михайлович Достоевский // Кони А. Ф. Собрание сочинений: в 8 т. Т. VI. Статьи и воспоминания о русских литераторах. М.: Юридическая наука, 1968. С. 406–427.

телем ошибочного мнения о личности Мурина и создаёт ложный ход в деле раскрытия его тайного преступления» [20, с. 46–47]. Скорее всего, Ярослав Ильич действительно поплатился за взяточничество. Так, например, в конце повести Ордынов видит его «вполне счастливого ... посещением»² Мурина, несмотря на то что тот находится под надзором полиции, так что «счастливым» Ярослава Ильича делает, по-видимому, какое-либо подношение старика. Однако, как видно из текста, со стороны Ярослава Ильича «дружба» с Муриным – это не только укрывательство преступлений из корыстных побуждений: Мурин умел внушить к себе если не уважение, то по крайней мере суеверный страх, сопряжённый с явным нежеланием ему противоречить или противодействовать. Так, Ярослав Ильич будто бы «по секрету» рассказывает Ордынову, что старик – «мистик и имел ужасное влияние на приходивших к нему», поэтому «за ним был некоторое время сильный присмотр»³, притом полицейский сам верит в «дар» Мурина, сообщая, что сбылось его предсказание о смерти одного юноши. На вопрос Ордынова, занимается ли Мурин в настоящий момент такими практиками, Ярослав Ильич отвечает: «Строжайше запрещено-с»⁴. Ещё ранее Ордынов слышит о предсказаниях

Мурина, реализуемых на платной основе, от дворника-татарина: «Он всё знает, книжка много читала, читала, читала, все читала и другим сказывала. Так, пришла кто: два рубля, три рубля, сорок рубля, а не хошь, как хошь; книжка посмотрит, увидит и всю правду скажет. А деньга на стол, тотчас на стол – без деньга ни!»⁵. Приходивших к нему людей старик, по-видимому, пугал какими-то страшными предсказаниями, потому что, по словам Ярослава Ильича, все выходили от него «бледные как платок».

Бойтся Мурина и сам хозяин дома, с говорящей фамилией Кошмаров, опасаясь, вероятно, его «колдовских чар»: Мурин вселил кошмар в самого Кошмарова! Так, Ордынов видит домовладельца, находящегося в состоянии мистического страха: «В дверях квартиры он плотно столкнулся с маленькой седенькой фигуркой, приходившей, потупив очи, от Мурина. “Господи, прости мои прегрешения!” – прошептала фигурка, отскочив в сторону с упругостью пробки ... “...О, Господи, Господи”»⁶. Портрет Кошмарова в повести дан дважды и представляет собой взаимоисключающие характеристики. Ордынов видит «маленького, согбенного, седенького человека в тулупе», который «шёл кряхтя, спотыкаясь, смотрел в землю и что-то нащёптывал про себя. Можно было подумать, что он от старости выжил

² Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 311.

³ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 287.

⁴ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 287.

⁵ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 282.

⁶ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 288.

из ума»⁷. Ярослав Ильич же подбирает совершенно иные характеристики: «Величавый старик! ... Благородная старость!»⁸ Таким образом, старик, который окружающим кажется (или умеет показаться) «величавым», сам находится в подчинении (основанном на мистическом, суеверном страхе) у Мурина.

Какие же деяния Мурин скрывает от полиции и (или) откупается от неё, чтобы иметь возможность продолжать их? О чём говорит Ярослав Ильич «Строжайше запрещено-с»? В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в разделе VIII «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния» III главы содержалась группа статей «О подложном проявлении чудес и других сего рода обманах». Уголовной ответственности подлежали лица, осуществляющие оккультные практики, в случае если «для приобретения противозаконной корысти или иной личной выгоды, будут ... выдавать себя за колдунов или чародеев, если они, для своих лжепредсказаний, лжепредзнаменований и других обманов, будут употреблять предметы, христианскому богослужению посвящённые» (ст. 638)⁹ или в случае если кто-либо, «выдавая себя за лицо, одарённое какою-либо сверхъестествен-

ною чудесною силою или святостью, будет стараться посредством возбуждённого сим обманом уверения произвести в народе тревогу, волнение или уныние, или же неповиновение установленной законом власти» (ст. 640)¹⁰. То есть уголовная ответственность наступала, если в ритуалах колдуна использовались церковные предметы либо если его практики распространялись на широкий круг лиц. По всей вероятности, говоря о роде занятий Мурина, Ярослав Ильич имел в виду последнее. Деятельность Мурина, со слов самого же Ярослава Ильича, подпитывается распространением слухов о его якобы «пророческом» даре. Злоупотребляя доверием людей, запугивая их смертью или иного рода страшными «предсказаниями», Мурин сам, видимо, верит в свои «магические способности», чувствует неограниченную власть над людьми и тем, вероятно, оправдывает свои преступления, как прошлые, так и, возможно, будущие. С учётом того, что Кошмаров выбегает от Мурина в страхе, практики последнего, по всей видимости, продолжают, но распространяются теперь только на «своих», так как старик-колдун, вероятно предупреждённый Ярославом Ильичом, стал осторожнее. «Колдуном» (либо «гипнотизёром») называли Мурина многие исследователи, и ранее обращавшиеся к повести «Хозяйка» (см., например: [17, с. 319; 19, с. 147]). М. Г. Шерварлы сопоставляет сюжет повести с восточной легендой о драконе, которого побеждал рыцарь, и, победив, сам становился

⁷ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 282.

⁸ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 285.

⁹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Варшава: W drukarni Kommissyi Rządowej Sprawiedliwości, 1847. С. 486.

¹⁰ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Варшава: W drukarni Kommissyi Rządowej Sprawiedliwości, 1847. С. 490.

драконом: «Дракон-Мурин, как настоящий былинный змей, губит родню Катерины и, ворвавшись к ней через окно, уносит свою избранницу в своё логово» [21, с. 293]. На демоничность образа Мурина неоднократно обращали внимание исследователи. Так, А. Б. Криницын отмечает символику его имени: «мурин – означает “арап” и в народной речи ассоциируется с нечистым» [15, с. 164]. Е. С. Зорина делает наблюдение о том, что Катерина боится называть Мурина по имени, заменяя его имя местоимением «он» – «так в народе говорили о нечистой силе, чтобы не произносить даже этого слова (“дьявол”, “чёрт” и т. д.)» [9, с. 150].

В настоящее время в изучении повести укрепились мысли о том, что Мурин является лидером хлыстовской (см., например: [4, с. 265; 11, с. 35–38; 13]) либо скопческой [7]¹¹ общины¹².

¹¹ Работа О. Г. Дилакторской имеет огромное значение в понимании проблематики «Хозяйки». На сегодняшний день это, пожалуй, наиболее полное исследование повести с опорой на множество исторических трудов, однако мы предполагаем, что Мурин не может принадлежать к секте скопцов, потому что тогда становится неясен любовный сюжет повести: Катерина – Мурин – мать Катерины, которую он называет «старой любовью». На наш взгляд, Мурин принадлежит к хлыстовству. Стоит, однако, отметить, что ряд практик (трансовое состояние на собраниях, «пророчества») у хлыстов и скопцов были схожими.

¹² На принадлежность героев повести к движению хлыстов, по мнению ряда исследователей, указывает, в частности, и особая лексика Катерины, смешивающей братско-сестринские и любовные отношения («голубь горячий», «братец родной», «спознай сестрицу»), и её экзальтированность – всё это было типичными признаками хлыстовщины. Также

Как отмечает О. Г. Дилакторская, «у хлыстов и скопцов особое значение придавалось пророческому слову кормщиков (это называлось “ходить в слове”) ... в их слове, по представлению сектантов, воплощался сам Христос. В “Хозяйке” Катерина говорит о Мурине, в котором и она, и многие другие признавали пророческий дар: “Он властен! Велико его слово!”» [7, с. 64]. Исследователь также обращает внимание на таинственное посещение Кошмаровым Мурина и делает предположение о лидирующем положении последнего в сектантской общине: «В его небольшую квартирку часто хаживает сам домохозяин, причём ведёт себя там как младший, а не как старший» [7, с. 68]. Так называемые «пророчества» хлыстовских и скопческих лидеров, как указывает исследователь секты хлыстов, современник Достоевского И. М. Добротворский, часто произносились от лица Бога: считалось, что в этот момент через «пророка» действует Святой Дух, притом, «что бы он ни делал, он творит волю св. Духа» [8, с. 78]¹³. «Никакая сила, –

практически все исследователи – религиоведы и историки – обращавшиеся к теме хлыстовства в XIX–начале XX вв., отмечали «разврат, не разбирающий ни возраста, ни уз родства», характерный для хлыстовских общин (см. напр.: Мельников П. И. (Андрей Печерский) Белые голуби // Мельников П. И. Собрание сочинений в 6-ти тт. Т. VI. М.: Правда, 1963. С. 287, 314). Или, как отмечает И. М. Добротворский, «держась, например, общего правила – хранить целомудрие, они и особенно пророки их, весьма часто предаются гнусному разврату, и никто из последователей высших разрядов секты не видит в том противоречия учению» [8, с. 66].

¹³ Орфография сохранена. – Т. К.

отмечает исследователь, – не в состоянии уверить их, что в них действует не Дух Святой, что они не свободны от грехов» [8, с. 78]. Всё это открывает для так называемого «пророка» огромный простор для манипуляций людьми, верящими в его силу, и для достижения своих целей. Притом по сути колдовство Мурина и его «прорицательство» как вожака хлыстовской общины – это фактически одно и то же. Один из самых крупных специалистов по сектам и расколу середины XIX в. А. П. Щапов ведёт происхождение хлыстовских «пророков» от славяно-чудских колдунов («волхвов»): «...древнерусские, чудско-славянские волхвы и кудесники поддерживали в массе народной даже и те элементы языческого богослужения, какие потом вошли в состав молений и радений “людей божиих”. ... В массе народной искони поддерживалась привычка к сборищам и к оргиям, к сборищам, сопровождавшимся песнями, хороводными плясками, мирскими обедами или братскими складчинами и пиршествами и даже “свальным грехом”. Секте “людей божиих” оставалось только дать всем этим религиозно-языческим сборищам догматическую форму и санкцию своих моленных сборов и радений» [22 с. 594–595]. Хлыстовские «пророки» и «пророчицы», по наблюдению исследователя, предсказывали урожай или неурожай, «удачи и неудачи разных промыслов» и т. д., ничем не отличаясь от обычных деревенских колдунов. Если для традиционного христианства сочетание веры в Бога, участия в церковных службах и оккультизма (колдовства, гаданий и т. д.) абсолютно неприемлемо, то для хлыстовства это было вполне типичным явлением.

Не противоречит принадлежности героев к хлыстовству и эпизод первой встречи Ордынова с ними в православной церкви. Как отмечает О. Г. Дилакторская, «...Раскольники ... тайных сект нередко значились прихожанами официальных православных храмов. Как правило, они делали богатые пожертвования, чем объясняется почтительное и даже заискивающее отношение к ним со стороны священнослужителей» [7, с. 64]. О маскировке представителей запрещённых сект под православных и введение духовенства в заблуждение было известно и исследователям XIX в., обращавшимся к теме хлыстовщины. Так, П. И. Мельников-Печерский, сам по долгу службы занимавшийся делами раскольников и писавший впоследствии очерки о сектах на основе собранного им при «полевых исследованиях» материала, отмечает: «... Хлысты, фарисеи, скопцы, лазаревщина без всякого принуждения ходят в православную церковь и исполняют все христианские обязанности ещё гораздо усерднее православных, считая это, впрочем, ничего не значащим обрядом и поступая так единственно с целью отвлечь от себя подозрение в сектаторстве; было много примеров, что опытные ... священники чрез несколько десятков лет так искусно были обманываемы наружным благочестием этих еретиков, что считали их самыми усерднейшими сынами православной церкви»¹⁴. На ту же особенность в поведении сектантов

¹⁴ Мельников П. И. (Андрей Печерский) Письма о расколе // Мельников П. И. Собрание сочинений: в 6 т. Т. VI. М.: Правда, 1963. С. 251.

указывает и И. М. Доброворский: «Эти еретики, обязанные страшными клятвами скрывать от православных все касающееся их секты, нередко почитаются за лучших христиан даже самими священниками» [8, с. 102]. В эпизоде в церкви Мурина и Катерине навстречу выходит и кланяется даже не священнослужитель, а церковнослужитель: «Церковнослужитель, последний оставшийся в церкви, поклонился старику с уважением; тот кивнул ему головою»¹⁵. Это мог быть пономарь или дьячок, принявший Мурина и Катерину за знатных господ, либо уже знающий Мурина и его авторитет в округе. Здесь обращает на себя внимание странное поведение Мурина: он заходит в церковь не как прихожанин, а как «хозяин» – подводит Катерину к образу Богородицы, накрывает её голову покровом, и Катерина рыдает. Происходит что-то, напоминающее исповедь – покров накрывает голову Катерины, как будто священническая епитрахиль во время исповеди – таким образом, Мурин «присваивает» себе право отпускать грехи. Во второй раз, когда Ордынцов встречает Катерину в церкви во время вечерни, Мурина там нет – он появляется, когда Катерина уже выходит из церкви, и уводит её за собой. Действительно, зачем Мурина ходить в церковь, если он фактически считает себя непогрешимым и ставит себя на место Бога? Абсолютная власть лидера и наделение его фактически божественной властью – типичный признак секты как в XIX в., так и в наши дни. Так, на-

пример, П. И. Мельников-Печерский делает следующее наблюдение: «непогрешимость папы, божественность далай-ламы, хутухт и хубильханов ничто в сравнении с непогрешимостью и божественностью хлыстовского или скопческого христа или пророка!»¹⁶ «Руководители сект способны безгранично манипулировать своими адептами, полностью контролировать их жизнь, располагать их временем, отдавать им любые приказы, накладывать на них любые обязательства» [10, с. 144], – указывает уже современный учёный религиовед И. В. Иванишко, с которым согласен А. А. Воат: «Попадая в секту, человек может систематически подвергаться избиениям, унижениям, обману, утрачивает интерес к своей семье, к общественной жизни, вплоть до реализации суицида. ... В отношении многих деструктивных сект можно говорить о психическом насилии над гражданами: принуждение к разрушению семьи, к безвозмездной работе на организацию, публичное унижение, оскорбление членов группы» [3, с. 241–242].

Возвращаясь к образу Мурина, следует отметить, что гадание и предсказательство – далеко не главные его злодеяния. Мы не знаем в точности, чем занимался Мурин ранее: на это содержатся лишь намёки, однако по ряду эпизодов можно сделать некоторые предположения. Так, например, после убийства родителей Катерины (об этом ниже) и увоза её из родительского дома он на год оставляет свою жену-

¹⁵ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 268.

¹⁶ Мельников П. И. (Андрей Печерский) Белые голуби // Мельников П. И. Собрание сочинений: в 6 т. Т. VI. М.: Правда, 1963. С. 281 (орфография сохранена. – Т. К.)

дочь¹⁷ у некоей «названной матушки», когда уезжает для чего-то с товарищами «вниз по реке»¹⁸. Отметим, что наличие у Мурина «названной матушки» является ещё одним признаком, иллюстрирующим его принадлежность к хлыстовству – хлысты так называемое «духовное» родство ставили выше родства по плоти. Для чего он уезжает «вниз по реке» – он Катерине не рассказывает, скорее всего потому, что цель поездки, с учётом того, что тогда же «разбойником и душегубцем» называет его Алёша, вряд ли связана с честной торговлей. Ярослав Ильич же сообщает Ордынову, что Мурин ранее был «очень богат» и жил торговлей, однако с учётом слов Алёши, а также преступлений Мурина, описанных в тексте, мы понимаем, что торговля – лишь прикрытие его криминальной деятельности.

Преступления лидеров хлыстовских объединений неоднократно оказывались в поле зрения исследователей сект, современников Достоевского, – историков и религиоведов. Вкус власти давал самозванцу ощущение безнаказанности. Так, И. М. Добротворский указывает на то, что любые аморальные или даже преступные деяния хлыстовского «пророка» оправданы «высшей идеей» (чем не теория

Раскольникова?): «Пророк людей божиих ... что ни делает и что ни говорит, хотя бы дела его были самые предосудительные и мерзкие и слова богохульные, ему уже не вменяется в грех и не подлежит ответственности. ... “Хотя я с писанным законом творю несходно, – говорит пророк людей божиих, – но с волею Божиею сходно, потому что это я не своей волей сие творю. ... Стало быть, Бог строит обо мне что-нибудь особенное”» [8, с. 82].

Главное же преступление, являющееся композиционным центром повести, «стягивающим», по словам Е. Ю. Сафроновой, «все другие планы повествования», – это, безусловно, убийство родителей Катерины и – через год – вероятное убийство её жениха и друга детства Алёши. Катерина путано рассказывает Ордынову, как в роковую ночьпустила Мурина в дом, с тем чтобы он убил её законного отца и мать – свою «старую любовь». Зависимость от Мурина матери Катерины и соперничество матери и дочери придаёт ещё большую трагичность сюжету повести и ещё более ужесточает и демонизирует образ Мурина. Сюжет убийства родителей Катерины прослеживается вполне очевидно: на Мурине обгоревший кафтан, и люди кричат, что отец Катерины упал в котёл; Катерина слышит крик под её светлицей, «слабый, словно ребёнок вскрикнул» (мать Катерины лежала больная – «третьи сутки на смертной постели лежит»¹⁹), а когда они убегают с Муриным, она видит, что у него руки в крови. «Руки

¹⁷ В повести содержится намёк на то, что Мурин – настоящий отец Катерины. Её мать («старая любовь» Мурина), разгневавшись, говорит Катерине: «Уж я скажу ему (своему законному мужу. – Т. К.), чья ты дочь, беззаконница!» (Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 296).

¹⁸ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 300.

¹⁹ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 297.

в крови, моя родимая? а ваших собак порезал, разлаялись больно на позднего гостя»²⁰, – такое объяснение даёт Мурин, однако Катерине-то как раз всё понятно. Неоднократно она повторяет Ордынову, что она «родную мать загубила», называет себя «душегубкой», «окаянной дочерью». Неспроста ещё в начале повести Ордынов предполагает, что слёзная молитва Катерины связана с преступлением: «слёзы опять катились и сохли на горячих щеках её, как будто омывая какое-нибудь страшное преступление»²¹. Рассказ Катерины о возможном убийстве Алёши не закончен, и читатель сам додумывает, что произошло в лодке. Но, учитывая особое внимание, которое в её рассказе придаётся буре (несколько раз она повторяет, что на реке была буря и «от берега мы с версту отъехали»), читатель предполагает, что, скорее всего, старик столкнул Алёшу в реку, и тот погиб. Катерина же всё это время молчит: «Я слова моего не сказала тогда», то есть молчаливо соглашается с деянием Мурина, который фактически спрашивает её согласия на преступление: «...так вот теперь в лодке нам тяжело. Уж не пришло ли чье время? Скажи, родная, скажи, голубица, проворкуй нам по-голубиному своё слово ласковое...»²². Впрочем, возможна и другая версия: Алёша сумел доплыть до

берега, и дело стало известно органам правопорядка. Ярослав Ильич рассказывает, по-видимому, ту же историю Алёши, но в другой интерпретации: «Говорят, что в болезненном припадке сумасшествия он посягнул на жизнь одного молодого купца, которого прежде чрезвычайно любил. Он был так поражён, когда очнулся после припадка, что готов был лишиться себя жизни: так по крайней мере рассказывают. Не знаю наверное, что произошло за этим, но известно, что он находился несколько лет под покаянием»²³. Церковное покаяние по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных было предусмотрено за ряд преступлений небольшой тяжести или неосторожных преступлений, в частности за причинение смерти по неосторожности, или применялось как дополнительное наказание за умышленные преступления. Поскольку Ярослав Ильич не упоминает о ссылке или каторге Мурина, мы понимаем, что, вероятно, воспользовавшись своими связями и ловко симитировав болезненное состояние, он за посягательство на жизнь отделался лишь церковным покаянием.

Саму Катерину Е. Ю. Сафронова совершенно справедливо называет «и соучастницей, и жертвой» преступления. Действительно, по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Катерина является соучастницей деяний Мурина. Так, согласно ст. 16 Уголовного Уложения 1845 г., к соучастию относились «прикосновенные к преступлению» деяния: «попустительство» и «укрывательство

²⁰ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 298.

²¹ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 270.

²² Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 301.

²³ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 286.

преступления»: «...Из прикосновенных к делу и преступлению признаются: попустителями – те, которые, имев власть и возможность предупредить преступление, с намерением или по крайней мере заведомо допустили содеяние оно; укрывателями – те, которые, не имев никакого участия в самом содеянии преступления, только по совершении уже оно заведомо участвовали в сокрытии или истреблении следов его, или же в сокрытии самих преступников ...»²⁴. Исходя из этого, в случае с убийством родителей деяние Катерины квалифицировалось бы как укрывательство, в случае же с возможным убийством Алёши – как попустительство. Таким образом, вся, казалось бы, «таинственная» власть старика «над бедным, разорванным сердцем»²⁵ строится на запугивании Катерины и её соучастии в преступлении Мурина. Неудивительно, что, убедив в своих «сверхспособностях» людей, приходящих к нему, и даже полицейского, Мурин не оставляет сомнений в своей мистической власти и в душе Катерины, убеждая её в том, что будет властвовать над ней как в земной жизни, так и после смерти: «Он говорит, ... что когда умрёт, то придёт за моей грешной душой»²⁶. Таким образом, эпизод в церкви с покрыванием головы Катерины, так поразив-

ший Ордынова, приобретает ещё более кощунственный смысл: Мурин сам толкает Катерину на преступление, и он же как бы «отпускает» ей грехи. Действительно, Мурин по отношению к Катерине берёт на себя роль и отца, которым он, возможно, на самом деле является, и мужа, и священника, и самого Бога – именно такова абсолютная власть сектантского лидера.

В финале повести оказывается, что дом Кошмарова представлял собой «целую шайку воров, притон», в котором действовали «контрабандисты, мошенники всякие»²⁷. Вспомним, что ещё во время болезненного сна Ордынова в начале повести, когда он только поселился в доме Кошмарова, он «догадывался, что забрёл в какой-то тёмный, злодейский притон»²⁸. Начальником шайки, по словам Ярослава Ильича, оказался хозяин дома, сам Кошмаров, «богомольный, почтенный с виду...»²⁹. «Судите после этого о всем человечестве! ... Не нелепо ли это-с?» – восклицает Ярослав Ильич. Однако, учитывая, что Кошмаров боится старика-колдуна, можно сделать вывод, что руководил шайкой именно Мурин. Кошмаров же, скорее всего, сыграл роль подставного лица, поплатившегося за преступление Мурина, который в очередной раз вышел сухим из воды: за три недели

²⁴ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Варшава: W drukarni Kommissyi Rządowej Sprawiedliwości, 1847. С. 12–14.

²⁵ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 311.

²⁶ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 293.

²⁷ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 320.

²⁸ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 279.

²⁹ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 320.

до раскрытия преступной деятельности «притона», видимо, вовремя предупреждённый, он успел скрыться, увезя с собой Катерину. Важно отметить, что на «уголовные связи и тёмное прошлое» Мурина обращал внимание ещё Г. М. Фридлиндер³⁰. Вызывает недоумение, что современные исследователи нередко оставляют без внимания эту сюжетную линию при анализе повести.

Итак, Мурин добивается своей власти и безнаказанности удержанием окружающих в состоянии страха, основанного на вере в действенность его магических ритуалов. В силу той власти, которой он наделяет себя, никто (ни Катерина, ни Кошмаров, ни Ярослав Ильич) не подвергают сомнениям его «слово». Фактически фе-

номен безграничной власти лидера сектантской общины и ведёт к преступлениям. В повести «Хозяйка» впервые поставлена проблема власти и манипулирования религиозными чувствами, которая в дальнейшем будет развита в «Поэме о Великом Инквизиторе» в «Братьях Карамазовых» (см. об этом: [1, с. 217; 16, с. 257]). В отличие, например, от Мельникова-Печерского, Достоевский не показывает секту как социальную проблему и картины жизни сектантов, да и не ставит перед собой такой задачи, но он ухватывает главное: вседозволенность лидера секты, неизбежно ведущую к криминалу.

*Статья поступила в редакцию
11.04.2019 г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Бем А. Л. Достоевский – гениальный читатель // Вокруг Достоевского: в 2 т. Т. 1. О Достоевском: Сборник статей под редакцией А. Л. Бема. М.: Русский путь, 2007. С. 206–218.
2. Виноградов В. В. О художественной прозе // Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. С. 56–283.
3. Воат А. А. Деструктивные тоталитарные культы (на примере «Ашрама Шамбалы») // Научный альманах. 2018. № 4-2 (42). С. 240–242.
4. Волгин И. Л. Родиться в России. Достоевский и современники: жизнь в документах. М.: Книга, 1991. 607 с.
5. Гольдинер В. Д. Проблема правосудия в творчестве Ф. М. Достоевского (К 140-летию со дня рождения) // Советская юстиция. 1961. № 22. С. 16–18.
6. Голяков И. Т. Суд и законность в художественной литературе. М.: Государственное изд-во юридической литературы, 1959. 360 с.
7. Дилакторская О. Г. Скопцы и скопчество в изображении Достоевского (К истолкованию повести «Хозяйка») // Philologica. 1995. Т. 2. № 3/4. С. 59–84.
8. Добротворский И. М. Люди божии. Русская секта так называемых духовных христиан. Казань: Университетская типография, 1869. 200 с.
9. Зорина Е. С. Сравнительно-сопоставительный анализ двух женских образов Ф. М. Достоевского и А. Н. Островского // В поисках слова. Открытия минувшего: объединённый выпуск филологов и историков: сборник научных работ студентов, магистрантов и молодых учёных. Вып. 2. / сост. и отв. ред. И. Н. Райкова. М.: МПГУ, 2016. С. 148–153.

³⁰ Примечания к повести «Хозяйка» // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 508.

10. Иванишко И. В., Кулыгин В. В. Противодействие деструктивным культам в Дальневосточном регионе // *Власть и управление на Дальнем Востоке*. 2008. № 2 (43). С. 139–146.
11. Истомин К. К. Из жизни и творчества Достоевского в молодости (введение в изучение Достоевского) // *Творческий путь Достоевского: сборник статей / под ред. Н. Л. Бродского*. Л.: Издательство «Сеятель», 1924. 216 с.
12. Карлова Т. С. Достоевский и русский суд. Казань: Изд-во Казанского университета, 1975. 163 с.
13. Карпачева Т. С. «Хлыстовский след» в повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка» // *Достоевский и мировая культура. Альманах № 34*. СПб.: Серебряный век, 2016. С. 30–39.
14. Котельников В. А. Преступление у Достоевского // *Достоевский и мировая культура. Альманах № 35*. СПб.: Серебряный век, 2017. С. 9–33.
15. Криницын А. Б. Сюжетология романов Ф. М. Достоевского. М.: МАКС Пресс, 2017. 456 с.
16. Мочульский К. В. Гоголь. Соловьёв. Достоевский. М.: Республика, 1995. 606 с.
17. Недзвецкий В. А. Право на личность и её тайну («Бедные люди» и «Слабое сердце» Ф. М. Достоевского) // Недзвецкий В. А. Статьи о русской литературе XIX–XX веков. Научная публицистика. Воспоминания. Нальчик: ООО Тетраграф, 2011. С. 313–332.
18. Параккини Л. Вопросы юриспруденции и творчество Достоевского. СПб.: Серебряный век, 2004. 154 с.
19. Реизов Б. Г. «Хозяйка» Ф. М. Достоевского (к проблеме жанра) // *Русская литература*. 1976. № 1. С. 144–148.
20. Сафронова Е. Ю. Дискурс права в творчестве Ф. М. Достоевского 1846–1862 гг. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2013. 182 с.
21. Шерварлы М. Г. Философия владычества в повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка» // *Достоевский и современность. Материалы XXVIII Международных Старорусских чтений (23–26 мая 2013 г.)*. Великий Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 2014. С. 290–296.
22. Шапов А. П. Умственные направления русского раскола // *Сочинения А. Шапова: в 3 т. Т. 1*. СПб.: Издание М. В. Пирожкова, 1906. С. 580–647.
23. Щенников Г. К. Суд и правосудие в «Братьях Карамазовых» и идеалы Достоевского // *Русская литература 1870–1890 гг. Сб. 7*. Свердловск, УрГУ, 1974. С. 34–49.

REFERENCES

1. Bem A. L. [Dostoevsky is a brilliant reader]. In: *Vokrug Dostoevskogo: v 2 t. T. 1. O Dostoevskom: Sbornik statei pod redaktsiei A. L. Bema* [Around Dostoevsky: in 2 vols. Vol. 1. On Dostoevsky: a Collection of articles edited by A. Bem]. Moscow, Russkii put' Publ., 2007. pp. 206–218.
2. Vinogradov V. V. [On fiction prose]. In: *Vinogradov V. V. Izbrannye trudy. O yazyke khudozhestvennoi prozy* [Selected works. On the language of fiction prose]. Moscow, Nauka Publ., 1980. pp. 56–283.
3. Voat A. A. [Destructive totalitarian cults (on the example of “Ashram Shambala”)]. In: *Nauchnyi al'manakh* [Scientific Almanac], 2018, no. 4-2 (42), pp. 240–242.
4. Volgin I. L. *Rodit'sya v Rossii. Dostoevskii i sovremenniki: zhizn' v dokumentakh* [Born in Russia. Dostoevsky and his contemporaries: a life in documents]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 607 p.

5. Goldiner V. D. [The problem of justice in the works of F. Dostoevsky (To the 140th anniversary of birth)]. In: *Sovetskaya yustitsiya* [Soviet justice], 1961, no. 22, pp. 16–18.
6. Golyakov I. T. *Sud i zakonnost' v khudozhestvennoi literature* [The court and the rule of law in fiction]. Moscow, Gosudarstvennoe izd-vo yuridicheskoi literatury Publ., 1959. 360 p.
7. Dilaktorskaya O. G. [Skoptsy and Skopchestvo in the Image of Dostoevsky (For interpretation of the story “The Mistress”)]. In: *Philologica*, 1995, vol. 2, no. 3/4, pp. 59–84.
8. Dobrotvorskii I. M. *Lyudi bozhii. Russkaya sekta tak nazyvaemykh dukhovnykh khristian* [The people of God. Russian sect of so-called spiritual Christians]. Kazan, Universitetskaya tipografiya Publ., 1869. 200 p.
9. Zorina E. S. [Comparative analysis of two female characters of F. Dostoevsky and A. Ostrovsky]. In: Raikova I. N., comp. and chief ed. *V poiskakh slova. Otkrytiya minuvshogo: ob"edinennyi vypusk filologov i istorikov: sbornik nauchnykh rabot studentov, magistrantov i molodykh uchenykh. Vip. 2* [In search of a word. The discoveries of the past: a combined issue of philologists and historians: a collection of scientific works of students, undergraduates and young scientists. Iss. 2]. Moscow, Moscow City University, 2016, pp. 148–153.
10. Ivanishko I. V., Kulygin V. V. [Counteraction to destructive cults in the Far Eastern region]. In: *Vlast' i upravlenie na Dal'nem Vostoke* [Power and administration in the East of Russia], 2008, no. 2 (43), pp. 139–146.
11. Istomin K. K. [From the life and work of Dostoevsky in his youth (an introduction to the study of Dostoevsky)]. In: Brodsky N. L., ed. *Tvorcheskii put' Dostoevskogo: sbornik statei* [Creative way of Dostoevsky: a collection of articles]. Leningrad, “Seyatel” Publ., 1924. 216 p.
12. Karlova T. S. *Dostoevskii i russkii sud* [Dostoevsky and Russian court]. Kazan, Izd-vo Kazanskogo universiteta Publ., 1975. 163 p.
13. Karpacheva T. S. [“Khlystovsky trace” in the story of F. Dostoevsky “The Mistress”]. In: *Dostoevskii i mirovaya kul'tura. Al'manakh. № 34* [Dostoevsky and world culture. Almanac. No. 34]. St. Petersburg, Serebryanyi vek Publ., 2016, pp. 30–39.
14. Kotelnikov V. A. [The crime of Dostoevsky]. In: *Dostoevskii i mirovaya kul'tura. Al'manakh. № 35* [Dostoevsky and world culture. Almanac. No. 35]. St. Petersburg, Serebryanyi vek Publ., 2017, pp. 9–33.
15. Krinitsyn A. B. *Syuzhetologiya romanov F. M. Dostoevskogo* [The plotology of the novels of F. Dostoevsky]. Moscow, MAKSS Press Publ., 2017. 456 p.
16. Mochul'skii K. V. *Gogol'. Solov'ev. Dostoevskii* [Gogol. Soloviev. Dostoevsky]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 606 p.
17. Nedzvetskii V. A. [The right to identity, and its secret (“Poor Folk” and “A Weak heart” by F. Dostoevsky)]. In: Nedzvetskii V. A. *Stat'i o russkoi literature XIX–XX vekov. Nauchnaya publitsistika. Vospominaniya* [Articles on Russian literature of the 19th–20th centuries. Scientific journalism. Memories]. Nalchik, Tetragraf Publ., 2011. pp. 313–332.
18. Parakkini L. *Voprosy yurisprudentsii i tvorchestvo Dostoevskogo* [Questions of jurisprudence and creativity of Dostoevsky]. St. Petersburg, Serebryanyi vek Publ., 2004. 154 p.
19. Reizov B. G. [“Mistress” by F. Dostoevsky (to the problem of the genre)]. In: *Russkaya literatura* [Russian Literature], 1976, no. 1, pp. 144–148.
20. Safronova E. Yu. *Diskurs prava v tvorchestve F. M. Dostoevskogo 1846–1862 gg* [The rights discourse in the works of F. Dostoevsky 1846–1862]. Barnaul, Altai State University Publ., 2013. 182 p.
21. Shervarly M. G. [The philosophy of domination in the story of F. Dostoevsky “Mistress”]. In: *Dostoevskii i sovremennost'.* *Materialy XXVIII Mezhdunarodnykh Starorusskikh chtenii (23–26 maya 2013 g.)* [Dostoevsky and modernity. Materials of 28th International Old-Russian

- readings (23–26 May 2013)]. Veliky Novgorod, Novgorodskii gosudarstvennyi ob"edinennyi muzei-zapovednik Publ., 2014. pp. 290–296.
22. Shchapov A. P. [Mental Directions of the Russian Schism]. In: *Sochineniya A. Shchapova: v 3 t. T. 1.* [Works by A. Schapov: in 3 vols. Vol. 1]. St. Petersburg: Izdanie M. V. Pirozhkova Publ., 1906. pp. 580–647.
23. Shchennikov G. K. [Court and justice in “The Brothers Karamazov” and the ideals of Dostoevsky]. In: *Russkaya literatura 1870–1890 gg. Sb. 7* [Russian literature of the 1870–1890s. Iss. 7]. Sverdlovsk, Ural State University Publ., 1974. pp. 34–49.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карпачева Татьяна Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета; доцент кафедры русской литературы XX в. Московского государственного областного университета;
e-mail: filology888@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana S. Karpacheva – PhD in Philological Science, Associate Professor at the Department of the Russian Literature of Institute of Humanities, Moscow City University; Associate Professor at the Department of the Russian Literature of the 20th century, Moscow Region State University;
e-mail: filology888@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Карпачева Т. С. Кошмар Кошмарова: секта и криминал в раннем творчестве Ф. М. Достоевского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 4. С. 99–112.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-99-112

FOR CITATION

Karpacheva T. S. Horror of Koshmarov: sect and crime in early works of F. Dostoyevsky. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 4. pp. 99–112.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-99-112

УДК 821.133.1-31“18”

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-113-120

ТИПОЛОГИЯ ГЕРОЯ В РОМАНАХ О ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1789 Г.

Литвиненко Н. А.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,**Российская Федерация*

Аннотация. Проблема героя как выразителя противоречий революционной эпохи, как носителя мифа, великой социальной утопии – справедливости, равенства и братства – доныне сохраняет научную актуальность и для историков, и для литературоведов. На основе методологии историко-типологического подхода в статье рассмотрены в качестве репрезентативных романы о французской революции 1789 г.: «Жозеф Бальзамо» А. Дюма, «93 год» В. Гюго, «Боги жаждут» А. Франса. Цель исследования – выявить типологическое родство главных героев, воплотивших центральную оппозицию добра и зла, насилия и милосердия в историческом и литературном дискурсе изображаемой эпохи. Анализируются метаморфозы, которым подвергаются гуманистические идеалы при столкновении с реальной жизнью. Исторические и вымышленные герои проходят испытание «историей». В каждом из романов возникает образ революции, «пожирающей своих детей», героический и трагический, включающий элементы десакрализации мифа.

Ключевые слова: революция, идеалы, террор, милосердие, народ, мифологизация, В. Гюго, А. Дюма, А. Франс

TYPOLOGY OF A CHARACTER IN THE NOVELS ABOUT THE FRENCH REVOLUTION OF 1789

N. Litvinenko*Moscow Region State University**24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. The problem of a character as a spokesman of the contradictions of the revolutionary era, as a bearer of a myth, of the great social utopia – justice, equality and fraternity – remains important for historians and literary scholars. The article examines the typology of a character basing on the analysis of representative novels about the revolution of 1789: “Joseph Balsamo” by A. Dumas, “Quatrevingt-treize” by V. Hugo, “Les Dieux ont soif” by A. France. The aim is to reveal the typological kinship of the main characters that embodied the central opposition of Good and Evil, Violence and Mercy in the historical and literary discourse of the depicted era. The authors of the article analyse the metamorphoses which happen to the humanistic ideals when they meet the real life. Historical and fictional characters are tested by History. In each of the novels there is the image of the Revolution, “devouring its children”, the heroic and tragic, which includes the elements of desacralization of the myth.

Keywords: revolution, ideals, terror, mercy, people, mythologization, V. Hugo, A. Dumas, A. France

Весь XIX в., как известно, «прошёл под знаком французской революции», она имела всемирно-историческое значение, знаменовала рождение новой эпохи, новой эпистемологической парадигмы, новых литературных направлений и жанров. Воздухом революции на протяжении всего столетия дышали многие поколения писателей, художников, политических деятелей, поэтов. Общественно-политические силы, участвовавшие в ней, были разнородны, их интересы были разнонаправлены. Законы, векторы развития оставались предметом бесконечных размышлений и дискуссий.

Революция (1789–1799), эпоха Наполеона (1799–1815) рождали катаклизмы и войны, напряжённую борьбу, полемику между различными идейно-политическими течениями – роялистами, либералами, республиканцами, якобинцами, жирондистами ... Осмысление катастрофического и великого опыта революционных событий заполняет всю романтическую историографию XIX века, накладывает отпечаток на процессы развития французского общества и культуры.

Центральными проблемами, волновавшими современников и поколения, пришедшие им на смену, были проблемы смысла истории, роли личности в истории, свободы и нравственного долга, случайности и закономерности, роли народных масс. На гребне поднимающихся волн эпоха рождала новых и новых лидеров, и закономерно: формирующийся романтизм выдвинул на первый план проблему героя, выражающего себя не в условных стратегиях классицизма или сентиментализма, а в контексте реальных событий, – незаурядную личность, бросающую вызов

судьбе, терпящую поражение в борьбе за свои идеалы или одерживающую нравственную победу. Эта проблематика заполняла жанр исторического романа, получала воплощение в мифологизированных образах исторических лиц, вымышленных героев, воплощающих личностную энергию свободного индивида и закономерности процессов исторического развития.

Предпринятое в данной статье сопряжение проблем литературного и историко-политического ряда отвечает запросам современного литературоведения, углубляет понимание социальной функции искусства, осмысление специфики ангажированности общественного и литературного сознания, обращающегося в XIX–начале XX вв. к событиям французской революции [8]. Проблема героя как выразителя противоречий революционной эпохи, как носителя мифа, великой социальной утопии – справедливости, равенства и братства – сохраняет научную актуальность.

Наша цель, – используя методологию историко-типологического подхода, исследовать типологию общественных исканий героя, выразителя авторской позиции, стремящегося в экстремально-революционных условиях преобразовать мир. Анализ специфики романного воплощения извечной драмы несовпадения личностных устремлений и результатов деятельности индивида позволяет осмыслить ценностную парадигму трактовки роли выдающейся личности в структуре романно-исторического нарратива. Адресуясь к широкой читательской аудитории, исторический роман о революции давал свои ответы на вечные

и насущные вопросы времени. Он воплотил в себе художественный синтез истории и литературы, направленный не на морализацию, а на проблематизацию возникающих в сцеплении, взаимодействующих смыслов.

Политическая реальность, этико-политическая проблематика закономерно и естественно в центре романов о Французской революции 1789 г., созданных на её родине в XIX–начале XX вв. Идеологические и социальные процессы, стремительное разрушение вековых традиций, войны, перекраивавшие карту мира, стали предметом актуальной научной и художественной рефлексии. Ценностные разломы революционной эпохи доныне привлекают внимание учёных. «Мне мерещится история Революции бесконечно долгая, уходящая далеко вниз по течению времён и заканчивающаяся не ранее конца XIX или даже начала XX века» [6], – пишет в 1978 г. французский историк Ф. Фюре. В романах, созданных в век революции, время течёт из прошлого в будущее, они передают драматизм идеологических, гуманистических исканий человечества на одном из трагических «перекрёстков» истории.

Помимо собственно исторических и политических причин, революционная эпоха привлекала романистов своим напряжённым драматизмом, трагизмом судеб участников событий, игрой страстей, возносивших героев к вершинам славы с тем, чтобы затем низвергнуть, погубить, отправить на гильотину.

Исторические романы о Французской революции многочисленны и разнообразны (Бальзак, А. Дюма, Э. Сю, В. Гюго, Барбе д'Оревиий, Эркман-

Шатриан, А. Франс и др.) [10]. В XIX в. они выдвигают на первый план проблему народа, революционного насилия, «проклятие долга», фигуру Героя, творца истории и её жертвы, и – как следствие – его нравственно-этическую победу или катастрофу, рисуют время трагическое, «созидательное и чудовищное» [10]. Нравственно-политическая проблематика разрабатывается с опорой на историцистскую парадигму понимания хода событий, на эстетические и этические представления о революции, понимание которой на каждом этапе исторического развития Франции – в 1789, 1794, 1815, 1830, 1848, 1851, 1871 гг. – переосмысливается, приобретает новую актуальность, вписывается в новый социополитический и социолитературный контекст [4; 6; 7; 9–11]. Столь глубоко освоенная в романтической историографии [3; 6], в трудах писателей и учёных (А. Тьер, Ф. Минье, О. Тьерри, Ж. Мишле, А. де Ламартин, Э. Кине, Луи Блан и др.) «реальность» сотрясавших Францию революционных катаклизмов интерпретировалась в соответствии с новым историческим опытом и исследовательской методологией, этическими и историческими взглядами авторов, формировала новое общественное и личностное сознание эпохи, стимулировала развитие литературных направлений и жанров.

Парадигма Героя, преломляющая общественно-политическую проблематику революции, по-разному воплощена в романтическом романе Гюго “*Quatrevingt-treize*” (1874), в реалистическом романе Франса “*Les Dieux ont soif*” (1912) в историко-приключенческой тетралогии А. Дюма (“*Joseph Balsamo ou les Mémoires d'un médecin*” (1846–1848); “*Le collier de la*

Reine" (1850); "Ange Pitou" (1850–1851); "La Comtesse de Charni" (1852–1855). Эти произведения в соответствии с авторскими жанрово-эстетическими стратегиями представляют инварианты трагического мифа о герое.

Гюго-романтик, поэт, автор «Возмездий», «Наполеона Малого», «Истории одного преступления», «Отверженных», в романе «Девяносто третий год», написанном после трагических событий Парижской коммуны, почти гротескно изображает политическую демагогию лидеров революционного террора, образы которых – Дантона, Робеспьера, Марата – почти карикатурны, и противопоставляет им неисторического героя, возвеличивает Говена, которого заслуженно казнят, но который, однако, завоёвывает в глазах повествователя и читателя высокий статус трагического Героя, «человека будущего». Нравственная доминанта его поступка – освобождение врага революции маркиза де Лантенака – оказывается выше политической целесообразности, но вынесена на романтической основе в будущее, в абстрактное пространство утопии¹.

В тетралогии А. Дюма, одного из создателей французской популярной исторической романистики XIX в., соотнесены неотвратимый ход истории, в которой участвуют массы, и «творец»

истории – авантюрист, масон, якобы владеющий тайнами мистического знания, – Жозеф Бальзамо. Этот герой, как и его прототип (Калиостро), окружён ореолом вымысла, его политическая миссия – подготовка революции во Франции – представлена в потоке эффектных, увлекательных, окрашенных тайной приключений, случайностей и событий. Наделённый ореолом байронической исключительности, герой-демиург по мере развёртывания сюжета постепенно бытовизирован, «клишируется», образ приобретает ироническую окраску, и положительная ценностная функция Героя переходит к носителю дворянской чести, к де Шарни, который верен своему сословному долгу, и к представителю третьего сословия – республиканцу Жильберу. В процессе эволюции этот персонаж приобретает масштаб не менее весомый, чем «творец истории» Бальзамо. Логике событий, влекущих дворянскую монархию к катастрофе, противопоставлен собирательный образ великой Франции и её народа, одним из выразителей которого стал Жильбер. Структурирующую функцию выполняет миф и формирующая его позиция повествователя. Эстетическая проблематика, трактовка темы Героя подчинены законам поэтики романтизма.

Автор романа «Боги жаждут» подводит нравственно-политический итог многим тенденциям трактовки революционной темы в XIX в. во Франции. Как и большинство его предшественников, он сосредоточивает внимание на проблеме революционного террора в тот трагический момент истории, когда гильотина стала мощным катализатором общественных страстей и символом общественной справедливости.

¹ Роман Гюго стал предметом дискуссий в 2015, 2019 гг. (Université du Maine). См. подробнее: Epi-revue: Les Onze de Pierre Michon et Quatrevingt-Treize de Hugo [Электронный ресурс] // Fabula, la recherche en littérature: [сайт]. URL: https://www.fabula.org/actualites/epi-revue-journee-d-etudes-de-l-universite-du-mans-destination-des-classes-preparatoires-les_89460.php (дата обращения: 18.03.2019)

ности. Создатель социально-философских романов, сатирического романа «Остров пингвинов» (1908) выражает глубокий скепсис по поводу исторического прогресса, поступательного развития человечества. В романе «Боги жаждут» он рисует почти идеального Героя, носителя республиканских идей, художника, во имя революции отправляющего на гильотину «неблагонадёжных граждан», «врагов народа». В отличие от Говена, он представлен не в контексте военных битв, борьбы с контрреволюцией, не в гиперболизированных контрастах добра и зла, а в обыденном измерении. В то же время Гамлен – исключительный персонаж, с отчётливыми следами романтического генезиса. Человек искусства, наделённый инстинктом милосердия, самоотверженно преданный революции, он не «вписывается» в окружающий его социум, в общество, живущее по прагматическим законам, далёким от идеальных устремлений героя.

Он сам становится частью дискурса революции, нашедшего символическое воплощение в гильотине, ставшей признаком гуманизации и прогресса – «цивилизованного способа казни», «коллективной репрезентацией террора» [5, с. 10]. Писатель показывает, как в революционной Франции раскручивается спираль голода, спекуляций, корысти, неразумия, патриотизма, втягивая в свой круговорот всё новых и новых персонажей, принадлежащих к разным социальным слоям – аристократии, третьему сословию, революционному народу. Механизм насилия оборачивается против самого Гамлена, и он, как и его кумир – Робеспьер, – становится очередной жертвой террора. Романтический рок в романе

Франса уступает свою роль «фатализму истории», воплощённому в сознании фанатика-максималиста; уступает место закономерности общественной, психологической, социальной.

«Боги жаждут» – метафора, выражающая её абсолютный, неподвластный человеку общественный закон: ненависть разрушает нравственные традиции, деформирует сознание, психику людей, в результате вступает в действие императив кровавого возмездия. Они жаждут принести в жертву того, кто безжалостно сеял смерть во имя высшей цели – во имя революции и народа. Консолидирующее массу жертвоприношение отбрасывает её в доцивилизационное состояние дикости. Писатель показывает: механизм террора, насилия вызывает «эрозию морали» – идеалы революции: свободы, равенства, братства – окончательно перемещаются в пространство утопии. Писатель отдалённо предугадывает центральный мотив в новелле Ф. Кафки «В исправительной колонии», когда идеальный носитель ложно понятого долга оказался обречённым на самоуничтожение.

Исторические романы о французской революции конца XVIII – начала XIX вв. претендуют на «достоверность», создают картины революционных событий, мифологизируют историю, её Героев и антигероев. Они рисуют трагическую несовместимость высоких идеалов «Декларации прав человека и гражданина», сакральной утопии свободы с реальной жизнью; судьбу индивида, то ли вознесённого потоком событий к вершинам славы, то ли гибнущего под жерновами истории. Они содержат глубокий и актуальный для многих поколений опыт

осмысления феномена революции, процессов её мифологизации и демифологизации. В этих романах находят воплощение архетипы героев ушедших в прошлое эпох.

В разных модификациях жанра исторического романа, в творчестве писателей – и романтиков, и реалистов, и тех, кого исследователи относят к популярной литературе, – дискурс революции предстаёт в парадигме оппозиции добра и зла, где каждое из противоположных начал чревато иллюзией и самоотрицанием – на уровне социально-историческом и на уровне литературного мифа.

Французский исторический роман XIX–начала XX вв., изображая революцию 1789 г., не отрицал её грандиозного масштаба и значения, рисовал массовые сцены, картины событий, драматические коллизии, вписывал в них судьбы своих героев, всегда противопоставлял наделённым амбициями, манипулировавшим массами демагогам народ – наивный, заблуждающийся, страдающий, совершающий ошибки, жаждущий справедливости.

Искренне преданные идеалам революции, творцы истории, герои тоже не свободны от заблуждений. Парадокс и

закономерность в том, что и те, и другие, если они не манипуляторы-демагоги, типа Бальзамо, как правило, не могут избежать гильотины. Она выполняет функцию рока, подчиняясь железной логике революционного террора, гражданской войны. Она – трагический знак ценностных трансформаций, которые порождает революция, неизбежно «пожирающая своих детей». Образ революции приобретает масштаб великой утопии, в попытках воплотить которую гибнут идеальные и неидеальные герои французских исторических романов XIX–начала XX вв. Ангажированность авторов – не в отрицании социальных утопий, а в понимании их умозрительной природы, в запросе на глубокое понимание реальной жизни [1] при воплощении самых гуманных политических идей. Романы о Французской революции 1789 г. рисуют героическую и трагическую эпоху, десаκραлизуют мифы о её Героях, позволяют глубже осознать «метаморфозы феномена революционного сознания» [2] в историческом нарративе XIX–начала XX вв.

*Статья поступила
в редакцию 29.04.2019 г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Литвиненко Н. А. Документ и документальность в тексте и контексте французского исторического романа первой половины XIX века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 127–135.
2. Никишин С. В. Феномен революционного сознания и его исторические метаморфозы: дисс. ... канд. филос. наук. Воронеж, 2003. 213 с.
3. Реизов Б. Г. Французская романтическая историография. Л.: Издательство Ленинградского государственного университета, 1956. 536 с.
4. Реизов Б. Г. Французский исторический роман в эпоху романтизма. Л.: Гослитиздат, 1958. 569 с.
5. Смит Ф. Рассуждения о гильотине: карательная техника как миф и символ // Социологическое обозрение (электронный журнал). 2008. Т. 7. № 2. С. 3–23. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/30/1211833867/7_2_1.pdf (дата обращения: 09.09.2018).

6. Фюре Ф. Постигание Французской Революции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fedy-diary.ru/html/042012/24042012-04a.html> (дата обращения: 10.09.2018).
7. Compagnon A. Théorie de la littérature: la notion de genre. Cours de M. Antoine Compagnon. Douzième leçon: Genre, création, évolution [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fabula.org/compagnon/genre12.php> (дата обращения: 01.09.2018).
8. Hamel J.-F. Qu'est-ce qu'une politique de la littérature? Éléments pour une histoire culturelle des théories de l'engagement // Politiques de la littérature. Une traversée du XXe siècle français / dir. L. Côté-Fournier, É. Guay, J.-F. Hamel. Montréal, Presses de l'Université du Québec, coll. "Figura", 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.fabula.org/actualites/politiques-de-la-litterature_63422.php (дата обращения: 22.02.2019).
9. Maigron L. Le roman historique à l'époque romantique: essai sur l'influence de Walter Scott; 2 éd. Paris: Librairie Ancienne Honoré Champion, 1912. [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1079031/texteBrut> (дата обращения: 09.09.2018).
10. Ritz O. La fabrique romanesque de la Révolution française // Acta fabula. 2014. Vol. 16. No. 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fabula.org/acta/document9256.php> (дата обращения: 09.09.2018).
11. Roman M. Ce que la fiction fait à la Révolution (et inversement) // Acta fabula, 2018, vol. 19, no. 7 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fabula.org/revue/document11328.php> (дата обращения: 27.03.2019).

REFERENCES

1. Litvinenko N. A. [The document and the documentary text and the context of the French historical novel of the first half of the 19th century]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2016, no. 4, pp. 127–135.
2. Nikishin S. V. *Fenomen revolyutsionnogo soznaniya i ego istoricheskie metamorfozy: diss. ... kand. filos. nauk* [The phenomenon of revolutionary consciousness and its historical metamorphoses: PhD in Philosophical Sciences]. Voronezh, 2003. 213 p.
3. Reizov B. G. *Frantsuzskaya romanticheskaya istoriografiya* [French romantic historiography]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1956. 536 p.
4. Reizov B. G. *Frantsuzskii istoricheskii roman v epokhu romantizma* [The French historical novel in the age of romanticism]. Leningrad, Goslitizdat Publ., 1958. 569 p.
5. Smit F. [The arguments about the guillotine: the punitive technology as myth and symbol]. In: *Sotsiologicheskoe obozrenie (elektronnyi zhurnal)* [Russian Sociological Review (electronic journal)], 2008, vol. 7, no. 2, pp. 3–23. Available at: https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/30/1211833867/7_2_1.pdf (accessed: 09.09.2018).
6. Fyure F. *Postizhenie Frantsuzskoi Revolyutsii* [The comprehension of the French Revolution]. Available at: <http://www.fedy-diary.ru/html/042012/24042012-04a.html> (accessed: 10.09.2018).
7. Compagnon A. Théorie de la littérature: la notion de genre. Cours de M. Antoine Compagnon. Douzième leçon: Genre, création, évolution. Available at: <https://www.fabula.org/compagnon/genre12.php> (accessed: 01.09.2018).
8. Hamel J.-F. Qu'est-ce qu'une politique de la littérature? Éléments pour une histoire culturelle des théories de l'engagement. In: Côté-Fournier L., Guay É., Hamel J.-F., dir. *Politiques de la littérature. Une traversée du XXe siècle français*. Montréal, Presses de l'Université du Québec, coll. "Figura", 2014. Available at: http://www.fabula.org/actualites/politiques-de-la-litterature_63422.php (accessed: 22.02.2019).

9. Maigron L. Le roman historique à l'époque romantique: essai sur l'influence de Walter Scott; 2e éd. Paris: Librairie Ancienne Honoré Champion, 1912. Available at: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1079031/texteBrut> (accessed: 09.09.2018).
10. Ritz O. La fabrique romanesque de la Révolution française. In: *Acta fabula*, 2014, vol. 16, no. 4. Available at: <http://www.fabula.org/acta/document9256.php> (accessed: 09.09.2018).
11. Roman M. Ce que la fiction fait à la Révolution (et inversement). In: *Acta fabula*, 2018, vol. 19, no. 7. Available at: <http://www.fabula.org/revue/document11328.php> (accessed: 27.03.2019).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Литвиненко Нинель Анисимовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета;
e-mail: ninellit@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ninel A. Litvinenko – Doctor in Philological Sciences, Professor at the Department of Foreign Literatures, Moscow Region State University;
e-mail: ninellit@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Литвиненко Н. А. Типология Героя в романах о французской революции 1789 г. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 4. С. 113–120.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-113-120

FOR CITATION

Litvinenko N. A. Typology of a character in the novels about the French revolution of 1789. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 4. pp. 113–120.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-113-120

УДК 821 (091)

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-121-128

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ У. ПЕЙТЕРА

Макартецкая Ю. А.*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Целью статьи является анализ эстетических воззрений У. Пейтера. Автором показана степень изученности «пейтероведения»; предоставлена общая характеристика произведений писателя; дан очерк жизни и творчества; обозначены его эстетические воззрения. В основе используемой методологии лежит историко-литературный подход. В завершение исследования автор приходит к выводу, что новаторство Пейтера проявилось в отстаивании субъективного начала творчества и процесса художественного восприятия, а также определяет границы влияния автора на последующую литературу.

Ключевые слова: У. Пейтер, английский эстетизм, смерть, «Ренессанс: Очерки искусства и поэзии», роман «Марий Эпикурец: Его чувства и идеи»

AESTHETIC VIEWS OF W. PATER

Yu. Makartetskaya*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract. The article aims to analyze the aesthetic views of W. Pater. The degree of scrutiny of “paterology” is shown; a general description of the works and a sketch of the life and work of the author are given; his aesthetic views are highlighted. The methodology used is based on a historical and literary approach. At the end of the study, the author concludes that Pater’s innovation was manifested in upholding the subjective beginnings of creativity and the process of artistic perception, and also defines the boundaries of the author’s influence on the future of literature.

Keywords: W. Pater, English aestheticism, “The Renaissance: Studies in Art and Poetry”, “Marius the Epicurean: His Sensations and Ideas”, death

Темой предлагаемого исследования являются эстетические воззрения У. Пейтера (W. Pater, 1839–1894), виднейшего эссеиста и художественного критика поздневикторианской эпохи, оксфордского преподавателя и, без сомнения, главного теоретика движения эстетизма (англ. “aesthetic movement”).

Необходимость исследований в данной области представляется очевидной не только ввиду значимости данной фигуры для истории искусствovedческой и литературной мысли, но и, не в последнюю очередь, по причине неизученности всего связанного с Пейтером в российском литературоведении.

Так, исследования, посвящённые Пейтеру, сводятся к работам немногочисленных специалистов [2–5; 7] и учёных, которые, не занимаясь впрямую творчеством У. Пейтера, изучали его в контекстном плане и немало сделали для исследования сложных процессов, протекавших в английской культуре второй половины XIX в. [1; 6; 8]. Сверх того, мало что из написанного Пейтером переведено на русский язык: «Воображаемые портреты» (“Imaginary Portraits: A New Collection”, 1887), «Ребёнок в доме» (“Imaginary Portraits. I. The Child in the House”, 1878) со вступительной статьёй П. П. Муратова, «Ренессанс: Очерки искусства и поэзии» (“The Renaissance: Studies in Art and Poetry”, 1873). Библиография же зарубежных исследований о Пейтере значительно объёмнее (см., например: [9–15]). Сравнительно хорошо изученный аспект творчества Пейтера – принадлежащая ему концепция Ренессанса, пейтеровские экфрасисы, влияние Пейтера на О. Уайлда и отчасти метод его художественно-критического эссеизма. Число же специальных работ, посвящённых анализу его романа «Марий-эпикурец» (“Marius the Epicurean: His Sensations and Ideas”, 1885) или иных художественных произведений, в целом незначительно (например, см.: [9; 13]).

Как верно, на наш взгляд, отмечает Муратов, Пейтер принадлежит к тем писателям, которых почти невозможно по достоинству оценить по одному-единственному произведению: ему принадлежат сочинения, выполненные в самых разных жанрах, а также относящиеся к разным сферам гуманитарной специализации. К эссеистике Пейтера относятся: исследования об

английских поэтах (“Appreciations. With an Essay on Style”, 1889 / «Оценки. С приложением эссе о стиле»), об античной мифологии и античной скульптуре (“A Greek Studies: A Series of Essays”, 1895 / «Греческие очерки: Серия эссе»); кроме того, здесь следует назвать сборники, куда входят ранние работы об истории и природе искусства (“Miscellaneous Studies: A Series of Essays”, 1895 / «Очерки на разные темы: Серия эссе»). К собственно историко-культурным исследованиям Пейтера относятся его наиболее известное произведение – книга о Ренессансе (“Studies in the History of the Renaissance”, 1873, последующие издания под названием “The Renaissance: Studies in Art and Poetry”, 1877; 1888; новейший рус. пер. под названием «Ренессанс. Очерки искусства и поэзии». М., 2006) и работа о платонизме (“Plato and Platonism: A Series of Lectures”, 1893 / «Платон и платонизм: Серия лекций»).

Уолтер Хорейшо Пейтер родился 4 августа 1839 г. в Лондоне. Часто в отечественных исследованиях, посвящённых творчеству писателя, можно наблюдать транслитерацию его имени как «Патер». Также высказывалось мнение о его французском происхождении. Впрочем, французская родословная писателя никак фактически не подтверждена, как и то обстоятельство, насколько вправе и искренне Пейтер мог полагать своим предком французского живописца XVIII в. Жана Батиста Патэра (1695–1736), на чём настаивал, в частности, В. П. Головин, использовавший транслитерацию «Патер». К слову сказать, транслитерация фамилии другого знаменитого искусствоведа, оказавшего влияние на Пейтера, – Дж. Раскина

(для нас предпочтительнее), часто звучащая как «Рёскин», также является спорным вопросом в отечественном литературоведении.

Пейтер был вторым сыном в семье Ричарда Глоуда Пейтера, переехавшего жить в Лондон в начале XIX в. и занявшегося там медициной. Доктор Пейтер скоропостижно скончался, когда юный Уолтер был ещё в младенческом возрасте. Начальное образование он получил в Энфилдской средней школе. В 1853 г. Пейтера отправляют учиться в “King’s School” в Кентербери. В школьные годы ему довелось прочесть книгу Дж. Раскина «Современные живописцы» (1843, 1846, 1856, 1860), спровоцировавшую у него интерес к занятиям в области изучения истории западноевропейского искусства. После школы Пейтер проходит полный курс обучения в Куинз-колледж Оксфордского университета. После его окончания Пейтер остаётся в Оксфорде до конца своих дней и преподаёт здесь студентам философию, предпочитая всем прочим способам существования одинокую и спокойную жизнь преподавателя, писателя и учёного. У писателя были две старшие сестры – Эстер и Клара, всячески окружавшие его заботой и жившие вместе с ним до самой его смерти, произошедшей 30 июля 1894 г. В отношении Клары достойным внимания представляется то обстоятельство, что в 1899–1900 гг. она давала уроки древнегреческого языка В. Вулф, впоследствии отразившей не слишком удачливый опыт в эссе под названием «О незнании греческого» (“On Not Knowing Greek”).

В качестве дополнительной характеристики изучаемого нами автора приведём несколько высказываний о Пейтере, сделанных в разное время

видными историками литературы и выражающих, с нашей точки зрения, главное впечатление о нём: «... он был таким же смелым, как Ницше ... и только отличался своим выбором стратегий», – говорит У. Э. Баклер [10, р. 58]; «нечто неизмеримо большее видится нам в этом печальном, одиноким и сдержанном писателе, – какой-то цельный и благородный душевный тип, может быть, высшее и совершеннейшее воплощение западной души за много лет» [4, с. 3], – пишет П. П. Муратов; «проповедник новых эстетических идей ... один из самых талантливых критиков современной Англии», – так высказалась о писателе З. А. Венгерова в 1905 г. в своей статье о нём [2, с. 269]. На самом деле, Пейтер являет собой тот «диафанный характер», о котором сам Пейтер пишет в эссе «Прозрачность», вошедшем в состав книги о Ренессансе, – а именно тип, по утверждению Ф. В. Федчина [7, с. 53], «идеальной восприимчивости и идеальной чувственности», противоположный всякой революционности; только такой тип личности, по Пейтеру, способен, созерцая, найти ответы на вопросы: что такое красота, что прекрасное отличает от природы и, в конце концов, почему удовольствие от прекрасного и мысль о прекрасном являются, согласно правилам эстетизма, единственным верным вектором существования жизни человека.

Находясь одно время под влиянием другого знаменитого оксфордца – Раскина, основная идея которого может быть коротко представлена как «нравственное совершенствование людей через искусство», – Пейтер всерьёз заинтересовался итальянским искусством эпохи Возрождения и с течением

времени опубликовал ряд очерков, посвящённых творчеству великих мастеров. С 1869 г. эти очерки публиковались в виде статей в журнале "Fortnightly Review". В 1873 г. отредактированный автором текст был издан отдельной книгой под названием «Очерки по истории Ренессанса» ("Studies in the History of the Renaissance").

На формирование метода художественно-критического эссеизма, который активно используется в книге Пейтера о Ренессансе, повлиял жанр эссе, который возник и утвердился в своих правах в XVI в. благодаря М. Монтеню, его знаменитым «Опытам» ("Les essais"). Жанр эссе отличается: разнообразие тем, фрагментарность, преобладание прежде всего персональных суждений автора, нежели внутренней нити повествования, привлечение без разбора всех возможных средств аргументации и завораживающе блестящий литературный стиль. В Англии жанр эссе как особая форма повествования получает распространение начиная с XVII в. (Ф. Бэкон). Позже, в XIX в., эту форму письма можно встретить в литературном наследии Ч. Лэма и Т. Карлайла. Из недр эссеизма как определённого литературного жанра возник – неравнозначный ему, но безусловно близкий – эссеизм как метод исследования произведений искусства, в котором заложено своё собственное представление об искусстве, его роли, задачах и возможностях его изучения. Впервые указанный метод в своих очерках и эссе опробовал критик У. Хэзлитт (близкий друг Ч. Лэма)¹.

Согласно Пейтеру, цель и смысл человеческого существования заключается в том, чтобы жить интенсивно, осмысленно и полноценно; проживать наиболее яркие вспышки чувств, тонкие переливы образов, изящные жесты, насыщенные гаммой переживаний пейзажи, вызывающие экстатический восторг величественные философские системы. Даже опыт религиозного чувства, с точки зрения Пейтера, становится по-настоящему ценным и важным только тогда, когда он ввергает нас в вихрь высокого напряжения душевных сил, состояния ужаса или блаженства, страдания или наслаждения. Жизнь прекрасна, но только в том смысле, что всё, что не прекрасно, не является жизнью по существу. Отсюда следует императив полного подчинения чувству подлинно эстетического принципа нормативной морали и отвлечённой рациональности.

Взгляды, изложенные Пейтером в книге о «Ренессансе», способствовали его сближению с движением прерафаэлитов (Д. Г. Россетти, Дж. Э. Миллес, У. Х. Хант)². Так, например, Пейтер постулирует истинность тезиса Дж. Китса (1795–1821), что искусство как таковое существует ради собственной красоты; что искусство никак не подвластно ни влиянию внешних по отношению к нему нравственных категорий, ни перспективам какого-либо утилитарного назначения. Китс утверждал в заключении «Оды греческой вазе» (1819): "Beauty is truth, truth is beauty – that is all / Ye know on earth, and all ye need to know". Та же идея нашла своё вопло-

¹ См.: Зиновьева А. Ю. Чарлз Лэм // Уильям Шекспир: энциклопедия / сост. и научн. ред. И. О. Шайтанов. М.: Просвещение, 2015. С. 390–391.

² См.: Мосин И. Г. Прерафаэлизм: Большая иллюстрированная энциклопедия. СПб.: СЗКЭО, 2017. 208 с.

щение в творчестве прерафаэлитов. Пейтер называл «Прерафаэлитское братство» «эстетической школой в поэзии». Критика современности со стороны прерафаэлитов была связана с их сознательной ориентацией на культуру позднего, «дорафаэлевского» итальянского Средневековья (в их восприятии это, прежде всего, творчество Фра Беато Анджелико), – то есть культуру искренне религиозную, с одной стороны, и далёкую от «академизма», с другой. В 1868 г. в печати появляется эссе Пейтера «Эстетическая поэзия», посвящённое поэзии У. Морриса (1834–1896) и Д. Г. Россетти (1828–1882), в чьих стихах Пейтер «уловил» словесное воплощение идей художников-прерафаэлитов. В 1883 г. публикуется эссе Пейтера «Данте Гейбриэл Россетти», где последний признаётся создателем нового идеала в поэзии. В творчестве Д. Г. Россетти происходит соединение и слияние поэзии и живописи: свои картины он дополняет стихами, а стихи – картинами. Как отмечает А. П. Саруханян, главная особенность его картин – «совмещение в одной фигуре, в одном лице красоты мистической и чувственной. В девственной чистоте ощущается греховность, в бестелесности – эротичность» [5, с. 248]. Явным образом художники-прерафаэлиты предпочитали изображать женские прекрасные лица и тела, т. к. именно в них находили собственное понимание метафизической сути прекрасного. Помимо Д. Г. Россетти («Дом жизни: Цикл сонетов», 1881) и У. Морриса («Защита Гиневры», 1858), отстаивавших подобное видение красоты, участниками движения прерафаэлитов традиционно считаются: Э. Бёрн-Джонс, Дж. Э. Миллес,

У. Х. Хант, М. Браун, А. Хьюз, У. Крейн, Дж. У. Уотерхаус. Прерафаэлиты настаивали на том, что современный им так называемый Большой стиль, который восходит к академизму Дж. Рейнолдса (1723–1792), не соответствует истинному, с их точки зрения, пониманию смысла искусства. Раскин в письмах, опубликованных в газете «Таймс» (1851), обозначил концепцию прерафаэлитов как своеобразное возвращение к природе (“a return to nature”). Среди исследований Раскина, так или иначе связанных с движением прерафаэлитов, наиболее важными представляются: «Художественный вымысел: прекрасное и безобразное» (“Fiction: Fair and Foul”, 1880), «Английское искусство» (“The Art of England”, 1883), «Современные художники» (“Modern Painters”, 1843, 1846, 1856, 1860).

В 1885 г. в печати появился исторический и философский роман Пейтера «Марий-эпикурец: Его чувства и идеи», действие которого разворачивается в столице Римской империи во времена императора Марка Аврелия (2-я пол. II в. н. э.). В этом романе мы видим историю жизни некоего молодого римлянина, исповедующего поначалу эпикурейскую, а затем стоическую философию, но, в конечном счёте, обретающего свой идеал в нарождающемся и утверждающемся христианстве. В книге «Воображаемые портреты» и незавершённом романе «Гастон де Латур» (“Gaston de Latour: An Unfinished Romance”, 1896) Пейтер повествует о том, при каких обстоятельствах и каким именно образом люди самых разнообразных вкусов и нравов, воспитания и образования пытаются «приспособиться к жизни». В 1896 г. друг Пейтера литературный

критик Ч. Л. Шедуэлл осуществил публикацию первых семи глав романа о Гастоне. В 1995 г. Дж. Монсмен напечатал книгу – «Гастон де Латур: Пересмотренный текст», подвергнув новой редакции первые семь глав, а также оставшиеся шесть, которые Шедуэлл, апеллируя к их очевидной незавершённости, оставил в небрежности.

Тонкий, исполненный в полутонах, отчасти импрессионистский стиль и соответствующее ему тонкое художественное восприятие Пейтера оказали влияние не только на следующее за ним поколение британских эстетов, но и на многих искусствоведов Франции, Германии, России (П. П. Муратов, Ю. И. Айхенвальд и др.). Таким образом, влияние суждений Пейтера о природе искусства на становление английского эстетизма представляется бесспорным. Среди источников формирования его концепции можно назвать наследие романтизма и кьеркегоровский субъективизм эстетического желания.

Рассуждения Пейтера произвели сильное впечатление на таких современников, как, например, О. Уайлд, которого можно считать живым воплощением формулы эстетического, писательница Вернон Ли (автора многочисленных эссе об искусстве и мистических рассказов), с которой Пейтер вёл переписку на протяжении долгого времени, Э. Доусон, Л. Джонсон, Дж. Мур, О. Бёрдсли,

Дж. М. Хопкинс, а также на многих писателей XX в. (М. Пруст, Дж. Джойс). В сходном с Пейтером жанре «исторических» повествований работали после него, по нашему мнению, такие писатели, как А. Франс («Боги жаждут»), Д. С. Мережковский («Смерть богов: Юлиан Отступник»), П. П. Муратов («Герои и героини»).

Идеи «искусства для искусства», почерпнутые из работ Т. Гюте и Ш. Бодлера, благодаря Пейтеру, со временем трансформировались в концепцию эстетизма, которая нашла своё воплощение в творчестве наиболее значимых английских художников и поэтов конца XIX в. Новаторство Пейтера проявилось в отстаивании субъективного начала творчества и процесса художественного восприятия. Для Пейтера индивидуальное эстетическое чувство в отношении подлинного произведения искусства, переживание отдельных моментов чувственного восприятия приобретает характер сотворчества. Воображение, сохраняя в памяти красоту, тем самым способствует постижению истины. Ощущение красоты означает эмоциональное познание жизненной правды, заключённой в произведении искусства. Истина, чувственно зримая, – это красота, а безусловная красота есть истина.

*Статья поступила
в редакцию 25.06.2019 г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин Г. В. Эстетика Джона Рескина и английская литература XIX века. М.: Наука, 1986. 320 с.
2. Венгерова З. А. Валтер Пэтер // Венгерова З. А. Литературные характеристики. Книга вторая. СПб.: «Типо-Литография А. Э. Винеке», 1905. С. 267–277.

3. Головин В. П. Об Уолтере Патере, его творческом методе и книге «Ренессанс» // Патер У. Ренессанс. Очерки искусства и поэзии; пер. с англ. В. Д. Дажиной. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2006. С. 317–336.
4. Муратов П. П. Уолтер Патер // Патер У. Воображаемые портреты. Ребёнок в доме; пер. с англ. и вступит. ст. П. П. Муратова. М.: Издательство В. М. Саблина, 1908. С. 1–13.
5. Саруханян А. П. Эстетическое движение в Англии рубежа веков // Разрыв и связь времён. Проблемы изучения литературы рубежа XIX–XX веков / отв. ред. М. Ф. Надъярных, А. Ф. Кoffман. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 245–283.
6. Соколова Н. И. Творчество Данте Габриэля Россетти в контексте «средневекового возрождения» в викторианской Англии. М.: МГПУ, 1995. 168 с.
7. Федчин Ф. В. Формирование мировоззрения и творческого метода Уолтера Патера. Часть 2. Круг интеллектуальных и поэтических источников эссе «Прозрачность» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 15. Искусствоведение. 2016. № 3. С. 49–59.
8. Шестаков В. П. Английский акцент. Английское искусство и национальный характер. М.: РГГУ, 1999. 188 с.
9. Behlman L. Burning, Burial, and the Critique of Stoicism in Pater's *Marius the Epicurean* // *Nineteenth-Century Prose*. 2004. Vol. 31. No. 1. pp. 133–169.
10. Buckler W. E. *Walter Pater. The Critic as Artist of Ideas*. New York: New York University Press, 1987. 359 p.
11. Jones R. E. *Catching All Passions in His Craft of Will: Portraits and Pater in Oscar Wilde's "The Portrait of Mr. W. H."*: Thesis for the degree of Master of Arts. Richmond (VA): Virginia Commonwealth University, 2016. V+83 p.
12. Lee A. *The Platonism of Walter Pater*: DPhil dissertation. University of Oxford, 2012. 183 p.
13. Levey M. Introduction // *Pater W. Marius the Epicurean: His Sensations and Ideas (1885)* / ed. by M. Levey. London: Penguin Books, 1985. 314 p.
14. *Pater the Classicist. Classical Scholarship, Reception, and Aestheticism* / ed. by Ch. Martindale, S. Evangelista, E. Prettejohn. Oxford: Oxford University Press, 2017. 384 p.
15. Shuter W. F. *Rereading Walter Pater*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 176 p.

REFERENCES

1. Anikin G. V. *Estetika Dzhona Reskina i angliiskaya literatura XIX veka* [The aesthetics of John Ruskin and English literature of the 19th century]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 320 p.
2. Vengerova Z. A. [Walter Peter]. In: Vengerova Z. A. *Literaturnye kharakteristiki. Kniga vtoraya* [Literary characteristics. The second book]. St. Petersburg, "Tipografiya A. E. Vineke" Publ., 1905. pp. 267–277.
3. Golovin V. P. [About Walter Pater, his creative method and the book "Renaissance"]. In: *Pater W. Renessans. Ocherki iskusstva i poezii* [The Renaissance. Essays on art and poetry]. Moscow, Izdatel'skii dom Mezhdunarodnogo universiteta v Moskve Publ., 2006. pp. 317–336.
4. Muratov P. P. [Walter Pater]. In: *Pater W. Voobrazhaemye portrety. Rebenok v dome* [Imaginary portraits. The child at the home]. Moscow, Izdatel'stvo V. M. Sablina, 1908. pp. 1–13.
5. Sarukhanyan A. P. [Aesthetic movement in England at the turn of the century]. In: *Nad'yarnykh M. F., Kofman A. F., chief eds. Razryv i svyaz' vremen. Problemy izucheniya literatury rubezha XIX–XX vekov* [The gap and the connection of times. Problems of studying literature at the turn of the 19–20 centuries]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science Publ., 2017. pp. 245–283.

6. Sokolova N. I. *Tvorchestvo Dante Gabrielya Rossetti v kontekste «srednevekovogo vozrozhdeniya» v viktorskoj Anglii* [The works of Dante Gabriel Rossetti in the context of “medieval revival” in Victorian England]. Moscow, Moscow City Teacher Training University Publ., 1995. 168 p.
7. Fedchin F. V. [On the formation of Walter Pater world view and creative method. Intellectual and poetical sources of the essay “Diaphaneite”]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 15. Iskustvovedenie* [Vestnik of Saint Petersburg University. Arts], 2016, no. 3, pp. 49–59.
8. Shestakov V. P. *Angliiskii aktsent. Angliiskoe iskusstvo i natsionalnyi kharakter* [English accent. English art and national character]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1999. 188 p.
9. Behlman L. Burning, Burial, and the Critique of Stoicism in Pater’s Marius the Epicurean. In: *Nineteenth-Century Prose*, 2004, vol. 31, no. 1, pp. 133–169.
10. Buckler W. E. Walter Pater. The Critic as Artist of Ideas. New York, New York University Press Publ., 1987. 359 p.
11. Jones R. E. Catching All Passions in His Craft of Will: Portraits and Pater in Oscar Wilde’s “The Portrait of Mr. W. H.”: Thesis for the degree of Master of Arts. Richmond (VA), Virginia Commonwealth University, 2016. V+83 p.
12. Lee A. The Platonism of Walter Pater: DPhil dissertation. University of Oxford, 2012. 183 p.
13. Levey M. Introduction. In: Pater W. *Marius the Epicurean: His Sensations and Ideas (1885)*; ed. by M. Levey. London, Penguin Books Publ., 1985. 314 p.
14. Martindale Ch., Evangelista S., Prettejohn E., eds. Pater the Classicist. Classical Scholarship, Reception, and Aestheticism. Oxford, Oxford University Press Publ., 2017, 384 p.
15. Shuter W. F. Rereading Walter Pater. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1997. 176 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Макартецкая Юлия Александровна – аспирант кафедры истории зарубежной литературы Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: juliamauve@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuliya A. Makartetskaya – Postgraduate student at the Department of History of Foreign Literature, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: juliamauve@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Макартецкая Ю. А. Эстетические воззрения У. Пейтера // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 4. С. 121–128.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-121-128

FOR CITATION

Makartetskaya Yu. A. Aesthetic views of W. Pater. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 4, pp. 121–128.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-121-128

УДК 82

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-129-136

СВОЕОБРАЗИЕ ВОПЛОЩЕНИЯ «ДЕТСКОЙ» ТЕМЫ В РАССКАЗАХ «МАЛЕНЬКИЙ ГЕРОЙ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И «РОМАН» М. ГОРЬКОГО

Плющ В. Н.

*Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23, Российская Федерация*

Аннотация. Рассматривается образ ребёнка в рассказах «Маленький герой» Ф. М. Достоевского и «Роман» М. Горького. Цель исследования – прояснить вопрос о том, как понимаются Достоевским и Горьким «взрослые» эмоции ребёнка, в чём сходства и различия их трактовок писателями. В работе анализируются особенности рецепции детской психологии Достоевским и Горьким, специфика осмысления детского восприятия взрослых и «обратной связи» между ребёнком и взрослым. Делаются выводы о нарочитой простоте и ироничности горьковского повествования по сравнению с усложнённой эмоциональностью рассказа Достоевского, а также о том, что это два разных способа обратить внимание читателя на детскую душевную драму.

Ключевые слова: образ ребёнка, «детская» тема, сюжет, душевная драма, тема любви

SPECIFICS OF THE 'CHILD THEME' EXPRESSION IN THE STORIES BY F. DOSTOEVSKY ('THE LITTLE HERO') AND M. GORKY ('LOVE AFFAIR')

V. Plyushch

*Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
23 prospekt Gagarina, Nizhny Novgorod 603950, Russian Federation*

Abstract. The purpose of the study is to clarify how Dostoevsky and Gorky understand “adult” emotions of a child, and what are the similarities and differences between interpretations by the two writers. The paper analyzes the characteristics of the reception of child psychology by Dostoevsky and Gorky, the specifics of understanding children’s perception of adults and the two-way communication between the child and the adult. Conclusions are made about the deliberate simplicity and irony of Gorky’s narration in comparison with the complicated emotionality of the story by Dostoevsky, and also that these are two different ways to draw the reader’s attention to children’s mental drama.

Keywords: image of a child, «child theme», plot, emotional drama, the theme of love

«Детская» тема занимает значительное место в творческом наследии как Достоевского, так и Горького. Творческие взаимоотношения этих авторов уже в большой степени исследованы, этому посвящены, например, работы А. С. Мясникова [2], Е. Р. Матевосян [1], О. С. Сухих [6–8].

Но параллели в создании этими авторами образа ребёнка пока ещё не стали предметом активного изучения литературоведов, хотя и на данную тему есть некоторые работы [3; 7]. В данной статье речь пойдёт о рассказах «Маленький герой» Ф. М. Достоевского и «Роман» М. Горького, сравнением которых литературоведение пока ещё вплотную не занималось.

Оба писателя осмысливают детство как важнейший этап становления личности, в том числе внимание авторов привлекает момент зарождения в душе ребёнка взрослых эмоций, связанных с отношением к противоположному полу [4; 5; 9; 10]. Этот аспект «детской» темы объединяет рассказы «Маленький герой» Достоевского и «Роман» Горького.

В обоих произведениях раскрывается тема любви мальчика к взрослой женщине, и эта тема связана с изображением душевной драмы ребёнка.

Герой-рассказчик у Достоевского и Яшка у Горького объединены возрастом: 11 лет горьковскому персонажу и «без малого одиннадцать» – герою рассказа Достоевского. Это возраст, когда ребёнок ещё не может полностью осознать свою гендерную роль, но уже может почувствовать в себе мужское начало.

Объективные обстоятельства сталкивают героев со взрослыми женщинами, которые вызывают у них чувство влюблённости – детской, но глубоко эмоциональной и драматической. Яшка, оказавшись в больнице, видит сестру своего соседа по палате. Герой Достоевского отправлен родителями к родственникам, где встречает их гостью, m-me М (мадам М). Оба ребёнка, до тех пор не помышлявшие о любви, становятся ею

одержимы, образ красивой и недоступной женщины занимает все мысли, поглощает всю душу того и другого персонажа: «Часто по целым часам я как будто уж и не мог от неё оторваться; я заучил каждый жест, каждое движение её, вслушался в каждую вибрацию густого, серебристого, но несколько заглушённого голоса»¹, – вспоминает герой Достоевского, «Она ушла, – он остался как во сне и как во сне жил девять дней. Девять раз приходила она, и всё это время Яшка переживал бесконечно много неизведанных, сладко волновавших его душу ощущений»² – так описывает состояние героя Горький.

Общность сюжетной структуры произведений связана не только с эмоциями героев, но и с характером «обратной связи». На первый взгляд отношение женщины к подростку в этих двух произведениях различно. У Горького барышня интересуется жизнью Яшки, ведёт с ним беседы, давая этому заброшенному ребёнку радость. М-me М у Достоевского вначале, наоборот, не обращает внимания на героя, лишь после возвращения потерянного ей письма она целует мальчика в знак благодарности. Этот эпизод – кульминация: ребёнок понимает, что он удостоился внимания лишь потому, что принёс пользу своей возлюбленной. Он и рад, и расстроен, хотя до конца этого не понимает. Но в конечном итоге обе женщины не в состоянии в полной мере осознать и оценить первую любовь ребёнка, на-

¹ Достоевский Ф. М. Маленький герой // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 30 тт. Т. 2. Л.: Наука, 1972. С. 283.

² Горький М. Роман // Горький М. Собрание сочинений: в 25 тт. Т. 3. М.: Наука, 1969. С. 441.

чинающего испытывать взрослые чувства. Результатом становится горькое разочарование, душевная драма мальчика, вынужденного осознать, что чудо невозможно, что возможность видеть привлекающую его женщину больше не повторится, не случайно в обоих случаях мы видим усиление отрицания: «никогда», «ни разу»: «ни разу больше не видал уж её Яшка ...»³; «Я уже никогда более не встречался с нею»⁴. В обоих случаях описываются кратковременные отношения героя и героини, но они оказывают влияние на главных персонажей: заставляют их выйти за пределы привычного мира, научиться включить другого человека в сферу своих переживаний. Иными словами, можно говорить о своеобразной инициации, этапе превращения ребёнка в подростка, который начинает интуитивно ощущать в себе мужское начало, находясь рядом с женщиной.

Этот этап жизни является одним из самых значительных на пути взросления, и важно отметить, как сами герои его оценивают. Герой Достоевского в ипостаси взрослого рассказчика прямо никак не комментирует роль описываемых событий в своей жизни, начиная с лаконичного: «Было мне тогда без малого одиннадцать лет ...»⁵ и заканчивает тем, что после драматического эпизода с письмом больше не видел m-me М никогда. Таким об-

разом, мы можем только косвенно судить о глубоком следе событий в душе рассказчика, исходя из самого факта изложения их им и из подробного и эмоционального описания. Мы не узнаём ничего о том, как в дальнейшем сложилась его жизнь, как он потом оценивал влияние давней истории на свой характер и судьбу, но можем предполагать, что воспоминания о первой любви остались ему дороги и могли осмысливаться им как начало эмоционального взросления, ведь в рассказе он постоянно делает акцент на собственных переживаниях.

Горьковский же рассказ имеет эпилог, в котором изображён Яшка уже тридцатилетний, и он даёт оценку произошедшему. С одной стороны, когда он говорит об этом, его глаза горят «ясным, славным огнём», а подводя итог, он говорит о своей любви как о единственном светлом начале в своей неудавшейся и тяжёлой жизни. С другой же стороны, ему кажется, что без этой любви, возможно, и жизнь была бы легче, поскольку он не старался бы обрести мечту, не страдал бы от крушения надежд. Это живое противоречие между горечью неразделённого чувства и сладостью воспоминаний о нём воплощено в кратком монологе: «Только всего и было в моей жизни хорошего. А про неё вспоминать... приятно. Люблю я это. Хотя оно, может быть, ежели бы не она... ничего бы, жил я... А и то сказать – наплевать! Ну-е к чёрту... Как ни живи – умрёшь. Значит – всё равно. А как она была – есть про что вспомнить...»⁶. Спустя много лет

³ Горький М. Роман // Горький М. Собрание сочинений: в 25 тт. Т. 3. М.: Наука, 1969. С. 442.

⁴ Достоевский Ф. М. Маленький герой // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 30 тт. Т. 2. Л.: Наука, 1972. С. 295.

⁵ Достоевский Ф. М. Маленький герой // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 30 тт. Т. 2. Л.: Наука, 1972. С. 268.

⁶ Горький М. Роман // Горький М. Собрание сочинений: в 25 тт. Т. 3. М.: Наука, 1969. С. 444.

история первой любви не стёрлась из памяти героя, хотя его тяжёлая жизнь могла затмить воспоминания. Можно предположить, что герой не забыл свою «избранницу» именно потому, что воспринимал её образ по контрасту к повседневности, к бессмысленной и трудной жизни.

Системы образов произведений различны. В рассказе «Маленький герой» создан «фон» происходящего: в доме родственников «маленького героя» – множество гостей, а самой m-me М противопоставляется некая блондинка, которая донимает героя. В рассказе Горького нет других женских персонажей (исключая тётку Яшки, но этот образ помогает раскрыть условия формирования характера героя), и внимание читателя сконцентрировано на безымянной героине. Это различие подчёркивает разницу в образе жизни героев и их круге общения: у Достоевского в окружении героя есть несколько девушек, женщин, но выделяет он лишь m-me М. Яшка же, напротив, целыми днями находится среди рабочих, живёт среди голытьбы – возможно, поэтому он обращает внимание на первую же встреченную им барышню, которая отличается и красотой, и добротой. Будь на её месте другая, проявляющая заботу и сочувствие, Яшка бы, скорее всего, отметил её точно так же: для него слишком необычно и ценно уже то, что с ним нежно и ласково разговаривают. В случае же с героем Достоевского можно говорить о закономерности проявления внимания именно к m-me М: ребёнка заинтересовали её личность, поведение.

Есть различие и в концепциях образов главных героев. В рассказе Достоевского изображён ребёнок рефлектирующий, пытающийся ос-

мыслить собственные чувства и отношение к m-me М. Он анализирует её поведение, свои ощущения от её поступков; понимает, когда она хочет побыть в одиночестве, её чувства в момент возвращения письма – именно поэтому он притворяется спящим: «Некоторое время m-me М смотрела, немая от изумления ... и, казалось, не верила глазам своим... Вдруг она покраснела, вспыхнула и взглянула на меня. Но я уже перехватил её взгляд и крепко закрыл глаза, притворяясь спящим; ни за что в мире я бы не взглянул теперь ей прямо в лицо»⁷.

Герой горьковского рассказа поглощён лишь желанием чувствовать нежную заботу со стороны барышни, он не осмысливает характер их отношений, не ощущает никакого несоответствия между своими ожиданиями и реальными законами жизни. У него не возникает вопроса о том, почему барышня должна приходить именно к нему, чем он мог привлечь её внимание. Он ждёт смерти её брата, не задумываясь о её чувствах, упорно ищет барышню, не думая о том, что может принести в реальности его встреча с ней. Этим героем руководит лишь безотчётное желание вернуть те минуты, когда он чувствовал себя счастливым рядом с красивой и ласковой девушкой.

Взаимоотношения героя Достоевского с m-me М строятся на его стремлении защитить её от неприятностей, сделать что-то ради её радости и спокойствия – он в определённом смысле покровительствует ей. У Горького же герой стремится сам обрести по-

⁷ Достоевский Ф. М. Маленький герой // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 30 тт. Т. 2. Л.: Наука, 1972. С. 294.

кровительство, ищет материнской ласки и заботы, которой был лишён. Характерно, что в горьковском рассказе барышня не называется ни именем, ни прозвищем, и это лишний раз подчёркивает, что Яшкой она не воспринимается как личность, со своим внутренним миром, своими проблемами, желаниями и страданиями, она лишь его мечта о светлом и добром чувстве, отношении, о возможности ощутить себя любимым кем-то – не случайно повествователь говорит, что, как бы герой ни искал свою барышню, её не было нигде, кроме Яшкиной памяти, его сознания, его внутреннего мира. В рассказе Достоевского точного имени героини тоже нет, но всё же женщина названа – в соответствии с традициями времени, на французский манер, с указанием матримониального статуса, первой буквы имени. Для «маленького героя» она личность, и у неё есть своя жизнь, свои дела и проблемы и т. д.

Можно сказать, что эмоциональное развитие героев сходно по своему уровню, глубине, но совершенно несравнимо развитие их сознания: герой Достоевского интуитивно чувствует суть характеров и отношений, осмысливает их и старается сообразовывать с ними собственное поведение, а герой Горького живёт простыми эмоциями и не стремится обдумать или истолковать душевное состояние другого человека. Во многом это объясняется различием социального происхождения героев и той среды, в которой они живут: у Достоевского описан ребёнок из богатой семьи, в то время как горьковский Яшка – сирота, живёт на попечении тётки, которая ему не рада. Героя Достоевского приучали ценить

высокие идеалы, а Яшка был вынужден бороться за выживание.

С концепцией образа героя в обоих случаях связаны стилистические особенности произведений. Горький лаконично описывает чувства Яшки: «...искал, и не мог найти. Похожих было много, и все они кололи ему сердце острым воспоминанием о “ней”, мимолётной грёзе его печальной жизни, все они ещё прочнее запечатлевали в его маленьком сердце её славный, добрый образ ... Нигде не было “её”, кроме его сердца»⁸. Возможно, лаконизм связан с тем, что для душевного мира героя характерны простые эмоции, незамысловатые желания.

Примечательно, что Яшка, как видно из эпилога, передал историю автору сам. Однако Горький использует форму изложения от третьего лица. Здесь дело и в том, что речь героя не настолько развита, чтобы достаточно полно передать яркость эмоций, глубину его отчаяния, нарисовать картину его невесёлой жизни и неудачных чувств, но подобный нарратив позволяет объективировать изложение, чётко выстроить линию сюжета. Также это даёт возможность представить эмоции героя с точки зрения автора-повествователя, который и анализирует, и komponует, и облекает историю в слова.

Достоевский же использует форму повествования от первого лица и даёт произведению подзаголовок «Из неизвестных мемуаров». Этот подзаголовок, как и эпилог горьковского рассказа, придаёт повествованию статус реальной истории. Повествование от

⁸ Горький М. Роман // Горький М. Собрание сочинений: в 25 тт. Т. 3. М.: Наука, 1969. С. 442.

первого лица позволяет рассказчику Достоевского прокомментировать эволюцию своей апперцепции («почувствовал я какое-то одиночество. Тут были и другие дети, но все – или гораздо моложе, или гораздо старше меня; да, впрочем, не до них было мне»⁹ – «Первое детство моё кончилось с этим мгновением»¹⁰), тончайшие грани эмоциональных реакций («притязания коварной блондинки стыдили меня, резали меня, язвили меня до крови»), дать портреты сквозь призму восприятия ребёнка, воссоздать его понимание событий и чужих отношений. Смятение из-за новых ощущений в душе героя отражается на построении текста: автор строит объёмные предложения, нагнетает эмоции, описывает подробности происходящего – всё это даже несколько размывает центральную коллизию рассказа – взаимоотношения влюблённого мальчика с замужней дамой. Со стилистическими особенностями повествования взаимосвязано авторское понимание эмоций ре-

бёнка, переживающего бурю чувств. Рассказчик тщательно припоминает все подробности произошедшего, все тонкие нюансы развития эмоций, и, по всей видимости, причина такого подхода к изображению заключается в том, что пробуждению взрослого чувства в душе мальчика автор придаёт большое значение, видит этот этап становления психологии подростка как маленькую жизнь, в которой любая деталь значима, масштабна и достойна внимания. Горький же краток и зачастую ироничен – это помогает подчеркнуть, что он не романтизирует героя и его историю, изображает повседневность. Однако этот подход к описанию событий и героя вовсе не исключает острого сочувствия к нему. Умение увидеть настоящую драму в повседневности и показать её просто и немногословно – это тоже признак глубокого гуманизма.

*Статья поступила
в редакцию 07.05.2019 г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Матевосян Е. Р. Достоевский в художественном восприятии Горького: автореф. дисс ... канд. филол. наук. М., 1998. 38 с.
2. Мясников А. С. Достоевский и Горький // Достоевский – художник и мыслитель / ред. К. Н. Ломунов. М.: Художественная литература, 1972. С. 523–602.
3. Плющ В. Н. Образ ребёнка в рассказе М. Горького «Девочка» и в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2016. № 3. С. 241–246.
4. Середенко И. И. Виды и функции воспоминаний о детстве в произведениях Ф. М. Достоевского // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. № 8 (71). С. 7–11.
5. Степанова Т. А. Художественно-философская концепция детства в творчестве Ф. М. Достоевского: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1989. 38 с.

⁹ Достоевский Ф. М. Маленький герой // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 30 тт. Т. 2. Л.: Наука, 1972. С. 269.

¹⁰ Достоевский Ф. М. Маленький герой // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 30 тт. Т. 2. Л.: Наука, 1972. С. 295.

6. Сухих О. С. Горький и Достоевский: Продолжение «Легенды...». Нижний Новгород: КиТиздат, 1999. 143 с.
7. Сухих О. С. «Мальчик у Христа на ёлке» Ф. М. Достоевского и «Яшка» М. Горького: соприкосновение и расхождение художественных концепций // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 3 (66). С. 192–195.
8. Сухих О. С., Плющ В. Н. Святочный рассказ в художественном осмыслении Ф. М. Достоевского («Мальчик у Христа на ёлке») и М. Горького («О мальчике и девочке, которые не замёрзли») // Вестник Нижегородского госуниверситета имени Н. И. Лобачевского. 2015. № 3. С. 301–306.
9. Сызранов С. В. «Целое в виде героя»: к пониманию диалектических оснований поэтики Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2015. Вып. 13. С. 174–196.
10. Якимова Л. П. Образ ребёнка в советской литературе 20-х гг. // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2015. № 1. С. 4–17.

REFERENCES

1. Matevosyan E. R. *Dostoevskii v khudozhestvennom vospriyatii Gor'kogo: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Dostoevsky in the artistic perception of Gorky: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1998. 38 p.
2. Myasnikov A. S. [Dostoevsky and Gorky]. In: Lomunov K. N., ed. *Dostoevskii – khudozhnik i myslitel'* [Dostoevsky – the artist and the thinker]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1972. pp. 523–602.
3. Plyushch V. N. [Images of the girls-characters of M. Gorky (“The girl”) and F. Dostoevsky (“Crime and punishment”)]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of Lobachevsky Nizhny Novgorod University], 2016, no. 3, pp. 241–246.
4. Seredenko I. I. [Types and functions of childhood memories in F. Dostoevsky's books]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University], 2007, no. 8 (71), pp. 7–11.
5. Stepanova T. A. *Khudozhestvenno-filosofskaya kontseptsiya detstva v tvorchestve F. M. Dostoevskogo: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [The art-philosophical concept of childhood in the works of F. Dostoevsky: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1989. 38 p.
6. Sukhikh O. S. *Gor'kii i Dostoevskii: Prodolzhenie «Legendy...»* [Gorky and Dostoevsky: Continuation of “Legends ...”]. Nizhny Novgorod, KiTizdat Publ., 1999. 143 p.
7. Sukhikh O. S. [F. Dostoevsky's “The Beggar Boy at Christ's Christmas tree” and M. Gorky's “Yashka”: the contact and the divergence of artistic concepts]. In: *Uchenye zapiski Orlovskogo Gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Scientific notes of Orel State University], 2015, no. 3 (66), pp. 192–195.
8. Sukhikh O. S., Plyushch V. N. [A Christmas story in the artistic comprehension of F. Dostoevsky (“The Beggar Boy at Christ's Christmas tree”) and M. Gorky (“About a boy and girl who were not frozen”)]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo gosuniversiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod], 2015, no. 3, pp. 301–306.
9. Syzranov S. V. [“The whole emerges as a hero”: to the understanding of dialectical principles of Dostoevsky's poetics]. In: *Problemy istoricheskoi poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2015, no. 13, pp. 174–196.
10. Yakimova L. P. [Image of the child in the Soviet literature of the 1920s]. In: *Vestnik Ul'yanovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Ulyanovsk state technical university], 2015, no. 1, pp. 4–17.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Плющ, Виктория Николаевна – аспирант кафедры русской литературы Института филологии и журналистики Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского;
e-mail: lplvn02@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoria N. Plyushch – postgraduate student at the Department of the Russian Literature at Institute of philology and Journalism, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University,
e-mail: lplvn02@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Плющ В. Н. Своеобразие воплощения «детской» темы в рассказах «Маленький герой» Ф. М. Достоевского и «Роман» М. Горького // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 4. С. 129–136.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-129-136

FOR CITATION

Plyushch V. N. Specifics of the 'child theme' expression in the stories by F. Dostoevsky ('the little hero') and M. Gorky ('love affair'). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 4. pp. 129–136.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-129-136

РЕЦЕНЗИИ

УДК 80 (075.8)

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-137-141

**ХРОЛЕНКО А. Т. ВВЕДЕНИЕ В ЭКОФИЛОЛОГИЮ: УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ.
МОСКВА: ФЛИНТА: НАУКА, 2017. 264 С.**

Аманжолова К. Б

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

**KHROLENKO A. T. INTRODUCTION TO ECOPHILOLOGY: TRAINING
MANUAL. MOSCOW: FLINTA: NAUKA, 2017. 264 P.**

C. Amanzholova

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Учебное пособие известного специалиста по общей филологии, теории языка и лингвофольклористике профессора Курского государственного университета А. Т. Хроленко «Введение в экофилологию» посвящено актуальным вопросам современной науки – проблемам экофилологии.

До выхода в свет учебного пособия «Введение в экофилологию» автор выпустил ряд новых книг, посвящённых современной лингвистике: «Основы лингвокультурологии» (2006), «Теория языка» (2006), «Современные инфор-

мационные технологии для гуманитария: практическое руководство» (в соавторстве с А. В. Денисовым, 2007), «Введение в лингвофольклористику» (2010), «Культура филологического труда» (2014), «Введение в филологию» (2015, 2016). Особенно продуктивно заявленная проблематика обсуждалась в книгах «История филологии» [6] и «Основы современной филологии» [7]. В них были обозначены те лингвистические посылы, которые позволили автору выделить из потока научной словесности «языкосберегающую» ин-

формацию и сделать её центром внимания исследователей. Об этом писали и ранее, когда отмечали роль социологов в языке [4] и обосновывали такую науку, как «лингвистическое отечествоведение» [1], призванную обратить внимание учёных на исследование истоков формирования национальной культурно-языковой традиции.

Во введении учебного пособия предлагается краткое содержание и структура новой научной и учебной дисциплины «Экологическая филология», ориентированной на сбережение языка и практику оздоровления речи [5, с. 3].

В первой части данной книги рассматриваются периоды становления истории отечественной экофилологии XVIII–XIX вв. Анализируя экофилологические мысли XVIII века, автор отмечает, что «реформы в важных областях жизни, приобщение к европейской культуре и науке, открытие Московского университета ... сильно повлияли на судьбу русского языка» [5, с. 17].

Рассуждая на тему «Становление отечественной экологической мысли», автор перечисляет работы известных участников общества «Российское собрание» В. К. Тредиаковского и В. Е. Аодурова, которые боролись за чистоту русского письменного слова, за судьбу сбережения языка. Заметим, что роль последнего учёного в истории отечественной филологии до сих пор не оценена по достоинству его научных открытий и интересов, выходивших за стандарты филологического образования того времени. Лишь работы последних десятилетий [2] приоткрыли завесу таинственности над этим удивительным учёным,

стоявшим у истоков формирования экофилологической проблематики. А. Т. Хроленко выделяет также работы М. В. Ломоносова, имя которого связано с обогащением родного языка, и А. П. Сумарокова, много сил отдавшего очищению языка в XVIII в. [5, с. 18].

В разделе «Великая культура бережёт свой язык» А. Т. Хроленко останавливается на развитии экофилологии XIX века и указывает, что движение литературного языка в российском дворянском обществе шло в условиях реальной русско-французской диглоссии. При этом он обратил внимание на то, что при возникновении реальной угрозы, двуязычие может смениться доминированием французского языка. Это он доказывает на конкретных примерах: дневниках русского поэта Ф. Н. Глинки, записях писателя А. А. Бестужева-Марлинского, публицистики П. Я. Чаадаева. Автор справедливо отмечает, что «Языковая смута» в России первой четверти XIX в. была преодолена гением Пушкина [5, с. 29].

Далее А. Т. Хроленко описывает экофилологическое рассуждение И. В. Гёте о ключевых вопросах жизни языка и проблемы эколингвистики в статье «Немецкий язык», опубликованной в журнале «Об искусстве и древности»; говорит о славянорусском корнеслове А. С. Шишкова; рассуждает о русской культуре и родном языке А. Х. Востокова и И. И. Срезневского; отмечает ценность главного труда В. И. Даля «Толковый словарь живого великорусского языка», который указывает средства народного обновления русской литературной речи XIX в. и пути освобождения её от чужеродных заимствований. Чтобы ознакомиться

со значениями «живого великорусского языка» В. И. Даля для светского и духовного образования, автор предлагает прочитать статью современного филолога О. В. Никитина, в которой даётся такая оценка: «Словарь Даля – это Книга для чтения, которую каждый из нас обязан внести в список умных книг, воспитывающих характер, укрепляющих наш дух, помогающих нам своими ценностными ориентирами и питающих нас чистым и благодатным *живым словом*» [3, с. 106].

Автор полагает, что история отечественной науки о сбережении родного языка началась в 1962 г., когда в свет вышла книга К. И. Чуковского «Живой как жизнь», ставшая событием тех лет и не утратившая своей актуальности до наших дней. А. Х. Хроленко полагает, что выводы писателя должны стать «постулатами современной экофилологии» [5, с. 60].

Во второй части раскрываются базовые вопросы сбережения культуры речи. Автор анализирует язык как основной этнический признак. При этом, считая, что «этническое самосознание основывается прежде всего на родном языке», А. Т. Хроленко на конкретных примерах показывает, как рождается настоящее чувство родного языка, какими словесными путями оно передавалось из поколения в поколение В. И. Далем, А. А. Дельвигом и В. К. Кюхельбекером [5, с. 67].

Одним из важных вопросов, изучаемых в экофилологии, по мнению А. Т. Хроленко, являются внешние угрозы русскому языку. Под ними автор понимает такие проблемы, как языковая глобализация и иноязычные заимствования в русской речи. В этой части рассмотрены также по-

нятие о языковой глобализации и характер её проявления в Германии, Великобритании и России, а также её влияние на развитие современной науки [5, с. 93–102].

Автор называет самой приметной «болезнью» языка иноязычные заимствования. Он отмечает их виды и причины [5, с. 114–117].

Предельно актуально звучат мысли А. Т. Хроленко о ситуации с «юридическим бытом» в разделе «Внутренние беды в русской речи», где автор обоснованно говорит о «засилье канцелярита и оскудении культурной наполненности слова» [5, с. 133–150].

Учёному удалось объединить значительный фактический материал в разделе «Перспективы сбережения языка и практика оздоровления речи». Обсуждая эту тему, А. Т. Хроленко останавливается на вопросах охранения языка государства и его идеологических институтов. Он рассматривает опыт сбережения родного языка во Франции и Исландии, подробно рассказывает о Федеральной программе «Русский язык» на 2016–2020 гг. [5, с. 183]. Делая обзор современной прессы, А. Т. Хроленко приводит поучительные примеры сбережения языка, говорит о том, как русскоязычные эмигранты первой волны, оказавшиеся за пределами России, сохранили родную речь и сберегли элементы русской культуры [5, с. 206]. Он пишет: «Как субъект экофилологии, все ключевые вопросы решает яркая разносторонняя личность, человек с широким кругозором, энциклопедически образованный, при этом гибкий, способный к быстрому генерированию неординарных идей, владеющий речью, языком, способный убеждать с помощью образов». В этой мысли учёного заключена

идея изучения языковой личности как объекта экофилологии. При этом он считает, «что в формировании такой личности особую роль играет филология» [5, с. 212]. Далее автор размышляет о природе гуманитарного знания, рассматривает современные проблемы и истоки затруднений в филологическом образовании [5, с. 213–218].

В заключительной части книги «Языковая личность как объект и субъект экофилологии» учёный анализирует роль конкретных личностей и их речевого поведения. Он обратил внимание на таких деятелей науки, как Э. Сепир, Ю. Н. Караулов, А. А. Реформатский [5, с. 231].

Подводя итоги, автор приходит к выводу, что «сверхзадача экофилологии – формировать в обществе убеждение, что любви к родному языку можно и должно целенаправленно учить» [5, с. 242].

Достоинством книги является доступное и интересное изложение основных этапов становления экофилологии как одной из самых актуальных научных дисциплин, имеющих и прикладное знание. А. Т. Хроленко как автор предстаёт перед читателем не просто историком лингвистической мысли, но и самобытным, живым, неравнодушным педагогом, любящим и ценящим родную речь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистическое отечествоведение: коллективная монография: в 2 т. Т. 2 / под ред. В. И. Макарова. Елец: Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина, 2001. 239 с.
2. Никитин О. В. Василий Евдокимович Адодуров (К 300-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2009. № 5. С. 104–109.
3. Никитин О. В. Книга для чтения (К 150-летию Словаря В. И. Даля) // Русская речь. 2016. № 6. С. 99–106.
4. Ожегов С. И. О просторечии (к вопросу о языке города) // Вопросы языкознания. 2000. № 5. С. 93–110.
5. Хроленко А. Т. Введение в экофилологию: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2017. 264 с.
6. Хроленко А. Т. История филологии: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2013. 136 с.
7. Хроленко А. Т. Основы современной филологии: учебное пособие / науч. ред. О. В. Никитин. М.: Флинта: Наука, 2013. 352 с.

REFERENCES

1. Makarov V. I., ed. *Lingvisticheskoe otechestvovedenie: v 2 t. T. 2* [Linguistic national science: in 2 vols. Vol. 2]. Yelets, Bunin Yelets State University, 2001. 239 p.
2. Nikitin O. V. [Vasily Evdokimovich Adodurov (To 300th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2009, no. 5, pp. 104–109.
3. Nikitin O. V. [A book for reading (150 years of Dahl's Dictionary)]. In: *Russkaya rech* [Russian Speech], 2016, no. 6, pp. 99–106.
4. Ozhegov S. I. [On the colloquial speech (to the question about the language of the city)]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language], 2000, no. 5, pp. 93–110.
5. Khrolenko A. T. *Vvedenie v ekofilologiyu* [Introduction to ecophilology]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2017. 264 p.

6. Khrolenko A. T. *Istoriya filologii* [The history of philology]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2013. 136 p.
7. Khrolenko A. T. *Osnovy sovremennoi filologii* [The foundations of modern Philology]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2013. 352 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Аманжолова Кульназия Бодиховна – аспирант кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета;
e-mail: 10195910@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Culnazia B. Amanzholova – postgraduate student at the Department of History of Russian and General linguistics, Moscow Region State University;
e-mail: 10195910@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Аманжолова К. Б. Хроленко А. Т. Введение в экофилологию: учебное пособие. Москва: Флинта: Наука, 2017. 264 с. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 4. С. 137–141.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-137-141

FOR CITATION

Amanzholova C. B. Khrolenko A. T. Introduction to ecophilology: training manual. Moscow: Flinta: Nauka, 2017. 264 P. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: Russian philology, 2019, no. 4. pp. 137–141.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-137-141

УДК 821.161.1-1“1799/1842”

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-142-145

**НАЦИОНАЛЬНАЯ (С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ)
НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКАЯ РОМАНТИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ:
К 220-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. ПУШКИНА (1799–1837) И
210-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. В. КОЛЬЦОВА (1809–1842)»**

Никитин О. В.

*Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,
Российская Федерация*

*Петрозаводский государственный университет
185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33,
Российская Федерация*

**NATIONAL (WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION) SCIENTIFIC
CONFERENCE “RUSSIAN ROMANTIC POETRY: TO THE 220TH
ANNIVERSARY A. PUSHKIN (1799–1837) AND 210TH ANNIVERSARY OF
A. KOLTSOV (1809–1842)”**

O. Nikitin

*Moscow Region State University
24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

*Petrozavodsk State University
33 prospekt Lenina, Petrozavodsk 185910, Republic of Karelia, Russian Federation*

В последние годы Петрозаводский государственный университет стал привлекать внимание исследователей содержательными событиями в мире филологического просвещения: в 2018 г. прошли международные

«Фортунатовские чтения в Карелии», традиционными стали «Рябининские чтения». Много внимания учёные из края рек и озёр уделяют изучению традиционной истории Русского Севера – проблемам лингвофольклористики и ономастики, становлению русского литературного языка и этнологии культуры.

27–29 июня 2019 г. Петрозаводский государственный университет в очередной раз стал организатором интересного научного мероприятия, приуроченного к двум памятным датам: 220-летию со дня рождения А. С. Пушкина и 210-летию со дня рождения А. В. Кольцова. Соучастниками национальной (с международным участием) конференции стали авторитетные вузы и академические учреждения России: Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Воронежский государственный университет (ВГУ), Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина (РГУ имени С. А. Есенина), Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова (МГТУ им. Г. И. Носова) и Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева (ЧГПУ им. И. Я. Яковлева).

Имена русских поэтов А. С. Пушкина и А. В. Кольцова уже давно вошли в летопись русской истории и словесной культуры как певцы родного эпоса, создатели и вдохновители национальной школы народной поэзии, как благородные, светлые личности и удивительные по глубине и тонкости

слога творцы высокого искусства. Их деятельность и поэтические устремления, конечно же, находят отклик и у современных филологов, черпающих крупницы вдохновения в том далёком, но всё же близком и радостном мире романтиков-реалистов первой половины XIX века – основателей русского Парнаса. За ними шли все остальные...

27 июня на пленарном заседании «Русская романтическая лирика как актуальное направление филологических исследований» были заявлены оригинальные доклады Л. Л. Шестаковой (ИРЯ имени В. В. Виноградова РАН) «“Он – Пушкин, и бессмертен он!”: образ Пушкина в строках поэтов Серебряного века», Н. В. Патроевой (ПетрГУ) «Синтаксис А. С. Пушкина и А. В. Кольцова как объект лексикографического представления», Н. В. Пушкаревой (СПбГУ) «Семантика и прагматика глагольных форм в прозаических текстах А. С. Пушкина», С. В. Рудаковой (МГТУ им. Г. И. Носова) «“Каменноостровский цикл” А. С. Пушкина (основы художественного единства)», З. И. Минеевой (ПетрГУ) «Прагматический потенциал зоотропов у А. С. Пушкина», Л. П. Михайловой (ПетрГУ) «О сложности толкования редкого пушкинского слова (*лих* на фоне русской и славянской лексикографии)».

Во второй части дня работа пленарного заседания продолжилась следующими выступлениями: Е. О. Ларионовой (ИРЛИ РАН) «Карельские поэмы Ф. Н. Глинки: вопросы текстологии и проблема жанрового своеобразия», Е. И. Марковой (Карельский научный центр РАН) «Невеста и медведь: трансформация пушкинского сюжета в “Песни о Великой Матери” Николая

Клюева», В. Н. Калиновской (ИЛИ РАН) и О. А. Старовойтовой (СПбГУ) «Лексическое наполнение активной словообразовательной модели (на примере новообразований пушкинской эпохи)», С. Л. Михеевой (ЧГПУ им. И. Я. Яковлева) «Парадоксы художественного мира А. С. Пушкина: *лень – праздность – свобода*», Т. Е. Абрамзон (МГТУ им. Г. И. Носова) «Жанрообразующая формула “блажен, кто...” в русской поэзии».

В этот же день состоялись круглый стол «Поэтика и стилистика русской литературы: актуальные аспекты исследований» и презентация новых научных изданий.

28 июня проходили секционные заседания на темы: «Герменевтика и историософия русской литературы», «История языка русской поэзии и прозы». В ходе выступления участников обсуждались следующие проблемы: русская художественная картина мира эпохи романтизма, исторические факты в балладе А. С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге», романтические мотивы в любовной лирике А. Григорьева, метафизика креста в лирике М. Ю. Лермонтова, мужское и женское начала в поэзии А. В. Кольцова. Докладчиками стали учёные-филологи, представители разных регионов России: Н. И. Николаев, Т. В. Швецова (Северный (Арктический) фе-

деральный университет имени М. В. Ломоносова), Е. Л. Райхлина (Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого), И. В. Пахомова (РГУ имени С. А. Есенина), А. Ю. Нилова (ПетрГУ), Е. Н. Шелухина (МГУ имени М. В. Ломоносова), Т. Ю. Кудрявцева (Воронежский государственный технический университет). Выдвигались интересные идеи создания словаря цитат и крылатых выражений А. В. Кольцова (Л. В. Кольцова, С. А. Чуриков – ВГУ), анализа древнегреческих корней и количественно-именных сочетаний в лирике А. С. Пушкина (А. А. Скоропадская, И. Н. Дьячкова – ПетрГУ), изучения синтаксиса поэзии А. А. Дельвига в контексте лексикографического описания (А. А. Лебедев – ПетрГУ), исследования средств гипотаксиса в послепушкинскую эпоху (Н. С. Ганцовская – Костромской государственный университет) и некоторые другие.

Во время конференции организаторы организовали культурную программу: участники и гости этого научного события побывали в Национальном музее Республики Карелия и Музее изобразительных искусств.

Материалы конференции частично будут опубликованы в «Учёных записках Петрозаводского государственного университета».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никитин Олег Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета; профессор кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета;
e-mail: olnikitin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg V. Nikitin – Doctor in Philological Sciences, Professor at the Department of History of Russian Language and General Linguistics, Moscow Region State University; Professor at the Department of Russian Language, Petrozavodsk State University;
e-mail: olnikitin@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Никитин О. В. Национальная (с международным участием) научная конференция «Русская романтическая поэзия: К 220-летию со дня рождения А. С. Пушкина (1799–1837) и 210-летию со дня рождения А. В. Кольцова (1809–1842)» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 4. С. 142–145.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-142-145

FOR CITATION

Nikitin O. V. National (with international participation) scientific conference “Russian romantic poetry: to the 220th anniversary A. Pushkin (1799–1837) and 210th anniversary of A. Koltsov (1809–1842). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 4, pp. 142–145.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-142-145

УДК 003.08:008; 37.014.24

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-146-150

ДЕНЬ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И КУЛЬТУРЫ – 2019. СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

Батурова Т. К.

*Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,
Российская Федерация*

THE DAY OF SLAVIC WRITING AND CULTURE – 2019. A WORD ABOUT THE TEACHER

T. Baturova

*Moscow Region State University
24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Праздник святых равноапостольных Кирилла и Мефодия посвящён двум великим просветителям, учителям славянским, а вслед за ним идёт День филолога. Вот так промыслительно соединились эти два события, принеся в очередной раз праздник на наш факультет. В такой день совершенно необходимо вспомнить о наших дорогих учителях и наставниках.

Об отношении к старшим людям строго сказано в третьей Книге Библии – «Левит»: «Перед лицом седого вставай, и почитай лицо старца, и бойся Бога твоего» (Лев.19: 32). Поэтому так важно принести дань уважения нашим учителям. Прежде всего, недавно ушедшему Павлу Александровичу Леканту; преподавателям, чей юбилей приходится на 2019 год: Владимиру Николаевичу Богословскому (100 лет), Александру Никитовичу Кожину (100 лет), Николаю Андреевичу Кондрашову (100 лет), Алексею Андреевичу Мигунову (100 лет), Михаилу Васильевичу Минокину

(100 лет), Анастасии Филимоновне Войтенко (90 лет), Леониду Павловичу Кременцову (90 лет), Татьяне Сергеевне Михеевой (90 лет), Майе Фёдоровне Тузовой (90 лет). Необходимо поклониться Клавдии Анатольевне Войловой, приведшей День славянской письменности и культуры на наш факультет. А сколько ещё других имён встают в памяти! Все наши учителя, друзья и коллеги живы, ибо продолжается их дело, трудятся их ученики. Есть мудрые слова: «Человек живёт, пока его помнят». Вот и надо помнить своих наставников, чтобы не было, как в пословице: «С глаз долой – из сердца вон».

Совсем недавно ушёл от нас Павел Александрович Лекант. О нём как о выдающемся российском лингвисте и замечательном преподавателе скажут ещё много, но сейчас вспоминается его участие в жизни родного факультета. Он всегда приходил на факультетские праздники, непременно выступал на них, щедро и открыто делился свои-

ми знаниями и любовью к русскому языку. И сегодня, хотя и нет с нами Павла Александровича, ощутимо его присутствие на Дне славянской письменности и культуры. Совсем как у А. С. Пушкина в «Андрее Шенье»:

*... я, забыв могильный сон,
Взойду невидимо и сяду между вами,
И сам заслушаюсь, и вашими слезами
Упыюсь... и, может быть, утешен
буду я
Любовью...* [4]

В этих словах сказано о том, что сильнее смерти, – о любви. Вспоминаются замечательные строки из стихотворения в прозе И. С. Тургенева «Воробей»: «Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь» [5].

Но ещё живут и трудятся на свете наши учителя и старшие наставники: Вера Николаевна Аношкина, Евгений Николаевич Колокольцев, Лев Феодосьевич Копосов, Лидия Георгиевна Лёнюшкина, Юрий Иванович Сохряков... И так необходимо окружить их заботой, любовью, поклониться им! Особо хочется сказать о Вере Николаевне Аношкиной: ей 25 июня исполнилось 90 лет. Что же стоит за этой большой датой?

Протоиерей Сергей Булгаков отметил глубинный смысл некоторых встреч на жизненном пути человека и назвал эти встречи «духовным касанием» [1, с. 308]. Возможно, к таким особенным встречам и относится та, которая произошла в моей жизни около 40 лет назад. Тогда пришла в наш вуз Вера Николаевна Аношкина. Пришла из солидного издательства «Просвещение»

на должность заведующего кафедрой русской классической литературы. Кафедра ждала нового руководителя, волновалась, потому что будущий руководитель был мало кому знаком. Просто знали, что должна прийти умная и красивая женщина. И в день прихода новой заведующей члены кафедры внимательно всматривались во всех незнакомых женщин, приходивших на факультет. Но все они были самые обычные. Наконец, в дверях деканата появилась красивая, высокая, стройная женщина с приветливой улыбкой и зазвучал её голос. Декан Майя Фёдоровна Тузова скажет потом, что этот голос звучит, как колокольчик. Так и вошла в нашу кафедральную жизнь Вера Николаевна Аношкина и осталась в ней навсегда.

Вспоминается первое заседание кафедры, которое проводила новая заведующая. Главным тогда было твёрдое и решительное обещание сохранить традиции кафедры. Не сломать, не перестроить под себя, а сохранить. И это обещание Вера Николаевна выполняла до конца. Но внесла она и новую, живую струю в нашу кафедральную жизнь. По сути, дала кафедре второе дыхание. Она окружила каждого вниманием, сочувствием, заботой. Её служение было жертвенным. Есть в Евангелии замечательные слова: «... Сын Человеческий не для того пришёл, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мф. 20: 28). Слова эти очень высокие, но кафедральная работа Веры Николаевны была в какой-то степени им созвучна. Не было на кафедре и даже на факультете человека, которому Вера Николаевна не стремилась бы протянуть руку по-

мощи. Она буквально создала каждого члена кафедры: пробудила природные дарования и помогла им реализоваться. У неё всегда были захватывающие планы, проекты, и всех она старалась ими увлечь, никого не отстраняя. А сколько замечательных обсуждений лучших научных трудов организовала Вера Николаевна в нашем коллективе, буквально втягивая каждого в ритм научной жизни! При этом непростая преподавательская работа становилась насыщенной, яркой, напряжённой, превращалась в служение.

Помню неформальные и очень глубокие научные доклады Веры Николаевны о самых важных вопросах современной литературной науки: об истории и сущности романтизма, о жизни и творчестве дорогих для неё В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, поэтов-декабристов и, конечно же, особо любимого Ф. И. Тютчева.

А каким чудесным лектором она была! Не только аспиранты, но и преподаватели ждали её лекций: откладывали все дела и спешили на эти занятия, старались не пропустить ни одного слова лектора. Так глубоко и ярко о русской литературе не мог сказать никто. А Вера Николаевна была только рада приходу гостей на её занятия.

Для того чтобы молодые исследователи могли глубже проникнуть в литературный процесс XIX века, Вера Николаевна организовала для них занятия по французскому языку – языку переписки, дневников, живого общения русских классиков – и сама неизменно ходила на эти занятия, не пропустила ни одного.

А как удивительно работала Вера Николаевна с докторантами, аспирантами, соискателями! Здесь она была

ярким представителем старой научной школы: давала простор исследовательской мысли, никогда не ограничивала научную инициативу начинающего учёного, не била по рукам, не выдёргивала пёрышки из его крыльев. Она сердцем чувствовала тему исследования, видела её перспективу, давала человеку направление мысли, поддерживала всеми силами, никогда не задевала человеческого достоинства. А на защитах кандидатских и докторских диссертаций она, будучи председателем диссертационного совета, порой объясняла не только членам совета, но и самому соискателю значение его работы, поощряла человека, вдохновляла на продолжение научного поиска.

Сколько замечательных книг, монографий, учебников, хрестоматий, сборников научных трудов, учебных программ создала Вера Николаевна! Студенты многих вузов страны учатся по её трудам. Последняя солидная книга Веры Николаевны, в которую она вложила всю душу, – коллективная монография, посвящённая газете И. С. Аксакова «Русь». Этот труд достойно представлял Россию на недавней книжной выставке во Франции. А совсем недавно на свою пенсию Вера Николаевна издала брошюру, посвящённую России. Она так и называется: «Этюд о России-матушке. Размышления и воспоминания». Уже больная, Вера Николаевна приехала на факультет и с радостью подарила эту книжечку друзьям и коллегам. Вся её любовь к Родине, к людям, к литературе, к жизни выражена здесь. И даже сейчас, преодолевая свои физические немощи, она думает о каждом, с кем свела её судьба:

старается сказать доброе слово, направить, утешить, молится...

Пожелаем же Вере Николаевне и другим нашим незаменимым учителям, наставникам – всем нашим старшим доброго здоровья, долгого и плодотворного служения людям, заботы родных, коллег, учеников!

С ранней юности живёт в моём сердце и никуда не уходит одна поэтическая строчка: «Пока вы живы, старшие мои...». Так называется стихотворение Риммы Казаковой. Вот некоторые строфы из него:

*Пока вы живы, старшие мои,
Чьи речи и намеренья не лживы,
Душе не оказаться на мели.
Не допустили б вы, пока вы живы!*

*Терзали вас забвенью и чины,
Тоска и славы золотые жилы,
Но и добро, и зло обречены*

С достоинством сносить, пока вы живы.

.....
*В морицинах, погрузневшие уже –
Особой красотою хороши вы...
Есть на кого равнение душе
С отрадою держать, пока вы живы.*

*Так проживу всё, что – один лишь раз,
Как зёрнышко с живучей вашей нивы.
Пусть кто-нибудь когда-нибудь и нас
Вознаградит таким: «Пока вы живы...»! [3]*

Будем же всегда благодарны своим учителям, ведь, по словам одного из последних оптинских старцев, схиархимандрита Амвросия (Иванова), «человек с благодарным сердцем никогда и ни в чём не нуждается» [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков Сергей, протоиерей. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Париж: YMCA-PRESS, 1965. 403 с.
2. Дашкевич Т. Человек с благодарным сердцем [Электронный ресурс]. URL: <http://vos.1september.ru/articlef.php?ID=199903804> (дата обращения: 04.07.2019)
3. Казакова Р. Ф. Пока вы живы, старшие мои... // Казакова Р. Ф. Мадонна. М.: АСТ, 2014. С. 109–111.
4. Пушкин А. С. Андрей Шенье // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 тт. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1959. С. 83.
5. Тургенев И. С. Воробей // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 тт. Т. 10. М.: Наука, 1982. С. 142.

REFERENCES

1. Bulgakov Sergius, archpriest. *Pravoslavie. Ocherki ucheniya Pravoslavnoi Tserkvi* [Orthodoxy. Essays on the teachings of the Orthodox Church]. Paris, YMCA-PRESS Publ., 1965. 403 p.
2. Dashkevich T. *Chelovek s blagodarnym serdtsem* [People with a grateful heart]. Available at: <http://vos.1september.ru/articlef.php?ID=199903804> (accessed: 04.07.2019)
3. Kazakova R. F. [While you are alive, my older...]. In: Kazakova R. F. *Madonna* [Madonna]. Moscow, AST Publ., 2014. pp. 109–111.
4. Pushkin A. S. [Andre Chenier]. In: Pushkin A. S. *Sobranie sochinenii: v 10 tt. T. 2* [Collected works: in 10 vols. Vol. 2]. Moscow, State Publishing House of Fiction Publ., 1959. pp. 83.
5. Turgenev I. S. [Sparrow]. In: Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 tt. T. 10* [Complete works and letters: in 30 vol. Vol. 10]. Moscow, Nauka Publ., 1982. pp. 142.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Батунова Татьяна Константиновна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: baturova.t@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana K. Baturova – PhD in Philological Sciences, Professor at the Department of the Russian Classical Literature Moscow Region State University;
e-mail: baturova.t@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Батунова Т. К. День славянской письменности и культуры – 2019. Слово об учителе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 4. С. 146–150.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-146-150

FOR CITATION

Baturova T. K. The day of Slavic writing and culture – 2019. A word about the teacher. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 4. pp. 146–150.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-146-150

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Сегодня выпускается десять журналов (предметных серий) «Вестника Московского государственного областного университета»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Журналы включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журналы также включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
2019. № 4

Над номером работали:

Литературные редакторы Т. Е. Шаповалова, М. С. Тарасова
Переводчик И. С. Шаповалов
Компьютерная вёрстка Н. Н. Жильцов

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»
Информационно-издательского управления МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Усл. п.л. 9,5, уч.-изд. л. 9,5.

Подписано в печать: 26.09.2019 г. Дата выхода в свет: 03.10.2019 г. Заказ № 2019/09-02.

Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10А